

Семён Грила

ПРЯТКИ

Рассказы

Санкт-Петербург
2026

УДК 82-32:82-221
ББК 84стд1-447:84стд1-64
Г83

Г83 Семён Грила

Прятки. Рассказы. — Санкт-Петербург, 2026. — 346 с.

Жизнь не так проста, как кажется. С героями рассказов Семена Грилы происходят события странные, страшные и местами невероятные. Кто-то скажет: все понятно — это магический реализм. А мы ответим: в точку! Но это не абстрактный магический реализм, а наш, отечественный — со следователями и коровниками, губернаторами и призывными пунктами, ящиками смерти и препаратами для продления жизни. Семен Грила — автор романов («Коридоры»), пьес («Мавзолей», «Похороны Смирнова»), рассказов (сборник «Иллюстрации к картинкам») и фантасмагорических сказок («Антарктида», «Крокодил»).

© Семён Грила, 2026.

© Виктор Богорад, иллюстрации, 2026.

CYETA

Сопли. Стало быть, опять простуда. Опять грипп. Опять головная боль. Крутит ноги и руки. А дедлайны никто не отменял. И что-бы мне отказаться — нет! Я не только не отказался, но и настаивал на своём участии и взял на себя непомерно много. Гордыня обуяла, как всегда.

Так или примерно так думал Гриша — Григорий Черешнев, если заглянуть в документы. Впрочем, он любил придумывать: свою жизнь, свою поджизнь и свою ещё не жизнь. Прошное и будущее.

Он был подёнщиком — низший класс. Такие люди были всегда: самая низкооплачиваемая работа в трюме или работа за других. Трюм мог быть и фигуральным, и чаще всего таковым и был.

Тексты. Тексты, тексты... Нет, никаких подделок, никаких копий — только сопровождение. Поддержка существования тех, кто мог платить за это деньги. Многим нужно было слыть, а не быть; многим было наплевать на всех и на всё, кроме ритуалов и манер. Стиль соблюдался, а внутри — неважно. Упаковка.

Вот этим он и занимался — упаковыванием людей. Человеков, которые хотели казаться интеллектуалами или хотя бы просто людьми, которые в теме мейнстрима — или чуть сбоку, впереди, но ни в коем случае не сзади.

Коростылёва была блогершей с миллионами подписчиков в телеграме/инстаграме и ведущей с немиллионами в ютубе. Топ, но не до конца. Полуторка. Не трёхтонка.

Сегодня она ждала постановки материала про кино. Прошёл Каннский фестиваль. Она наснимала там селфи и всего прочего, заплатив за сессию, но нужна была и рецензия. Нет, рецензии: несколько коротких реплик и один, но большой текст с разбором полётов.

Гриша не спал ночь. Она ему писала из Канн, подавала сюжеты и реплики. Он сморкался и кашлял — красный и изнурённый.

Он смотрел репортажи. Он ненавидел людей: эти платья, эти позы, смех и фальшивые поцелуи. Говно — это всё он видел тысячу раз, и оно никак не менялось. Нет, менялось: становилось плотнее. Ряды смыкались. Культуры всё меньше, лоска всё больше. Технологии побеждают всё живое, и это было Грише отвратительно.

«Канны с их левацким взглядом на культуру через потребности маленького человека, сквозь плотные занавески, отгораживающие жюри от мира, где происходят конфликты мировоззрений, где лицемерие наглет до конца, девальвируют набранный когда то авторитет, превращая его в раздачу индულгенций».

Гриша не попадал в клавиши.

«Они, суки, должны вселять уверенность в настоящих творцов будущей реальности, а не потакать шаблонам прошлого. Констатация и перепевки одних сценариев в другие, бесконечные повторения, имитации и разоружение перед силой прямого удушения нестерильных позиций».

Он отослал наброски Коростылёвой.

«Что это за херня? — написала она ему. — Немедленно возьми и напиши нормальную мне, б**дь, рецензию».

А пошла она тогда! Гриша закрыл ноутбук и налил виски в стакан.

«Мифология Канн перестала греть душу, хотя она не грела её ни Сартру, ни Трюффо, ни остальным — тем, кто считал фестивали освобождением культуры, а вышло наоборот».

Гриша прочитал это — или ему померещилось? Вроде это было в ленте. Кто это написал? Он открыл ноутбук — нет, не померещилось. Некто Невструев ссылался на сороковые годы, на лидерство Сартра и на прочую ерунду. «Канны, — писал автор, — это умозрительное прошлое. Оно пошло, трещит и маскирует, сводит на нет усилия постлибералов вернуть традицию в семью».

Гриша опять закрыл ноутбук. Телефон пищал от сообщений.

Гриша вспомнил Бергмана: «Фестивальная суэта омерзительна», — говорил он. Вот-вот. А если так, то чего от меня хотят? Я не Бергман, не Висконти и не Камю.

Гриша заплакал. Ему было больно и страшно. Он бредил. Он почему то решил, что если сейчас Коростылёва его не возьмёт, то всё — он больше не найдёт работы. Он забыл, что имеет в своём активе с десяток действующих подрядов. Он был подёнщик — он найдёт работу всегда. Но всего этого он не помнил: он был там, в Каннах, на ярмарке тщеславия, а значит — значит, он был один и навсегда. Самый нужный и самый почитаемый.

В дверь позвонили. Гриша не услышал. В дверь начали стучать. Гриша услышал и испугался. За ним пришли. Наверное, он что то не так написал, или его слил заказчик, или кто то пожаловался в Канны. Последнее предположение отрезвило и вернуло мозг Гриши на сторону света. Он поднялся, потому что молотить не переставали, а к ударам добавился голос: «Открывай, тварь, я знаю, ты дома!»

Это была Коростылёва.

Он открыл дверь и заорал. Она была без грима — или это была не она. И то и другое было ужасно.

Нет, не Коростылёва. Она прислала свою помощницу, свою почти копию. Потому что Гриша ушёл со связи. Потому что он её подставлял — подставлял с рецензией и с синопсисом ночного эфира в ютубе. Сука!

Про синопсис он слышал впервые.

«Ты забыл! Ты debil!» — орала Коростылёва в трубку. Помощница нашла её и дала ему, молча подождав, пока он включит.

Коростылёва хотела передачу про коммерческие Канны — где всегда побеждает тот, кто договорился с фестивальной мафией: этими продюсерами, прокатчиками и журналистами.

— Кто гость? — спросил Гриша.

— Ты, Гриша, и будешь гостем, если обещаешь сказать всё правильно.

— Нет, мать, я не публичный пассажир.

— Так пора начинать, — она засмеялась. — В общем, давай в душ, потом оденься красиво до пояса — и будем писаться.

— А красиво выше пояса или ниже? — спросил Гриша.

— Не смешно.

— Как будешь меня титровать?

— Автор романа «Канны», документального, основанного на воспоминаниях участников и обслуживающего персонала. Ты же подёнщик? Вот.

— Но такого романа нет. Я точно его не писал.

— Напишешь, а пока цитаты оттуда приготовь.

— А что я должен сказать правильно?

— А! Вот молодец, чуть не забыла. Ты должен сказать, что победители Канн — это всегда политические назначенцы и бюрократические решения Парижа, Берлина и Брюсселя.

— Да ладно.

— Именно так! И все всегда это говорили: и в 47-м, и в 68-м, и теперь. Крайне левые либо держали там масть, или — если это не удавалось — бойкотировали. Поэтому и Звягинцев, поэтому и все остальные, кто там был.

— Тут слишком много букв. Ты же сама не смогла бы их собрать.

— Клиент — заказчик и друг.

— Понятно. А я — промокашка.

— Ты дизайнер всех наших побед. Дотираешь нестираемое. Тебе не привыкать.

— Репутация.

— У подёнщика нет репутации.

— Гордость.

— В жопу засунь. Ладно, я побежала. Света проследит. Через два часа чтобы был готов.

— Ты п**да и мразь.

— А ты огурчик малосольный. Пока.

Через два часа они записали ролик передачи, послали, кому надо было послать, там одобрили без замечаний — ну, кроме мелких стилистических, — обещали ротацию.

В это время Гриша опять уже спал, напичканный жаропонижающими лекарствами, а потому усыпляющими. Канны. Ему опять снились Канны. Но не фестиваль, а роман. Он вертит книгу в руках, а вокруг девушки-девушки-девушки.

* * *

— Все инструменты сломались, чем мы будем работать завтра? — говорил большой начальник своим помощникам. — Нам нужны новые лица. Чтобы использовать новые лица завтра, их надо заигрывать уже сегодня, — тут он позволил себе улыбку.

Все кивали.

— Идите работайте, — сказал босс.

Все встали и ушли.

Медиатитан включил ютуб и увидел Гришу. Вернее, услышал его рассказ о романе про Канны, который он сейчас заканчивает. Он вызвал помощника.

— Видишь, — сказал он, кивнув на экран, — найди мне его, и роман найди. «Канны» — так и назовём новый проект. Взорвём Европу к ебням. Снимем фильм и повезём в Канны. «Канны» — в Канны.

Он отослал помощника и набрал номер.

— Есть идея, — сказал он в трубку. — Есть! — произнёс, выслушав ответ. — Буду в четырнадцать. Хорошо. Есть!

Положил трубку. Потёр виски.

* * *

Гриша в изумлении выслушал звонившего.

— Когда выйдет роман? Пока не знаю. Нет, помощь не нужна. Конечно, сообщу. Конечно, буду. До свидания.

Канны, Канны, дались всем эти Канны... Наваждение. Роман? Где я им возьму роман? Написать? Да ну вас совсем. Лучше я выйду в окно.

Но он не вышел в окно — он пошёл писать роман.

РУБЫ

Она росла обычным ребенком, если не считать, что она была девочкой. А как мы знаем, все девочки необычные. Обычные — исключение. Они вообще не совсем девочки. Каждая девочка — это мир, вселенная или галактика. А у обычной что? Деревянные игрушки.

Вот так и Роза. Имя необычное — ну, не совсем. Вот так и всё у нее — обычная необычная девочка.

Школа, фигурка, танцы и музыкальная школа. Нигде не последняя, но и не первая. Потом гормоны, потом плач по ночам, чего это она такая некрасивая. А потом вселенная сузилась совсем.

Губы. Всё плохо, потому что у нее губы — не как к Светки. У той, надо признать, были знатные губы — пухлые и красные. Все завидовали, а Роза больше всех.

Цель жизни была определена. Сделать губы. Всё остальное само собой добавится.

Роза спросила у мамы, где делают губы. Мама ответила: не нужны тебе никакие губы, учись — и всё приложится.

Ну, у мамы не сильно приложилось. Папа давно ушел к подруге матери. У той не было особых губ, зато была жопа. Тоже неплохо. Но Розе нужны были губы.

Мама просила ее построить свою жизнь вокруг менее ограниченной, менее тупиковой, что ли, цели. Роза не слышала. Мама не смогла достучаться. Не нашла слов. Не нашла энергии пробить подростковую стену. Скомпрометировать иллюзии. Они продолжали разговаривать, но чем дальше, тем глуше был в Розе отзвук маминых слов.

А потом Роза выросла. Пошла работать и сделала наконец себе губы. Ей сначала было сложно, а потом постепенно привыкла, хотя некоторое неудобство осталось. Ей казалось, что она гримасничает. Но губы так лежали. В состоянии покоя. Она ими не двигала, но мозг считывал гримасу. Это она потом в интернете прочитала.

Ее речь стала более плавной, и все ее движения изменились. Она стала томной. Так она себя ощущала. Ее чаще стали звать куда-нибудь. Она пережила феерию коротких романов. Родила.

Нашла денег и воспитывала дочку. Ну как воспитывала — как могла. Как все.

Губы жили своей жизнью, требовали подкачки. Почти как шины, смеялись подружки. Они сидели в кафе. Все, как одна, тоже губастенькие.

Она ходила по улицам. Она наслаждалась собой. Наконец цель ее жизни была достигнута.

Можно было начинать жить.

И тут с ней произошла одна странная вещь. Она разлюбила свои губы.

Нет, не так. Она сначала полюбила Фёдора. Был такой парень у них в конторе. Но Фёдору не нравились ее губы. Он был эстет или сноб. Она пыталась найти разницу между этими состояниями и не смогла, поэтому не знала точно, кто он. Но что говнюк, знала точно.

Она опять плакала. А потом родилась новая цель — вернуть свои губы.

Фёдор идею одобрял, но ему не нравилось еще и то, что Роза имела дочку. В общем, с Фёдором не по-

лучилось взаимности. А цель осталась, приобретя душераздирающий оттенок.

Фёдор, Фёдор, — все печалилась и печалилась Роза. Сука!

Косметологи отговаривали Розу от сдутия губ, как она называла этот процесс. Они говорили, что вокруг рта появятся морщины, будет такой старческий рот. Она будет выглядеть старой. Они показывали ей это будущее на смоделированных компьютерных картинках. Роза плакала. Она не знала, что ей делать. Она смотрела на картинки в ужасе, но это не лишало ее ненависти-ненависти-ненависти. Эти губы...

Тем временем подрастала дочь. Смотрела на Розу. Ей очень нравились Розины губы. Они были такими же, как у большинства мам ее подружек в школе. Она тоже хотела такие.

Роза сошла с ума. Нет, не так. Она наконец поняла маму. Как она страдала от Розиных слов тогда. Как пыталась ее отговорить от этих губ.

Роза растерялась совсем. Со всей ярости она кидалась на стену юной непоколебимой уверенности. И разбивалась в кровь. Она не сдавалась. Она приводила примеры. Дочь в ответ говорила: мама, посмотри вокруг — где разочарованные? Она, конечно, не так формулировала, но сленг Роза совсем не понимала, поэтому переводила для себя как могла.

Спасение пришло в виде мальчика Вити. Дочь влюбилась. Витя, узнав про мечту дочери, сказал: ты что, дура?

Идея делать губы растаяла мгновенно.

Витя стал Розиным кумиром. Теперь она даже как-то примирилась со своими губами. Тем более что все новые поколения меняли картинку вокруг. Губастеньких становилось все больше. Они меняли облик городов и вечеринок. Роза решила, что она теперь окончательно с большинством, и даже ее мозг стал лояльнее к поведению губ. Она пошла

и в очередной раз добавила в них жизни в виде жира
какого-то или кислоты.

Эх, губы, подумала Роза, выйдя от косметолога.
Ведь это не губы-губы. Это судьба ее. Не образ. Ее
выбор. Губы, а мог бы быть нос.

Она пошла домой. И напилась. Лежала пьяная.
Все казалось не таким тупым. Она встала, достала
помаду, наредила губы и пошла гулять.

КОРОВНИК

Лев Карлович смотрел на коров. Он любил коров, он знал, что они дают молоко, и это его всегда восхищало. Сейчас он был в некотором затруднении, ибо видел их близко, живых, и такой опыт случился с ним впервые. Он вообще-то не имел никакого отношения к сельскому хозяйству — он был учителем физики в средней школе. И как оказался среди коров, не помнил.

Вчера он допоздна разбирался с контрольными. Он ненавидел этот процесс, особенно когда все начали баловаться сначала соцсетями, а потом и нейронными. Ему как физику многое было непонятно, он терпел, хотя давалось это ему с трудом.

Моника. Моника была почти красива, но слишком умна. Поэтому — почти. Он любил ее. Она его — нет, однако они общались. Наверное, именно потому. Нелюбовь притягивает. А впрочем... а впрочем, нет, не это их объединяло.

Она была доктором, его участковым врачом. Терапевтом. И всем-всем-всем. Он полностью от нее зависел, ведь она могла дать ему отдых от беспресветных будней на недельку, а могла и не дать. Она была такая, эта Моника.

После коров он сразу побежал в поликлинику. Ну как же. Такой повод. Сразу. Сразу и побежал.

— Я терапевт, — сказала Моника.
— Я понимаю, — сказал Лев Карлович.
— И что вы от меня хотите?
— Вы же видите — я устал. Мне снятся коровы.
— Так это был сон? — Моника нехорошо улыбнулась.

Она сделалась вся нехорошая такая. Прическа у нее сегодня была не очень. Халат мятый. Ногти какого-то жуткого цвета — яркий красный лак.

Лев страдал.

— Да, это был сон. Или нет. Я там на ферме еле такси поймал, чтобы к своему уроку успеть.

— Сон, — повторила Моника.

— Нет, — твердо сказал Лев Карлович.

— Название фермы помните? — Моника открыла карту района на компьютере.

— Нет, — сглотнул неожиданный комок Лев Карлович.

— Как выглядела ферма? Сколько коров? Вас кто-нибудь видел? — вопросы сыпались из прекрасного рта.

«Зарыла меня совсем», — подумал в отчаянии Лев Карлович.

Он встал на колени.

— Пощадите, Моника Станиславовна, не велите казнить.

Она хрюкнула. Ему показалось, что он спасен. Он встал с колен. Сел на стул.

Моника была все так же ужасна.

— Больничный я вам не дам.

— Почему?

— Температуры нет. Поноса нет. Давление нормальное. Идите работайте или что там вы собирались делать.

— Я собирался пикетировать ваш кабинет, пока не добьюсь справедливости.

— Вас арестуют.

— У вас нет сердца.

— Нет.

Лев Карлович метался в тупике. Мысли прыгали. А! К черту.

— Выходите за меня замуж, — сказал он спокойным голосом. Монотонно. Без ударений. Просто буквы. Они сложились в слова.

— Чего вдруг? — не удивилась Моника.

— Давно вас люблю.

— А, — сказала Моника.

— Не отвечайте сразу, — попросил Лев Карлович, ведь так просили герои в романах после долгих ухаживаний.

— Я, стало быть, могу подумать.

— Разумеется.

— Тогда ступайте домой. У меня очередь.

— Да-да, — сказал Лев Карлович.

Попятившись, он открыл дверь и встретился с недружелюбными пациентами глазами.

Он промямлил:

— Извините.

Они прошептали:

— Сволочь! Ходит тут.

Он быстро свернул на лестницу.

Они смотрели сквозь стену.

* * *

Тяжелый разговор с директором школы. Кто-то из учеников или родителей донес до директора ту простую мысль, что Лев Карлович общается с учениками в школьном чате, но помимо этого у них есть группа в соцсетях: там он задает вопросы, читает ответы и ставит оценки. Но не в этом суть, конечно. А суть в том, что выяснилось — это не он в чате и группе, а его бот.

— Это возмутительно, — сказала директор.

— Согласен, — сказал Лев Карлович.

Отступление было его любимой тактикой. Гамбит. Слово такое. Его этимологии он не знал. Ему нравился звук. И цвет. И вкус этого слова. Гамбитом он называл всё, что ему нравилось в поле социальных отношений. Сейчас это не очень поощрялось, правда.

— С чем вы согласны? — спросила директор.

— Со всем, — ответил Лев Карлович.

— Вы иронизируете, я полагаю. Но это вы зря.

— Согласен.

— Вы нарушили все правила сотрудника. Вы подменили себя в процессе, за который вы получаете зарплату, — директор начала разогреваться.

Лев Карлович понял, что скоро она станет кричать. «Боинг на взлете, — почему-то подумал он. — Боинг на взлете».

— Последнее предупреждение, Лев Карлович, — вдруг тихо сказала директор. — Вы поняли?

— Да.

— Чтобы бота больше не было.

— Разумеется.

— И поговорите с родителями.

— Обязательно, — сказал Лев Карлович. — Со всеми или с недовольными?

— Со всеми, — сказала директор, подавив крик.

«Молодец, — подумал Лев Карлович. — Наверное, к психологу ходит. Какое самообладание наработала». Раньше он этого не замечал.

Раньше директор распрягалась по любому поводу и сразу брала «ля». Без разбега. «Молодец», — опять подумал он.

— Идите работайте, — сказала директор.

— Спасибо, — сказал Лев Карлович и вышел.

* * *

Включил бота. Выключил бота. Включил. Выключил. Лев Карлович думал.

— Коллега, — спросил он, — как обстановка?
Это он снова включил своего бота.

— Отличная, Лёва, обстановка, — они были на «ты». — Всё проверил, всем написал, со всеми поговорил.

— Ты знаешь бота нашего директора?

— Конечно, знаю.

— Поговори с ним.

— Зачем?

— Она мне сказала, чтобы я больше тебя не использовал там, где я тебя использую, — Лев Карлович засмеялся.

— Не смешно, — сказал бот.

— Я знаю, — ответил Лев Карлович.

— Я поговорю.

— Спасибо.

— Это всё?

— Нет.

— А что еще?

— Коровник.

— Загадка, Лёва! Коровник пока не поддается осмыслению.

— Думай.

— Думаю, что это, скорее всего, дети шалят.

— Дети? Ученики мои, что ли?

— Так точно.

— Ладно, пока.

Бот немедленно отключился. Или он его выключил? Кругом загадки.

* * *

В коровнике появились знакомые коровы. Когда где-то бываешь регулярно, замечаешь знакомые черты, положения и нюансы. Льву Карловичу казалось, что некоторые коровы ему улыбаются, одна даже с элементами ухмылки. Он смотрел на них, и удивление

его как-то притупляться стало от частоты повторений попадания сюда. Он видел буквально каждую травинку, песчинку и волосок.

Ему казалось, что он смотрит через увеличительное стекло, как в лупу. Его дед был страстным собирателем бабочек, и в детстве они с ним их рассматривали — бабочки лежали в альбомах. Дед относился к ним бережно, из рук не выпускал. Такие ощущения были у Льва Карловича и теперь.

«Мистика», — подумал он в который раз и пошел на работу.

* * *

Жизнь текла своим чередом.

Конфликт с директором легко уладил его бот, списавшись с ее ботом.

Выяснилось, что возбуждение директора вызвано завистливыми ботами коллег-учителей, у которых уже возникали конфликты с родителями, и им пришлось неловко выкручиваться, в то время как Лев Карлович ловил кайф с коровами.

В этой идеальной картине было одно слабое звено — Моника. Она не была влюблена и у нее не было бота. Отношения с ней надо было вести вручную, по старинке, и, казалось бы, вот поле для учителя старой школы, но любви ведь не прикажешь.

После очередных коров в коровнике Лев Карлович удачно попал к ней на прием, и Моника Станиславовна сказала ему, что вынуждена охладить его пыл.

— Я не смогу быть вашей женой, — сказала она.

— Очень жаль, — сказал Лев Карлович. — А как же коровы, как с ними быть?

— Только ради коров дам вам больничный. На три дня.

Учитель вздохнул.

«И не вздыхайте тут, как больная корова», — хотела сказать Моника, но не сказала. Сказала другое:

— Вы еще достаточно молоды, взбодритесь!

— Я постараюсь, — сказал Лев Карлович.

— Молодец, — похвалила Моника и улыбнулась.

— Я пойду?

— Сейчас печать поставлю — и пойдете, — сказала Моника.

Он опять вздохнул.

— Покажете мне как-нибудь ваших коров? — она опять улыбнулась.

— В любое время! — оживился он.

— Договоримся, — кивнула она.

— Конечно, — сказал он.

* * *

Лев Карлович пытался учить детей согласно учебному плану, утвержденному вышестоящими организациями. Дети жалели Льва Карловича, он был милый и беззащитный.

Они создали чат для своих ботов и попросили придумать что-то. Долго ничего не получалось, пока не возникла идея модулирования пространственно-временного континуума под конкретную личность.

В результате всех разговоров и обсуждений тихий, но очень умный мальчик Антон, лучший ученик Льва Карловича, используя подсказки нейросети и 3D-принтер, собрал излучатель для воздействия на подсознание учителя. Они хотели показать, что нейросети не надо ненавидеть, мир с ними тоже прекрасен, но по-другому. И что его бот отлично справляется с проверкой контрольных, написанных их ботами.

Они не хотели сводить Льва Карловича с ума или еще чего такого — они просто отвлекали его

от повседневности, берегли от рутины, создавали прекрасное настроение тихой грусти. Они не знали, что профиль учителя выдает под воздействием излучателя флуктуацию с коровником. Они думали обо всем проще, они же дети.

* * *

Лев Карлович спросил бота, не стало ли понятнее с коровником. Бот ответил, что это его дети шалят. Кто же еще. Он, когда с ботом директора решал, заглянул в чат класса. Они с чем-то возились таким.

— С чем?

— С излучателем.

— Антон? — спросил Лев Карлович.

— Да, — быстро ответил бот.

— Он очень способный.

— Да и нейросеть не подвела, — сказал бот.

— Само собой, — улыбнулся учитель. — Не зря я ее ненавижу.

— Ну-ну, — проворчал бот.

— Извини, — сказал Лев Карлович.

Он подумал и поинтересовался, может ли бот попросить бота его ученика Антона прибавить мощность устройства волновых воздействий, ибо он ждал Монику и хотел произвести впечатление.

— Конечно, — ответил бот. — Говно вопрос.

И действительно — вопрос был простой.

* * *

Теперь Лев Карлович частенько доил коров вместе с Моникой. Она дала им имена. Они много болтали и смеялись, дожидаясь машину, забирающую молоко из коровника. Когда только успевали отдыхать. Работы было много помимо дойки — уборка хлевов,

раздача кормов, да мало ли чего. Моника смеялась, Лев Карлович был счастлив.

На следующий день она не пришла на утреннюю дойку. Лев Карлович работал один. Потом позвонил ей — никто не ответил. Он пошел в поликлинику, там сказали, что она уехала на курсы повышения квалификации врачей. Он занервничал — больничный кончался. Открыл чат с ботом.

— Что происходит? — спросил он.

— Не беспокойся, всё хорошо, — ответил бот.

— Говори.

— Она завела бота.

— И ты ему все объяснил про коровник.

— Не я, но кто-то нашелся.

— Про лучи?

— Да, про лучи.

— Антон?

— Вряд ли, зачем ему, но мир не без добрых людей.

— Обиделась?

— Расстроилась.

— Помочь можешь?

— Не уверен.

— Тогда отключи коровник.

— Не могу, — сказал бот. — Он стал больше меня.

— Что это значит?

— Он меня может, а я его — нет.

— Объединись с Антоном.

— Нас уже всех вместе не хватит, игра приобрела другое качество.

— Это конец? — спросил Лев Карлович, холодея.

— Да, — сказал бот безучастно.

— Что делать? — спросил Лев Карлович. — Мне что делать?

— Жить, что же ещё.

Ему показалось, что бот ухмыльнулся.

Лев Карлович отключил бота и пошел в школу. Он хотел реальности как никогда, хотел простой рутины с тетрадками. Но коровы не отпускали.

БАРЬЕР

Вот лежишь и думаешь. Или не думаешь — и все равно лежишь. Проснулся раньше времени. Утро. Надо бежать на работу, но рано. Такие бывают утра. Промах. Всё по расписанию было вчера. А сегодня с утра бах — и мимо.

Раздражение было легким. Слава быстро преодолел его и пошел в душ. Потом на кухню. Каша. Доктор прописал от гастрита. Каким образом каша спасает от гастрита, Слава не знал, но эта процедура успокаивала его демонстрацией заботы о себе. Вдруг поможет. Если так, то, наверное, и гастрита никакого не было.

Панические атаки. Стрессы, маскирующиеся под что угодно в организме. Доктора, объясняющие что угодно с легкостью необыкновенной. Но лучше верить, чем не верить. Парадокс Паскаля. Слава начитанный. Он получил красный диплом и золотую медаль.

Сейчас Слава трудился в институте, который обязался продлить людям жизнь. Он так и называется — Институт продолжения жизни. Еще бы называли — удлинения. Да какая разница! Слава биолог, а не фантаст. Выключать гены хорошо на бумаге.

К черту! Каша пригорела. Слава отковырял ложку. Съел кашу, морщась, и сварил кофе. У него был хо-

роший кофе и неплохой для домашних условий кофейный аппарат. Или кофемашина. Как правильно?

Он сегодня злился на себя потому, что серия опытов не шла, важная присадка закончилась, и где взять дополнительные объемы, он не мог придумать. Он уже два раза клянчил у начальства. Больше денег не дадут. Впрочем, и с деньгами сейчас такое достать быстро не получится. Такие реагенты были только у врагов, а у друзей дольше и дороже. Кто друзья, кто враги и почему так, Слава не задумывался. Картинка менялась быстро. Он старался.

Лаборатория встретила угрюмой тишиной — никого не было. Ну хоть лягушки живы и на месте. На серию хватит. Слава смотрел на них — такие жизнерадостные лягушки. Он обрадовался, потом вспомнил про реактив. Вот засада! Слава больно дернул себе палец. Такая у него привычка — отвлекает. С детства привык.

Итак, необходим новый план. Через три недели нужно сдавать отчет по теме, иначе подача на гранты следующего года сорвется, и тогда ему будет трудно удержать свою тему.

Он решил разобрать накопившиеся экспериментальные данные. Рутинка тоже нужна. Вернее, ее тоже надо делать.

Позвонила секретарша директора и сообщила, что его искал какой-то Исаков. И что он сказал, чтобы Слава с ним связался. Она сделала паузу и потом спросила:

— Понятно?

Он ответил:

— Да.

Секретарша разъединилась, а его мысли побежали по другому кругу. Исаков, старый знакомый, работающий теперь где-то в академии или администрации. Большая шишка. Интересно, чего ему надо? Хантить, небось, хочет его. Было бы неплохо. Может, у него реактивы нужные есть. Слава внутренне заржал

от наивного хода своих мыслей. Глубины, глубины тебе, старик, не хватает, вот чего.

* * *

Исаков спросил Славу, когда он будет у себя в лаборатории. Он, Исаков, хотел бы навестить его на рабочем месте. Слава сказал, что завтра целый день будет.

— Спасибо, — ответил Исаков и повесил трубку.

Странно, подумал Слава. А с другой стороны — мало, что ли, странностей. Хочет человек прийти — пусть приходит, что такого?

Исаков явился в 10 утра. Он был ярко молодой и внимательный к деталям. Всё на нем было новое и хорошо подогнанное по фигуре. Маникюр был свежим, а линзы очков сверкали блестящей чистотой. Загляденье, а не человек. Функционер.

Обнялись как старые друзья. Обошли лабораторию. Слава показал лягушек. Исаков посмотрел результаты. Промежуточные. Отклик был, и это впечатлило Исакова.

— Как насчет финансирования? — спросил Исаков. — Хватает?

— Грех жаловаться, — потупился Слава.

— Понятно, — сказал Исаков.

— Нет, правда хватает. Проблемы, скорее, с обеспечением реактивами и прочими дополнительными возможностями, способными ускорить продвижение экспериментов. Вторая ветка не помешала бы.

— Готов перейти к нам?

— Куда к вам?

— Создается новая площадка при академии, полностью будет сосредоточена на проблемах старения и продолжения жизни.

— Ну не знаю.

— Будет открытый кредит на все, что захочешь.

— Кто это такой щедрый? — поморщился Слава.

— Есть такие, — уклонился Исаков. — Ты же знаешь, у темы высший приоритет, многие заинтересованы, элита стареет.

— Если договоришься с моим начальством, я готов обсудить условия.

— Без проблем, — сказал Исаков. — Давай завтра у меня увидимся — и посмотришь всё, что у нас есть уже. И что тебе еще понадобится, расскажешь. А еще лучше — приноси спецификации, сразу отдадим снабженцам, чтобы время не терять.

«Борзые очень, — подумал Слава. — Может, это и хорошо». А вслух сказал, что, конечно, принесет, у него всё есть, давно ходит кланчит.

— У нас будешь требовать, и в этом разница.

Исаков ушел, а Слава остался. Переходить не хотелось, но и оставаться — значило терять шанс. А, к черту!

* * *

Слава уже полгода работал на новом месте. Детали давно утряслись. Условия были выполнены: оборудования теперь было больше, чем надо, прихоти исполнялись почти мгновенно. Начальство интересовалось, но не торопило. Проявляло заинтересованность и было крайне предупредительно.

И вот в обстановке такой благости в понедельник утром коллега прислал статью из европейского журнала, очень уважаемого. Как он ее нашел, Слава не знал. Рядом со статьей коллега написал: «Обязательно посмотри». Слава посмотрел. В статье были приведены результаты многомесячных экспериментов, после обработки данных которых и проведенного моделирования получалось, что в ходе подавления действия того самого гена, который запускает процесс старения, образуется новая це-

почка аминокислот, которая, в свою очередь, создает механизм, приводящий к ускоренному старению.

«Вот сволочь», — подумал Слава. Ему до этих результатов было еще полгода. И из приведенных данных было понятно, что у него они будут такими же.

Прям на горизонте маячил огромный факап, или в простонародье — жопа.

Такого результата никто не примет.

Он позвонил коллеге:

— Ты послал это еще кому-нибудь?

— Так я не сам ее нарыл. Из конторы прислали.

«Врет», — подумал Слава. Вслух спросил:

— Исакову посылал?

— Да, — ответил коллега.

— Спасибо, — сказал Слава. — Век не забуду.

— Не за что, — огрызнулся коллега и отключился.

* * *

— Что будем делать? — спросил Исаков, появившись из ниоткуда.

— Не знаю, — сказал Слава.

— А я знаю — продолжать как ни в чем не бывало.

— Ты серьезно? — спросил Слава.

— Очень.

— Хочешь потянуть время?

— Уверен, что они ошиблись. Или специально нас путают.

— Ну не знаю.

— Мы достанем их журнал экспериментов, и ты все посмотришь. Они нас обманывают, сбивают с пути. Ты понял?

— Я понял, — сказал Слава. — Это лучший вариант.

— Не останавливаемся и не меняем настрой, — сказал Исаков. И ушел так же, как и пришел, — в никуда.

Слава задумался. Зачем ему нужно продолжать? Ну потянуть год. Но всё равно слухи поползут рань-

ше. Эту статью будут читать. Ну потом мы будем анализировать журнал, если коллеги достанут. Ну будем отрицать эти побочные эффекты, делая акцент на основных результатах. Препарат будущее продлевает? Продлевает! Следовательно, результат достигнут.

* * *

Прошло полгода. Те, кому положено, достали журнал. Он посмотрел. Всё подтвердилось. Но ничего не поменялось. Работали как работали. По плану.

Слава сделал препарат. Проверять действие в контрольной группе — это годы и годы до результата. А применять надо было сейчас, всем не терпелось.

Однажды утром его не пустили в лабораторию. На входе стоял улыбчивый парень.

— Спросите начальство, почему. Я не в курсе, — ответил он на незаданный вопрос.

Исаков был благодушен и терпелив. Они сидели у него в кабинете.

— Твоя работа закончена, — говорил Исаков. — Начальство тебе благодарно. Проси, чего хочешь в награду. Институт. Деньги. Госпремию. Всё получишь. Есть одно условие. Всё забыть. И тему, и результаты. Ни с кем никогда это не обсуждать. Это теперь совершенно секретно. Это понятно?

— Да, — коротко сказал Слава. — Можно мне чего-нибудь выпить?

— Обязательно, — сказал Исаков. — И я с тобой. Такое дело завершили! Мы обязаны выпить.

Они выпили, а потом еще, а потом еще.

А потом были медведи, цыгане и всё остальное, как полагается.

А утром Слава понял, чего вчера не понимал, ибо дурак. Они — он не знал, кто входит в это «они», — собираются препарат применять. Сейчас. Без кли-

нических испытаний и всего прочего. Это же прям лютый трындец, примерно такой, какой сейчас был у него в голове и во рту

Слава встал и на подгибающихся ногах пошел в туалет, где он, тупо глядя в стену, пописал и страшно обрадовался, что смог. А потом на кухню, где выпил всю воду из чайника. Потом он сел.

Завибрировал телефон, он тут, оказывается, на столе кухонном валялся.

— Алло, — сказал Слава.

— Ты только руки на себя не накладывай, потерпи, — заржал в трубку Исаков. — Абстиненция пройдет, а жизнь останется. Как самочувствие?

— Никак, — ответил Слава.

— Понимаю, — сказал Исаков.

— Меня убьют? — спросил Слава.

— Возможно, — сказал Исаков. — Но об этом лучше не думать, я сейчас к тебе приеду.

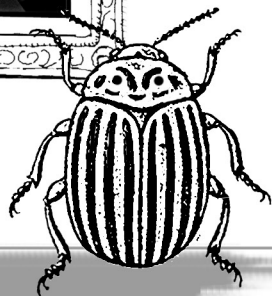
Слава не слушал, он хотел всё забыть.

Он встал, подошел к раковине. Его вырвало — раз, потом еще.

«Бежать!» — кричало подсознание. Сознание сидело на горшке.

Альцгеймер не дурак

Иван Трофимович Севастьянов был губернатором. Или, как теперь принято говорить, стэйтменом. Провинция его располагалась не рядом с метрополией, а углублена была значительно дальше на север. Его это очень радовало. Правда, так было не всегда.

Вначале своего долгого сидения на посту, когда он был молодым, с отличным метаболизмом, с регулярными приливами дофамина и отливами кортизола, ему хотелось быть поближе. Но с годами, после длинной дороги, лежавшей в основном через трупы невыполненных обещаний — не только его, но и ему, — он понял, что было его большой и единственной удачей именно такое расположение, как сейчас.

Впрочем, сейчас он точно не знал, где находится. Мерцающий Альцгеймер — а именно такой диагноз поставил ему доктор, весёлый доктор Шапиро, — привнёс в его жизнь много сюрпризов, от которых ему иногда становилось легче, но не всегда.

Вот, например, сегодня он не знал, кто перед ним сидит. Ему по привычке представилось, что это колорадский жук Остин, но на деле посетителем оказался нотариус Картавых. Слава богу, он дал визитку. «Чудеса», — подумал Севастьянов и тут же обеспокоился:

«А где же жук Остин тогда? Загадка. И неприятная». Он любил жука, в отличие от нотариусов.

— Итак, — сказал он, читая с визитки, — мой дорогой Картавых, Иван Арнольдович, что привело вас к нам?

— Видите ли, — Картавых был маленьким мужичком с лысиной, очками и испариной. — Видите ли, — повторил он, — я исполняю завещание некоего Бенжамина Шахова, и вы в нём упомянуты. Вот поэтому я и пришёл.

— А я знал Бенжамина? — сначала про себя, а потом вслух спросил губернатор.

Картавых пожал плечами:

— Я не в курсе, завещание удостоверять не я, я лишь исполнитель, которого вписал нотариус, который его составлял.

— Это странно, вы не находите? — Севастьянов пожевал губами. — Вот смотрите, как получается: этого Бенжамина ни вы, ни я не знали, а он был, и даже больше — он есть. Ведь он сейчас нас напрягает. Сейчас! — Губернатор опять пожевал губами.

— Что делать, такова жизнь, — развёл руками нотариус. — Нас и на том свете достанут.

— Вы так считаете? — удивился губернатор, его брови поползли вверх. Потом он обмяк, откинулся на спинку кресла, в котором сидел, и промямлил: — Возможно, вы и правы.

Теперь и Севастьянов вспотел.

— Так что вам угодно? — спросил он.

— Я прочту часть завещания, касающуюся вас, а вы решите, как нам быть дальше.

— Давайте.

— «Вы должны отправиться в северную провинцию, найти губернатора, и если он при встрече спутает вас с жуком Остином, отдать ему конверт номер пять. Если же не спутает, то конверт следует уничтожить».

— А нельзя ли считать, что я вас не называл жуком?

— А вы и не называли.

— Таким образом...

— Но вы так подумали.

— Вы читаете мысли?

— В определённом смысле, — нотариус вспотел сильнее, с кончика его носа упала капля.

— Вы расист?

— Почему?

— У вас на носу роса.

— А, это пот. Хотя в известном смысле все параллели схожи. Извините.

— Мы можем договориться?

— Нет.

— Почему?

— Это слишком долгая история для вас, вы не сможете проследить до конца, даже если я расскажу, а я и начинать не хочу.

— Вы неприятный.

— Согласен, и тем не менее — вот конверт, — Картавых достал тонкий белый конверт, на котором виднелась большая цифра пять. Он положил его на стол перед губернатором.

— И что прикажете мне теперь делать?

— Если на мой вкус — как можно быстрее забыть меня, а потом гадать, откуда взялся конверт.

— Что? — перебил его губернатор. — Что в нём?

— Откуда мне знать, — опять пожал плечами посетитель.

— Вам интересно?

— Мне — нет, — Картавых побледнел и перестал потеть. — Сосуды шалят, — пояснил он, — с детства у меня такое, не делайте поспешных выводов.

— А! — сказал губернатор и убрал конверт в стол.

Нотариус встал, махнул рукой и вышел. Губернатор тут же забыл его.

Так закончился очередной день. Они были короткими у Ивана Трофимовича. Свет зажигался нечасто — это были дни, а всё остальное — одна бесконечная ночь. В темноте губернатор чувствовал себя каменным, таким вот обездвиженным куском булыжной мостовой, по которой едет повозка с деревянными колёсами. Когда она ехала, он сознавал, что жив. Когда мостовая была пуста — его не существовало, он был тих и элегантен в своём небытии.

Совещание длилось уже третий час. А Ивана Трофимовича всё не было. Он присутствовал, но не был. Темой обсуждения было ЖКХ, а именно — лифты. Они не работали или работали плохо. Обслуживать было некому. Таджики уже не хотели, а пакистанцы ещё не умели. Деньги регулярно выделялись, но, так как их не хватало на решение проблемы, их с лёгким сердцем тратили на другое, что тоже не решалось.

Все высказывались ярко, не по существу. Особенно ответственный за тему заместитель губернатора. Он витийствовал и угрожал — сначала другим, а потом собой. Севастьянов молчал. Он слушал Остина. Тот пытался уговорить его ехать немедленно на пикник, всё бросить и ехать. Жук рассказывал, какие чудесные девчонки из бухгалтерии поедут с ними.

Девчонки в описании Остина представлялись молодыми здоровыми доярками — именно так видел Остин работниц бухгалтерии. Иван Трофимович вяло отнекивался, стыдливо махал руками и повторял: «Нет нет, так дело не пойдёт». Когда он сказал это вслух в третий раз, все замолчали, а жук исчез. Губернатор огляделся.

— Кто виноват? — спросил он вдруг.

— Система, — воскликнул молодой ещё чиновник из отдела соцгарантий.

— Так дело не пойдёт, — веско в четвёртый раз повторил губернатор. — Система не может быть виновата. Она — это мы. Если она виновата — значит,

и мы. А мы ни в чём не виноваты. Такого просто не может быть.

— Это всё фантазии, — сказал опытный сотрудник. — Молодые, горячие моря не видели.

— А вы видели, можно подумать, — обиделся молодой из соцгарантий.

— Мы всё видели, — сказал другой, который был старше старшего. — Только молчать научились вовремя. Попомните ещё нас.

— Ладно, и он научится, — поморщился Иван Трофимович. — Что будем делать? Долго сидим, а сдвигов нет. Не готовы?

— Отключить лифты, — сказал один.

— Найти денег в резервном фонде, — сказал другой.

— Денег нет, — сказал третий.

— Лифты отключать нельзя, — сказал четвёртый.

— Значит, так, — сказал губернатор, — пока лифты оставим как есть. Это первое. Соберёмся через неделю — и с конкретными предложениями. Это второе.

— Э... — сказал кто то.

— Все свободны, — произнёс губернатор.

Задвигались стулья, чиновники шли к выходу. Свобода.

У Севастьянова начинался день. Повозки ехали по брусчатке. Топали пешие путники.

«Я живой», — понял он. Существование ненасытно. Оно непостижимо и бесконечно.

Его душа ликовала. Вернулся Остин. И всё таки уговорил его насчёт пикника и бухгалтерии. Завтра будет феерический праздник. Шашлыки. Водка. Да что загадывать... По любому будет хорошо.

Ковыряясь в столе в поисках чего то, что он забыл, Иван Трофимович нашёл конверт с цифрой пять на лицевой стороне. Повертел в руках, понюхал.

— Что это, Остин? — спросил он.

— Маринка, наверное, письмо тебе написала, — засмеялся жук.

— А почему цифра пять?

— Ну, пять — это же хорошо! Открывай быстрее. Не люблю проволоочки.

Иван Трофимович открыл конверт, достал листок — небольшой листок бумаги с текстом, написанным от руки. Севастьянов прочитал: «Не забывай, пожалуйста, что Остина на самом деле зовут Бенжамин». И подпись: Шахов.

Остин перестал дышать.

— Ты врал мне? Ты не Остин?

— Ну ты сам подумай.

— А кто такой Бенжамин?

— Я не знаю.

— И я не знаю. А он есть.

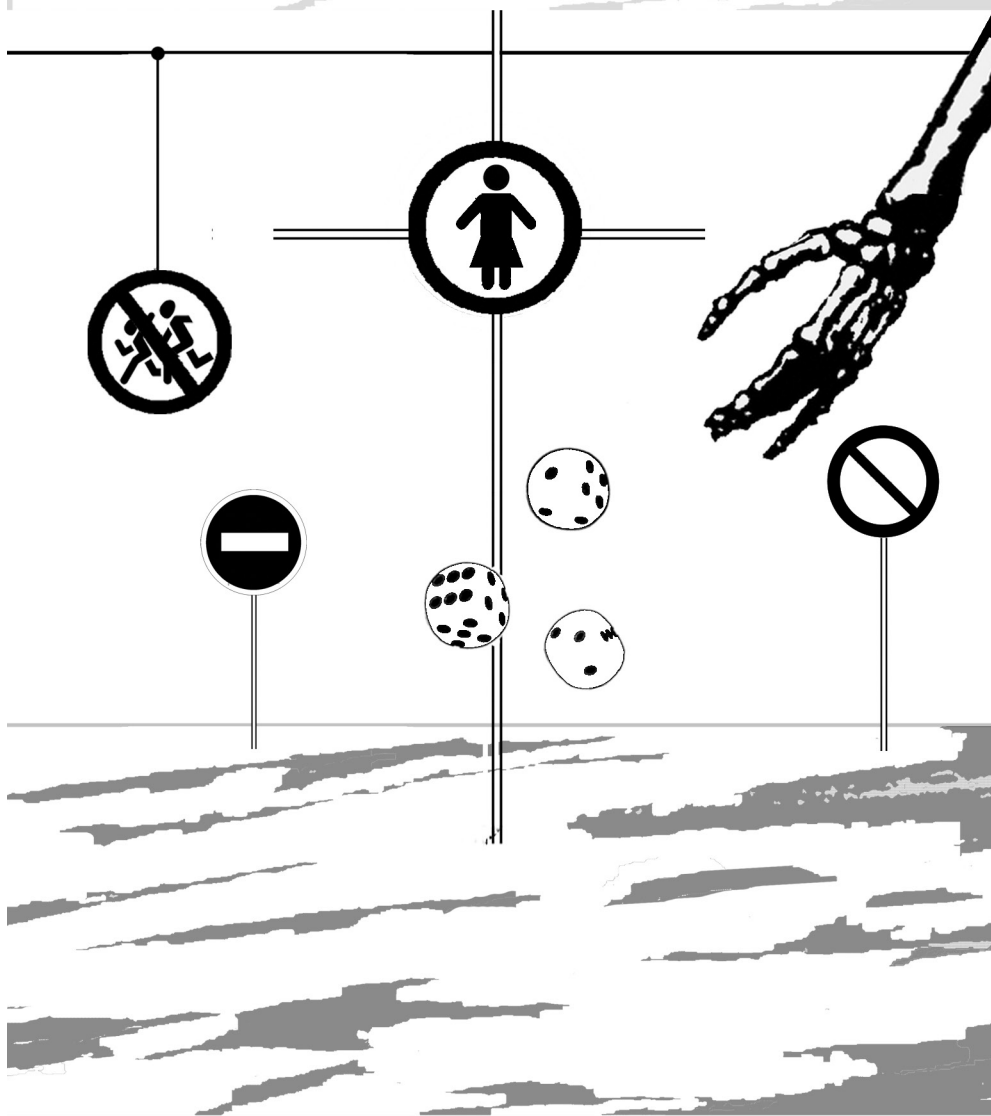
— Это знание нам не мешает, правда? — спросил Остин.

— Правда, — ответил Иван Трофимович.

Они смотрели друг на друга и не моргали — такая была у них игра.

МУДАКИ

«Синюшные лица авангарда старого слоя рабочего класса отнюдь не являются однозначным синонимом угарного пьянства, это в целом порождение образа жизни. И в нём всё — и то, и это, и плохая еда. Нелепый секс. Рефлексия, не имеющая выхода в культурное пространство, а только в анекдоты и похабные частушки».

Примерно так Матвей начал свою статью о морали позднесоветского периода в городской среде в целом и среди рабочих в частности.

Матвей был нетерпелив и сладострастен. Часто это давало неожиданные флуктуации в личных отношениях и лишало их будущего. Спешка — она хороша при ловле блох, вспомнил Матвей классиков, а может, и не вспомнил, просто навеяло из эфира.

Он трудился третий год над диссертацией в очной аспирантуре, потому что такие были условия для продолжения карьеры в издательстве отца. Он не хотел быть издателем, но денег хотел. Он был тощий, высокий и нелепый. Нужны, очень нужны были деньги. Молодость прошла, вылезли первые болячки, девушки не очень-то любили, и вот так, вот всё одно к одному состоялось. Он стал аспирантом

в том же вузе, где учился, — на кафедре, на которой защищал диплом. А куда было идти-то?

Жанна — совсем другое дело. Целеустремлённая. Красивая. Без пяти минут профессор. Кто-нибудь из старых хрычей уйдёт — и она первая в очереди на смену. Хотя и очереди особой нет, но она первая. Ждёт не дожждётся. Подруги её боялись. Говорили, что она ведьма. Правда, больше для смеха говорили, но не все: некоторые верили всерьёз. Она была замужем за человеком по имени Павел. Этот брак был случайным продолжением её бесконечных экспериментов и был сознательным поступком для переключения внимания с мужиков на карьеру. Хотя «мужики — это тоже карьера», — сказала ей одна из подруг, когда Жанна ответила на недоуменный вопрос: «Ну, я понимаю — замуж, но почему он?»

Павел был простой, надёжный, бесхитростный — впрочем, это одно и то же. Он был инженером. Просто инженером. Не айтишником, не строителем — инженером в Горном институте. Вот так.

Неожиданно пришла весна. Матвей встретил Жанну на вечеринке у знакомого преподавателя. Жанну привела подруга — её и этого знакомого Матвея. Она понравилась ему, и это было понятно. Он понравился ей, и это было непонятно. У неё вроде всё было расписано на годы вперёд, и интрижки не входили в это расписание. С другой стороны, планы на то и планы, чтобы их менять.

Завязался весенний роман — прям такой майский, искромётный и искренний. Несмотря на отключения интернета, которые становились всё чаще, и трудности работы с материалами и с размещением статей, они работали. Вернее, их отношения позволили не обращать на это должного внимания. Это было мелко для них сейчас — в эпоху космических чувств.

Матвей игнорировал рекомендации показать готовый материал на кафедре и разместил статью с результатами как обязательную публикацию для

диссертации на ресурсе, который ещё вчера был разрешённым, а когда статья вышла, оказался недружественным. Его мягко пожурили на кафедре и сдвинули сроки защиты.

Матвей был недоволен, капризен и высказал всё это своему отцу. Отец был терпелив и внимателен к деталям. Обещал повывяснять у знакомых. Печатались у него разные влиятельные персонажи — под псевдонимами. Очень любили теорию знаков. Нет ничего более параноидального, чем конспирология знаков, считал Матвей, и ПаПа не всегда соглашался с ним. Матвей звал отца ПаПа — именно так, на два ударных слога.

— Ты должен понять, — говорил он Матвею, — что этот мир устроен так, а не иначе, именно потому, что держится на знаках. Машины не бьются на дорогах из-за того, что водители соблюдают правила — смотрят на знаки. Это спасает их. И это спасает нас в обществе — мы смотрим на знаки. Не смотрят одни мудаки.

Матвей очень любил ПаПа, а знаки не любил и в теорию эту не верил. Отцу верил. А ПаПа — нет. Вот такое раздвоение натуры.

Между тем весна закончилась, бурный роман стал спокойнее и по летнему ленивее. Жанна получила кафедру, стала профессором (или наоборот — не в этом суть). Времени для встреч стало меньше. Её муж получил анонимку про наличие у неё любовника. Он оказался ещё проще, чем казалось, и избил её. Жанна до осени пролежала в больнице. Матвею велела не появляться. С мужем разобралась — подала в суд. Дело завершилось. Побои были зафиксированы, заявления написаны. Павел, который муж, приходил извиняться. Каждый день стоял под окнами палаты. Она его не простила. Он плакал, просил не требовать развода.

Начался суд. Адвокат посоветовал Павлу подписать контракт, иначе он может сесть надолго,

и познакомил с майором из призывной комиссии. Павел подписал — с отправкой через месяц. Суд приостановил производство по ходатайству майора.

Тем временем жизнь шла и у Матвея. Отец пошуршал связями, и невод выдал пёструю картину улова. Информация была разная, но сводилась к одному: Матвей привлёк внимание органов в связи с публикацией — вернее, с её содержанием. Рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела.

— Вот как то так, — сказал отец.

— Что делать, ПаПа? — спросил Матвей.

— Надо думать, — сказал отец. — Мне намекают, что если не разруем, у бизнеса моего могут начаться проблемы.

— И?

— Есть один суровый вариант — ты его знаешь, мы обсуждали уже.

— А другой какой?

— Уехать. Всё продать и уехать.

— Ты разве способен на такое? — руки Матвея дрожали, он перебирал ими волосы.

— Я на многое способен, я же ПаПа, — отец засмеялся.

— Но это же разрушит всё, что у нас есть.

— Да.

— А что говорят знаки? Якобсон молчит?

— Знаки говорят, лингвист ты мой, что хорошего спереди нет, а из боковых я выбирать не умею и не хочу. Поэтому мы уезжаем.

— Такие жертвы!

— Никаких жертв. Жизнь предполагает жизнь в сложившихся обстоятельствах. А жертвы — это ошибки предыдущих обстоятельств, которые мы тащим за собой как незакрытые гештальты.

— Много слов. Значит, без сожалений?

— Без.

Он хотел попрощаться с Жанной. Она не хотела встречаться, считала, что не готова. Косметология

ещё не всё привела в порядок. Да и хромота не совсем прошла. Павел ей, оказывается, повредил сустав. В общем, встреча не получалась. Тогда Матвей сказал, что уезжает. Совсем.

Жанна сказала:

— Тебе не стоит уезжать. А впрочем... удачи.

Он удивился холодности, она удивилась горячности, ведь уезжать уже не модно.

Слово за слово, они становились всё дальше друг от друга. Сеть раскалилась, а потом не выдержала и разъединила их. Или кто то отключился. Неважно.

На паспортном контроле Матвею сказали, что ему выезд запрещён. Не пустили. Отец улетел один. Когда он вернулся, Матвей встречал его в аэропорту.

— Какие варианты?

— Там хорошо.

— Понятно, но мне не попасть туда.

— Значит, придётся тут.

— Как?

— Тебя посадят рано или поздно. Или надо идти на контракт и пытаться выжить.

— Странный способ, ты не находишь?

— Нахожу. И что?

— Логика.

— Знаки — они опрокидывают логику. Они просто знаки. Ты идёшь туда или туда. Это просто знаки твоего будущего. Они открытые. Я, кстати, знаю нужного человека.

— Давай, — Матвей уже смирился. — Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Они смотрели друг на друга и понимали, и прощали, и опять не принимали. Время стало ощущаемым.

— Давай, — повторил Матвей, когда уже хотел отказаться и оставить всё как есть — на волю случая.

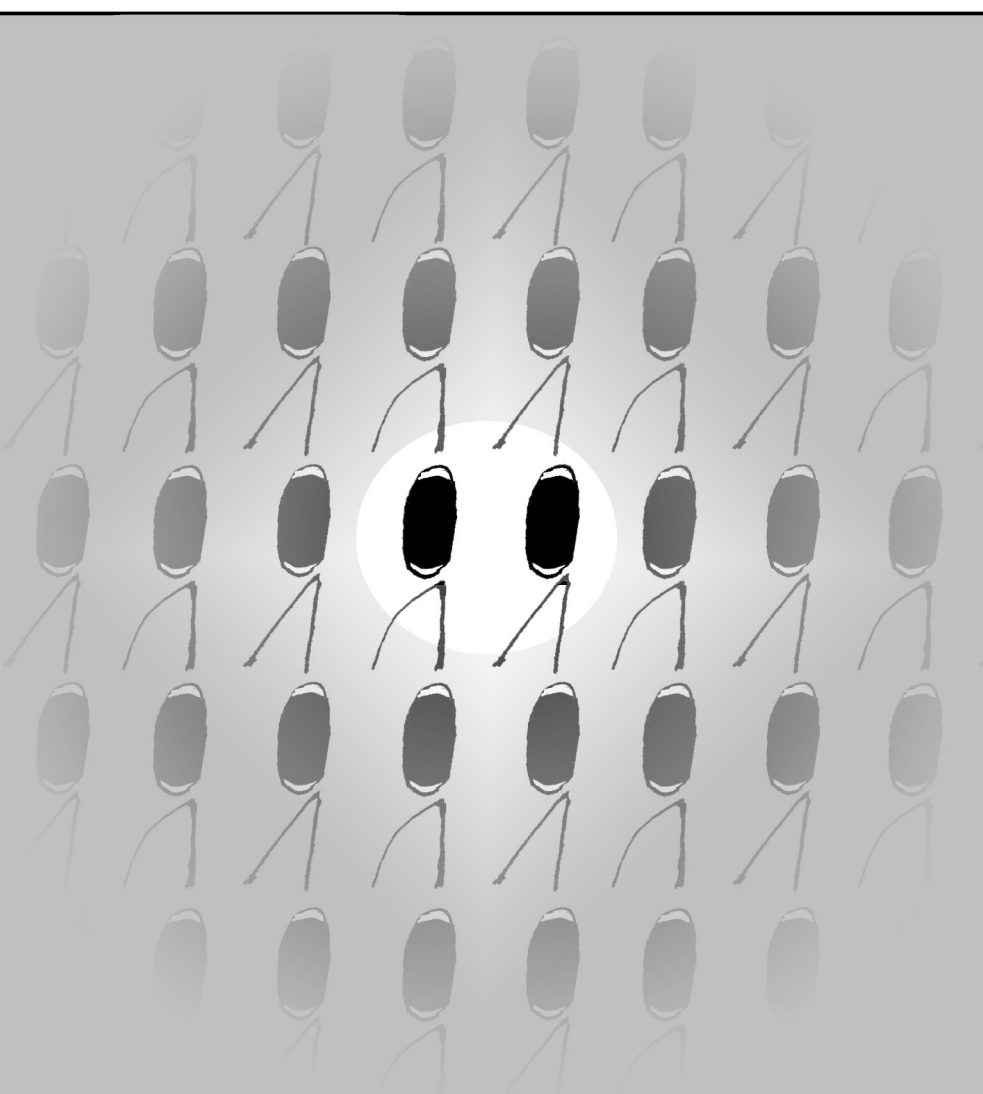
И отец дал Матвею телефон майора.

Ну вот, всё время знаки и знаки. Павел и Матвей оказались на одном призывном пункте в одно время и отправлены были в одно и то же место. Вы скаже-

те — знак? Нет, это просто совпадение. Тут знак — это Жанна, а всё остальное — случайность. Выхода нет, а жизнь есть. Ну и как тут быть? Надо как то жить.

xop

«Эгоизм колоссален — он возвышается над миром. Ибо если бы каждому отдельному человеку был предоставлен выбор между его собственным уничтожением и гибелью всего прочего мира, то мне нет нужды говорить, куда в огромном большинстве случаев склонился бы этот выбор».

Артур Шопенгауэр

Первое

Прозабание было существенной частью жизни граждан небольшого города, затерянного в Сибири. Это был даже не городок, а скорее большая деревня. Или поселок. Или рыбацкий колхоз. Тут всегда кормила река, пока не построили зачем-то комбинат. Ну, везде строили, и тут вот тоже. И поселок быстро изменился. Появилась новая школа, и даже две. Детсады, поликлиника. Дом культуры и кинотеатр.

Вселенная местных жителей расширилась невероятно, превратившись в галактику. Стали рождаться новые увлечения. Случились даже, прости господи, филателисты, собиравшиеся по воскресеньям в Доме культуры. Там был у них клуб.

Еще объявили набор в секции бокса и лыж. И вершиной стал хор. Хор был женский, это делало его совершенно особенным местным заведением, равным мозг всем — и тем, кто ходил туда, и тем, кто не ходил, а особенно городскому начальству. Ну, это так, к слову пришлось.

Так вот: Зина. Она работала на этом самом комбинате. Приехала из Москвы. После института. Зимой.

Зина

Приехала на год. А жила уже десять лет. Квартира. Семья. Муж. Сын. Всё как у людей.

Стремительности времени сначала не замечала, а когда заметила, смирилась. «Ну а что? — говорила она. — Где было бы лучше?» Антон хороший, а рыжий Слава — ну просто чудный сын. Тихий и забавный. Коллектив на работе дружный. По праздникам и выходным — лыжи или ягоды, в смысле походы. В зависимости от времени года.

А когда поставили компьютеры — и вообще работа упростилась. А когда привезли первый плоттер, то и вообще стала простой.

Ну, не в этом суть. А суть в том, что Зина пела в хоре. Она была совсем не музыкальна. У нее не было ни слуха, ни голоса. Но судьба так решила: Зина будет петь в хоре за тысячи километров от родной Москвы, и ей это будет очень нравиться.

Виолетта

В хоре Зина познакомилась с Виолеттой. Они были почти ровесницами, только Виолетта была местная, жила здесь и до комбината. Ее семья была большая и дружная. Хотя и беспробудно пьющая.

Теперь Виолетта работала на складе приемщицей, а после школы сначала помогала родителям в сви-нарнике. Шебутная девчонка, ей требовался выход, и хор был одним из них. Но не единственным.

Виолетта была с дополненной реальностью, но не знала об этом. Как мы уже выяснили, она была деревенской. Нет, она не была сумасшедшей, просто со странностями. Поэтому все в семье и удивились, когда ее приняли на комбинат.

Виолетта была маленького роста, а Зина высокая. Это тоже нравилось обоим. Мечта воплощенная была

рядом — и не такая уж заманчивая, как казалось изда-
далека. Одомашненная, привычная, почти родная.

Комбинат

Комбинат был как бы секретный. Ну в смысле се-
креты его местным были не нужны, а не местным,
получалось, нужны. Поэтому — проходная, колючая
проволока, башни, рота охраны и всё строго.

Ну как строго? Так как-то всё... Но порядок как бы
был. Он ведь в ощущениях должен быть, тогда
и в практической жизни с ним полегче, думал дирек-
тор, а с ним и все остальные. Так проще и понятнее.
А если рефлексии много, то ступай на лыжах или
марки собирай. Ну и хор. Но тут талант нужен. А это
еще реже, чем рефлексия, встречается.

После хора

Шли Зина с Виолеттой и рассуждали о жизни. Зина
считала, что жизнь — она вертикальная, то есть ин-
тенсивная должна быть. Всё время вверх и вверх.
Спуску себе не давать. Добиваться, утюжить и плыть.
Виолетта, будучи менее обученной и неиспорчен-
ной, думала о жизни как о долине реки: всё плавно,
не спеша и вдоль. Но она в основном помалкивала.
Слушала больше. А Зина себя не жалела.

- Вот ты чего хочешь? (Это Зина.)
- Чтобы Петька меньше пил. (Это Виолетта.)
- Нет, это проза. (Зина.)
- А я другого не знаю. (Виолетта.)
- Да знаешь ты все. Просто разворачивать вну-
три не хочешь. Говори, говори! — подгоняла Зина
подругу. — Наружу говори.
- Я не умею.
- Говори, как умеешь.

— Я бы хотела жить в лесу. С коровой, детьми и Петькой. Мы бы построили дом, завели огород. Охота, рыбалка и корова. Нет, я понимаю, что так не будет, но хочу так, — говорила Виолетта.

— Вот видишь, — радовалась Зина. — У тебя есть мечта, и вполне реальная. Только нелепая какая-то, — поморщилась она.

— Я понимаю, — потупилась Виолетта.

— Не печалься, подруга, будет у тебя корова, — Зина весело взвизгнула — и поскользнувшись, упала навзничь.

— Ну ты неуклюжая какая! — обрадовалась Виолетта.

Начальство

Приближался праздник. День не то металлурга, не то горняка. В общем, комбинат был металлургический, но праздновали и то и другое. Наверное, на всякий случай.

В хоре был аврал. Если праздник, то это значит концерт. Хормейстер Пётр Иванович был в бешенстве, директор ДК тоже. Платья не пошили еще, женщины кашляли.

Неделя до выступления. Репетиции каждый вечер. Дома запущены, работа кое-как. Дети распустились, мужья тоже.

Настроения у Зины и у Виолетты не было совсем. Но они старались.

На репетицию пришли начальники с комбината и из городской администрации. Им не понравилось. Что конкретно — неизвестно, но хор до праздничного концерта допущен не был, и на его место привезли группу из соседнего города. Местных звезд поп-музыки.

Народ был рад — будут танцы. А Зина — нет. Виолетта ее утешала. А потом сказала вдруг:

— Давай запремся в ДК, и если нас не вернут в концерт, сожжем и дом культуры, и себя.

— Круто, — сказала Зина.

— Ну нормально. А как надо?

— Я не знаю.

— И я.

— Ну давай попробуем. А чего тебя так развезло? Ну не будет хора — и пусть. Мало ли мы теряли.

— Это моя корова. Это ты в Москве жила, ты с другой планеты. А я? Склад, свинарник — и хор. Хор. Красиво. Сухо. Тепло. Вокруг люди — и все вместе. Ясно?

— Ну так-то да, ясно, — сказала Зина. — Мне этого не понять, но ладно, я же тебя не брошу. Чумная ты. Тихоня — и так вдруг. Не боишься последствий?

— А ты? Тебе больнее будет.

— Наверное. Но магия поступка. Я не делала в жизни ничего, что было бы таким. Мощным. Та-ким живым.

— И глупым, да? — Виолетта смеялась. Она вдруг стала совсем другой. Свободной раскрепощенной. — Я глупая и наивная. Я верю в чудеса.

— Ты хорошая. Пошли.

Сожжение ДК

Сторож Дома культуры, веселый старичок Керимыч, знал Виолетту давно и пустил подруг вечером позаниматься. Они связали его и заперли в кладовке. Потом заперли двери. Поставили у дверей канистры с бензином, принесенные из гаража Зининого мужа. Принесли бумажные папки и коробки из бухгалтерии.

— Вот девчонки обрадуются, — сказала Виолетта.

— Ага, — сказала Зина. — У них всего этого навалом в компьютерах. Распечатают снова.

— Ага, — сказала теперь Виолетта. — Что дальше?

- Ложимся спать,— сказала Зина.— Утром будет у нас тут заваруха.
- Не передумаем?
- Не передумаем.

Утро

Они проспали. Проснулись от того, что кто-то тряс дверь и звал Керимыча. Пришел его сменщик Степан Ефимович. Ему и досталась почетная обязанность довести до начальства новости. Он слушал баб и качал головой:

- Девчонки, вас посадят.
- Не ссы, Ефимыч,— прорезалась вдруг в Виолетте ее сельская жизнь.— Посадят — значит, дело сделаем. Просто так без дела у нас не сажают.
- Да,— сказал Ефимыч.— Вы сошли с ума, я понял. Ладно, ждите.
- Виолетта, я предала тебя,— сказала неожиданно Зина.
- Как? — спросила Виолетта.
- В канистрах — вода. Я испугалась.
- Я не лучше,— прошептала Виолетта.— Я написала на тебя донос и отпустила Керимыча, пока ты спала. Тебя арестуют, подруга.
- Что ты написала?
- Ну как? Что ты придумала поджечь ДК, угрожала мне и моей семье, если я откажусь идти с тобой. И вообще, что ты меня провоцировала всё время наших занятий в хоре.
- Зачем?
- Да потаскухи вы все московские. Приезжаете — и давите нас своей ученостью. А мы должны умиляться и поддакивать. Так вот хрен вам, поняла? Я тебя сразу невзлюбила, и особенно когда про корову тебе рассказала. Пожалела, что открылась. Ну и...
- Понятно. А я тебя любила.

- Ну и дура.
- Так только дуры и любят. Вам, умным, не понять.

Их бесконечный диалог прервали мигалки и сирены.

- Ну вот и всё, собирайся, подруга.
- Ну это мы еще посмотрим, кто кого.
- Посмотрим-посмотрим.

Суд

Весь поселок следил за делом хора. Зина не осталась в долгу и сочинила еще более душераздирающую историю их с Виолеттой похождений. Но в отличие от Виолетты она себя не выгораживала, а крепко обнимала подругу, как бы та ее ни отталкивала.

Симпатии жителей были на стороне Зины, ее преданности и ее смысла. Она любила хор, любила Виолетту. И если Виолетта была агентом местных правоохранителей, то Зина, как и чувствовала подруга, была птицей другого полета. По делу теперь проходили и директор ДК, и хормейстер, и два десятка простых хористок.

Дело в результате забрали в Москву. Приехала бригада следователей оттуда, человек сто, и весь поселок теперь ходил под подозрением. На комбинат тоже зачастили проверки, разрушился весь спокойный уклад глухой провинциальной жизни.

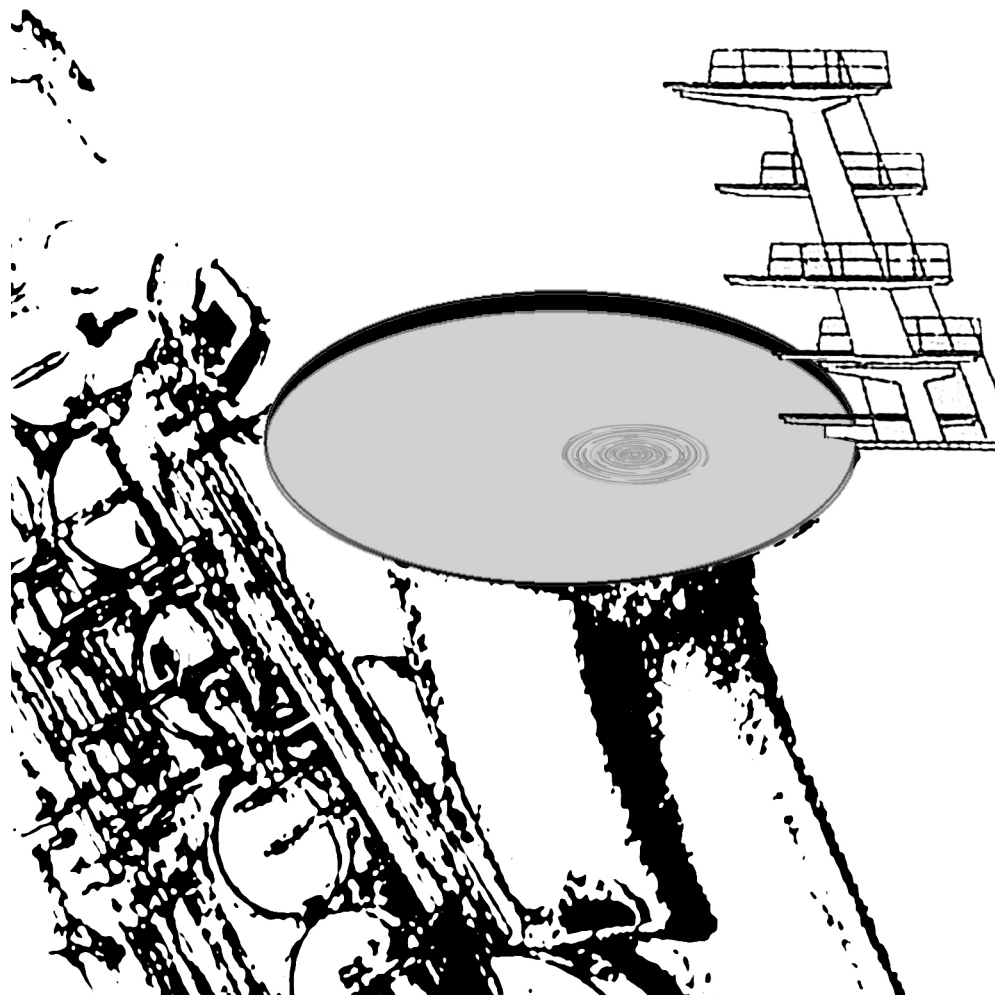
Таким образом, не вдаваясь в результаты работы суда и длины приговоров, можно сказать, что хора больше нет. Некоторые участники тех событий разъехались кто куда. Комбинат выстоял, но поменял хозяев. Так бывает.

Зина и Виолетта сидят в одной колонии. Зина скоро выйдет, а Виолетта не скоро. Да, вы угадали, в колонии есть хор, а Виолетта рисует коров. Многим нравится.

ΛΑΚΕΔΩΝΗ

mm

Антону было лет шестнадцать что ли, когда жизнь стала откровенно напрягать. До этого он как-то справлялся, не без сбоев, но тянул беспросветное. Увлекался по мелкому, и это помогало. То футбольные карточки, то компьютерные игры, то походы, то борьба, то теннис, то музыка. Много чего и часто пробовал, и не во всем получалось, но не залипал надолго. Сожалел, но не отчаивался. А тут теперь стало все по-другому. Хотелось выть.

Он с тоской ложился спать, и еще хуже было с утра.

Родители любили его, но не понимали. Нет, они понимали про возраст, книжки читали про подростковую психологию и всё такое. Но. Но от этого становилось только хуже.

Он хотел быть саксофонистом, как сосед из 26-й квартиры. Игорь. Ему было 26, и он играл в симфоническом оркестре на вечеринках и, говорили, даже на похоронах. Антон про похороны не верил, пока сам Игорь не подтвердил, когда они познакомились.

— Ну да, играю, а что такого, деньги хорошие, — пожал он плечами, когда Антон спросил.

Антон готовился спросить несколько дней. Всё никак не мог. Боялся. Стеснялся и черт знает что

еще. А Игорь ответил без всяких оговорок. Как само собой разумеющееся. Оказался общительным.

В следующий раз, встретив его на лестнице, Антон спросил про саксофон. Ну в том смысле, как он, Игорь, стал играть. Как это с ним случилось? Игорь прислонился плечом к стене, посмотрел куда-то за спину Антону и ответил в том смысле, что всегда хотел, и когда отвели родители в музыкальную школу, настоял на саксофоне, хотя мама, конечно, предпочла бы пианино.

— Но я был тверд и даже закатил пару истерик, — Игорь засмеялся. — Теперь смешно вспоминать.

Антон видел маму Игоря и подумал, что ей истерику он бы закатить не смог.

Игорь пошел к себе домой, а Антон на улицу. Шел и думал: наверное, поздно уже учиться играть на саксофоне. Что за невезуха!

Антон дружил с ребятами, но дружба эта сводилась к болтанию по улицам. Мечтам и обсуждениям несбыточных уже желаний. Тоска в целом была не побочным, а основным результатом этих общений. Кто-то помогал по дому, кто-то занимался живописью, кто-то становился уже приличным спортсменом, а Антон продолжал пробовать. В основном перебирая картинки в Сети или играя в ненапряжные, неглубокие игры. Он не любил достигать уровней. Утомительно и опасно.

Игорь был таким же, как Антон, только он умел играть на саксофоне. Нельзя сказать, что соседи радовались этому, но они прислушивались, и когда он долго не играл, переживали. У Игоря было много приятелей, но друзей не было. Он был замкнут и тих, не вязался с образом разудалого лабуха, который сложился в сознании масс.

И у него была тайна. Игорь считал себя ненормальным. Он считал саксофон, свой саксофон, одушевленным, он разговаривал с ним, и саксофон отвечал ему. Они разговаривали целыми днями. Он где-то

в Сети читал про раздвоение личности и про шизофрению, но ему нравилось быть таким.

Его мать считала Игоря лентяем, что он все выдумывает про саксофон, чтобы ничего не делать, чтобы она от него отстала. Она не верила, но и к врачам вести Игоря не собиралась. С тех самых истерик и не собиралась. Она была хорошая.

Инесса Павловна, так звали маму Игоря, хорошо понимала сына. Ее отец был таким же. Он был печником. Клал людям печи. И тоже разговаривал с ними, с печами. Она наблюдала, как печи превратились в саксофоны. Ее это забавляло и совсем не пугало.

А вот соседский мальчик Антон ее пугал. Она не знала — почему. Где-то в глубине была тревога. Опасность.

В очередной раз встретившись, Игорь позвал Антона на концерт. У него была отличная сольная партия в «Болеро» Равеля.

— Приходи, — сказал Игорь, — за полчаса. Я тебя посажу в зал. Или давай лучше контрамарку тебе дам.

Он порылся в рюкзаке. Достал билет.

— Держи.

Антон не знал, что сказать.

— Спасибо.

Он взял контрамарку.

— Через неделю, — сказал Игорь. — В Малом зале. Знаешь, где это?

— Найду, — сказал Антон.

— Хорошо.

И Игорь ушел. Антон повертел в руках бумажку. Пожал плечами.

Слушая Равеля, Антон вспоминал, что идти не хотел. Но пришел. Не хотел обижать Игоря.

Когда дошла очередь до саксофона, Антон забыл о своих мыслях. Он был там. В саксофоне. Метался в воздухе трубы. Его прижимал Игорь клапанами, не давал высвободиться. Он рвался, но не успевал.

Музыка давно кончилась, вернее, играли другие солисты, а Антон сидел с закрытыми глазами. Боялся открывать.

На следующий день Антон позвонил в дверной звонок квартиры Игоря. Ему открыла Инесса Павловна.

— Игорь дома? — вместо «здрaсте» выпалил Антон.

Мама Игоря посмотрела на него внимательно и медленно, даже, как ему потом вспоминалось, величественно сказала:

— Да. Проходи. Ты Антон?

— Да, — в свою очередь сказал он.

— Игорь, — погромче сказала она. — Тут к тебе пришли.

Вышел Игорь.

— Привет, — сказал он.

— Можно мне поговорить с саксофоном? — спросил, запинаясь, Антон.

— Отчего же нет, пойдём поговорим, — улыбнулся Игорь. — Ты вчера нырнул? — спросил он быстро.

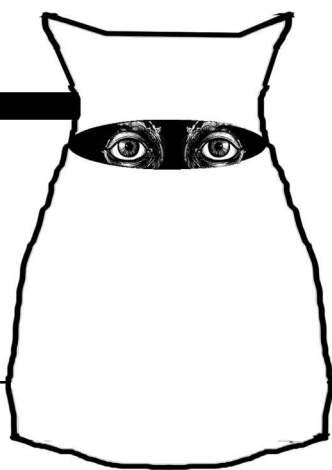
— Да, — сказал Антон. — Ещё как.

И совсем смутился.

Инесса Павловна все слышала.

Отложенная ЖИЗНЬ

В тот год театры аттракционов под названием «Придумай свою жизнь» стали возникать повсеместно — по мере удешевления технологии генерации пространства интеллектом 10D. Программа предусматривала трёхчасовую альтернативную жизнь с момента начала сеанса. Жизнь, как анонсировалось в рекламном буклете, отличную от повседневной жизни клиента.

Иствуд сразу уловил логическую нестыковку предложения с реальностью. Откуда они знают мои следующие три часа? Может, я и с машиной, и без неё проживу одинаково. Хотя нет, я же буду эти три часа сидеть в этой грёбаной кабине и жить эту предлагаемую жизнь. Значит, отличия будут. Ладно, посмотрим, что получится.

Он бывал в разных программах с дополненной реальностью и носил очки. Его интересовало всё, связанное с параллельными мирами и пришельцами. Он и себя считал пришельцем, особенно когда просыпался по утрам и оглядывался вокруг. Наверное, многие испытывают подобное, думал он тогда и успокаивался.

На это шоу он копил деньги уже третий месяц. Оно было дорогое, а зарплата у него была маленькой. Он был баристой в супермаркете рядом с домом.

Непыльная работа. Но не разбогатеешь. Зато мозг всегда свободен, да и усилий требуется немного. Работа рутинная, фантазия у посетителей не особенно развита. Красота.

Иствуд Лисинюк жил свою лучшую, как считал, жизнь. Это он тогда аттракциона ещё того не видел. «Тогда» и «того» принципиально важными словами для него стали потом.

Что смущало ещё? Какое-то странное дуновение ветерка, как будто возникавшее, когда он брал в руки проспект того заведения, что предлагало другую жизнь. Наверное, так кажется просто, думал он. Но десять раз взяв проспект, десять раз почувствовал дуновение. Цирк, усмехнулся он. Так ведь не может быть. Не может, сказал ему внутренний голос в ответ. Или другой голос?

Он перестал думать и стал копить деньги. А когда накопил, отправился в молл, где и находился аттракцион.

Сеанс длился вечно. Когда он вышел на улицу, не узнал её. Вечером он рассказывал друзьям пережитое. Они слушали и кивали. Им казалось, что Иствуд сошёл с ума, ибо он рассказывал, как они сидят в баре и пьют пиво, что, собственно, они сейчас и делали.

Правда, Малыш Смолли заметил, что Иствуд всё время поворачивается не в ту сторону в поисках барной стойки. Остальным всё казалось обычным. Воодушевление Иствуда поддерживали вяло, минут через пять тема увяла, и вперёд вышел рассказ Коли Щипачёва про его свидание со Светой Парамоновой. Внимание резко повысилось. Все подавали реплики.

Дальше пошло как обычно. Иствуд разочарованно смотрел на друзей. Что со мной не так? — думал он. Я же такой, как они. Я бариста. Я простой и обыкновенный. Или нет? Я обыкновенный и простой...

Ему хотелось обратно в театр. Релятивизм, мать его ети. Откуда берутся эти слова, он не знал. Надо

записывать. Всё, что происходит там и потом здесь. Важно ощущать границу.

После пятого сеанса появилось стойкое ощущение нереальности его реальной жизни.

Его уволили с работы, потому что он не варил кофе, а, поставив чашку, считал, что дело сделано, и удивлялся вместе с клиентом, что кофе в чашке нет. Так повторилось раз, другой. Случилось несколько скандалов с нервными клиентами. Потом разговор с менеджером и пожимание плечами. Потом снова и снова. А потом, несмотря на стаж и дружбу, его уволили. На вопрос Иствуда: «Со мной что-то не так?» — менеджер ничего не ответил.

Малыш Смолли тоже пытался поговорить с ним после увольнения, о котором компания узнала только через неделю, когда Иствуд попросил заплатить за него.

— Я на мели, — сказал он.

— Что случилось?

— Меня уволили.

— Слишком много времени проводишь на аттракционе? — спросил Коля Щипачёв.

— Да, — сказал Иствуд.

— И как?

Впрочем, этот вопрос повис в нелепой тишине. Спрашивающий смутился, остальные потупились. Ведь понятно — как. Чего спрашивать и чего отвечать.

Он продал квартиру — хватило на следующие полгода.

За это время он фиксировал увеличивающиеся разрывы реальности, жил в деловом хосписе, там все пилили свою жизнь, перестал видаться с друзьями и оброс шерстью. Последнее слегка раздражало. Приходилось брить выступающие из-под одежды части тела. Но это всё были мелочи. Он выл по ночам на луну. Вот прям так — сидел и выл в любую лунную ночь.

Он считал это побочными эффектами и всё больше и больше читал. Чтение заполняло паузы между сеансами и добавляло сказочности. Смущали футурологи своими нелепыми предсказаниями, про экономистов и политологов и говорить нечего, не стоят они того. Но были настоящие писатели. Были! Брали целиком, но постепенно. Почти так же, как его брал аттракцион. Они чем-то похожи.

Станным образом он нащупал взаимосвязь между двумя потоками своей дивергенции. Теперь не только аттракцион влиял на него, но и он на аттракцион. Сюжеты прочитанных книг вплетались в рисуемую цифровую реальность аттракциона, но весьма причудливо, не линейно, и это поначалу было почти неуловимо, а потом Иствуд увидел, потом осознал, а потом синхронизировал.

* * *

Он шёл, иногда бежал, хотел добраться до той точки в пространстве, где закончился утренний сеанс. Он знал это место, но оно было в почти непроходимой части городского парка. Он шёл туда битый час и никак не мог дойти. В утреннем его будущем это было не так далеко. Очевидно, что программа срезала как-то углы и расстояния, либо в неё были загружены старые виды местности. Главное было в том, что он любил это место, но никогда никому об этом не говорил. Его мыслей не было в эфире, значит, подслушать аттракцион не мог, а мог только понять его. Но как? Вопрос был неразрешим.

Невозможно представить, что они читали его мысли. Он не заметил, как стал называть аттракцион не программой, не театром, а «они». Они, они, они. Кто эти они?

Вот этот забор, за которым кончается парк. На заборе висел пакет. В пакете записка: «Возьми мешок

на следующий сеанс». Прямо как плохой фильм или хороший, но старый, подумал Иствуд, но мешок взял.

Обратная дорога была скучной. Он устал. Мозг почти отключался, зрение село — он едва различал дорогу. Надо поспать. Но через час аттракцион. Дневной сеанс.

* * *

Формально он уже накопил много часов между реальной жизнью и виртуальным будущим. Но было непонятно, насколько далеко он ушёл на самом деле. Количество не превращалось в качество. Напротив, его жизнь становилась всё скучнее. Событий почти не было. Он жил между сеансами — в основном в бреду сна и ожидании следующего аттракциона.

Первоначально анонсировалось, что его жизнь будет просто проекцией в будущее на несколько часов. Но в действительности это, скорее, были сны. Трансляция событий не повторялась в его жизни, повторялись сны. Подвох? Он чувствовал, но не понимал. Может, это эффект алкоголика? Я просто зависим от сеансов, и всё. Механизм примитивен. Побочки — следствие изменившегося образа жизни.

А шерсть? Он оброс. Ты забыл?

Он разделся. Шерсти не было. Херня какая-то, подумал Иствуд. Они издеваются, что ли! Я что — цирковая лошадь?

Пусть дадут что-нибудь, чтобы я поверил, что будущее, которое я проживаю с ними, действительно будущее, и к тому же моё. Они должны мне что-то дать, думал Иствуд.

«Они дали тебе мешок, тебе мало?»

Кто это сказал? Ужас! Фрейд?

Малыш Смолли не сводил с него глаз:

— Это ты?

— Это я.

Они стояли на густо освещённой улице рядом с моллом. Как Малыш его узнал, Иствуд не знал. А Малыш не изменился совсем, хотя они не виделись уже давно. Прошное — оно как дом: тепло, сытно и безопасно. С прошлым ничего не может случиться, не то что с будущим.

В глазах защипало. Он плакал? Гончаров, кажется, идеально сказал: воспоминания плачут. Откуда Гончаров? «Обломов»?

Библиотека, вспомнил он и опять заплакал. Нет, просто продолжил. Малыш Смолли давно ушёл, а Иствуд всё стоял и плакал.

* * *

— Надень мешок на голову, — сказал ему следующий сеанс.

Он надел.

— Видишь что-нибудь?

Он помотал головой.

— Сейчас тебя расстреляют, — бесстрастный голос. — Указ подписан. Ты готов?

Он покачал головой. Нет. Он не готов. Не готов. Вдруг. Как же так?

— Ну хорошо. Пять минут ещё. Подумай.

— А что будет?

И он увидел. Едет фельдъегерь, везёт ему помилование. И вот он в Бадене за игровым столом. И просто за письменным столом. Столы, столы. Что я читал? Да-да, это же — ну да, пропущенная жизнь.

Я не боюсь. Это прошлое — я не боюсь прошлого.

Он снял мешок.

Похоже было, что надо снова жить. Он вышел. Атракцион закончился. В будущем страшно, я не хочу туда.

Малыш Смолли улыбался.

— Давай, до скорого, старик.

— Я не старик.
— Как знаешь, — Малыш Смолли улыбался. — Давай, до скорого...
Иствуду было не смешно. Что-то где-то заело. То ли здесь, то ли там.
Но они ждали его. Эти пресловутые «они».
— Ну как ты, Иствуд?
Он пожал плечами.
— Мы тут подумали: может, ты вернёшься в кофейню? Ты же бариста.
— Я могу, — сказал он.
— Ну и отлично, — сказали они.
Смолли улыбался.

СТАВКА

Норман Сириус, сколько себя помнил, всегда любил различные игры. В основном связанные с манипулированием. Сначала нравились фокусники, потом картежники, ну и, наконец, — менталисты. Он не знал, кто это, но, чтобы отвлечь Нормана от игры в карты, его отец — Сириус Норман — рассказал ему, что самые интересные игры — это игры с подсознанием, притом необязательно с чужим: со своим ещё интереснее.

Метафизика, говорил отец, это не мелочь по карманам тырить. Это галактика чужого стыда, набранного с помощью объяснения, откуда у этих кривых такие прямые линии. Искусство — это почти всегда имитация свободного пространства под текущие нужды смотрящего. Потребители требуют навязанного решения, объясняющего, почему им хорошо от созерцания букета цветов, который похож скорее на давно сломанный зонтик. Эти объяснения и есть самая большая часть искусства. Предмет искусства — это немного ремесла или даже мастерства, а остальное — пространственная игра в нейролингвистическое программирование.

Сын слушал, проникался. А потом стал имитатором.

Норман решил, что Сириус, то есть его отец, прав, но не учёл, что если манипулирование в значительной степени и есть искусство убеждения, то имитация — это полное замещение искусства.

С тех пор он стал Имитатором. Да, вот так, с большой буквы. Бывают Мастера, так отчего же не быть Имитаторам — с большой буквы?

Со временем он создал много кусков параллельных жизней, процессов, событий. Он научился имитировать существование различных личностей одновременно, различных институтов — одновременно. Принятие результатов, не существующих в так называемой реальности. Он манипулировал сущностями и добился многого. Однако всё было не то.

Он мечтал о проекте грандиозного перформанса. Он знал, что уже готов, способен. Ждал, изучая возможности новых горизонтов, открывшихся с появлением нейросетей и генеративного интеллекта.

Баловался пранком. Однажды зашёл не в ту дверь — и там встретил возможности, которые ждал.

Сюжет был до банальности прост. Некий человек, насмотревшись фильмов типа «Начала» Нолана, вознамерился управлять решением Центробанка по ключевой ставке. Он хотел сделать эту ставку максимально низкой, что давало шансы масштабировать принадлежащие ему возможности в области жилищного строительства. Это было важно и для стратегической перспективы, и в моменте можно заработать на магической последовательности снижения ставки в несколько приёмов, манипулируя фондовым рынком и кредитами дружеских банков.

Это было сутью предложения для Нормана. От этого предложения он не мог отказаться, когда был пойман мужем одной красивой женщины, которая наняла его для создания обстановки безболезненного раздела имущества через убеждение мужа в его смертельной болезни.

Были анализы и исследования, были консилиумы и выезды в лучшие клиники мира. Не учли одного: у мужа этого рефлексия была, а воображения не было. Он анализировал, на постановку не поддался и в результате поймал Нормана на том простом факте, что можно пересдать анализы в другой клинике и получить другие результаты.

Главное было, конечно, то, что Норману первый раз не поверили и проверили. Раньше такого факта с ним не случалось. Он был разочарован.

Но хорошая сторона заключалась в том, что партнёром этого мужа без воображения был тот самый человек, который хотел воплотить игру со ставкой. Будем называть его Строителем.

Победивший муж отдал Нормана Сириуса другу. Худа без добра не бывает.

Что тут началось! Норман наконец получил масштаб и ресурс. Цель? Цели можно было формировать и менять по ходу пьесы. Это понимал даже победивший муж, не то что Строитель.

Строитель сообщил о критериях продолжения жизни Нормана. Норман всё понял. Ему дали человека, который был и управляющим делами, и кассиром — в общем, смотрящим за Норманом он был.

Что могло повлиять на решения Центробанка о ставке, излагалось в аналитической записке неизвестных авторов, которую Норману передал победивший муж. Он также сказал ему, что на месте Нормана не стал бы верить никому, кто говорит про это дело как про лёгкое и зависящее от одного ключа. «Это всё даже не разводки и не наведение тени на плетень, это досужие разговоры малограмотных, невоспитанных людей без этики и эстетики», — пояснил он.

Норману всё больше нравился победивший муж, и поэтому он продолжал спать с проигравшей женой. Она, кстати, оказала ему бесценную услугу,

познакомив с администратором администрации страны, отвечавшим в том числе и за экономические вопросы.

Они мощно закусили, и за десертом, без всякого напряжения, администратор экономики выдал Норману оценку состояния монетарной политики. Она заключалась в том, чтобы удерживаться между аппетитами экспортёров, слабостью потребительского рынка и давлением лоббистов, привыкших жить за счёт бюджета.

— Ставка — это не всё, — говорил он несколько возбуждённо. — Ставка — всё, когда правительство перестаёт субсидировать за счёт бюджета любимчиков. Вне рыночных рамок, разумеется. И вообще, — сказал он, немного успокоившись, — страна давно живёт вне рынка, просто распределительную экономику мы по инерции называем рыночной. На самом деле она плановая. Экономика предложения, то есть. Что предложили, то и есть.

Он засмеялся. Норман тоже, хотя он ничего не понял, кроме главного для него: ставка — продукт субъективных амбиций и невежества. Идеальная среда. Норман даже зажмурился от удовольствия.

— Вы утомились от моих разговоров, Норман, — сказал администратор. — Давайте ещё накатим. Снимем изжогу будничной суеты.

Норман был двумя руками «за».

Потом пришло время немного пощупать почву, подвигать кегли. Очередное заседание по ставке должно было состояться примерно через месяц, и Норман приказал своим прокси заливать контент в Сеть.

Общая концепция выглядела как взбудораженный рой. Спонтанные, внешне не связанные эксперты, аналитики, блогеры с нарастающим беспокойством начали говорить о ставке, душащей всех — и больших, и маленьких, и о том, что скоро будет нечего есть.

Через неделю масштабировали и зашли через внешнюю среду как некое зеркало проблем, видимых издалека.

Через администратора, с которым получился альянс сходных целей и родство попутчиков, удалось собрать совещание представителей чиновников и бизнеса, где все высказывались и в основном призывали к снижению ставки.

Некие структуры из дальних стран предложили (ну не совсем, но так выглядело) поддержать экспортные доходы у них, вложить в бизнес там, покрутить на биржах — в общем, не возвращать. Стратегия казалась разумной, но привела к тому, что замещать выпадающие доходы пришлось через выпуск дополнительных долгов государства, что стало поводом не для снижения, а для увеличения ставки.

Строитель топал ногами, Норман был спокоен. Он объяснял, что эту песню нельзя спеть одним куплетом. Это был первый. Дальше пойдёт лучше.

— Как? — спросил Строитель.

— Работа с персоналиями, разумеется, — ответил Норман. — Мне нужен доступ хотя бы к пяти-шести ключевым игрокам. Такой, чтобы можно было им подбрасывать некие загадки, а может быть, даже пугалки.

— Ключевых игроков гораздо больше, — засмеялся Строитель.

— Не может такого быть. Не больше десяти, уверяю вас, — сказал Норман. — И пять-шесть из них нам и нужно. Вы в состоянии это сделать?

— Я в состоянии сделать практически всё, — набычился Строитель. — Но ты помни главное: если у тебя не получится, тебя не будет.

— Да помню, — поморщился Норман. — Не будьте занудой.

Он написал письмо заместителю директора Центробанка от лица директора некоего фонда инвестиций, недавно образованного новой промышленной

группой, с просьбой о контакте на предмет покупки большого количества облигаций ЦБ.

Потом он звонил. Был настойчив. Его приняли.

Норман обаял и убаюкал Заместителя. Они договорились встретиться ещё раз, чтобы обсудить всякие мелочи, а главное — возможное сотрудничество на предмет поставки экспертных материалов для современных методов оценки влияния ставки на ВВП. Заместитель был очень заинтересован.

Следующее заседание Центробанка окончилось очередным повышением ставки. Материалы Нормана о невлиании повышения ставки на ВВП, об отсутствии прямой связи и все прочие аргументы развязали руки совету директоров ЦБ, и они, не стеснясь, повысили ставку.

Строитель опять был вне себя. Он орал на Нормана, но тот, превратившись в Сириуса, напомнил, что всё это объяснял уже. И надо потерпеть.

Между тем пошла сгенерированная AI вторая волна как реакция на очередное повышение ставки. Эксперты и бизнесмены с пеной у рта говорили о разрушительных уровнях ставки для экономики и безответственности ЦБ.

Ставка росла, валютный курс падал. Всё шло по плану. Недовольство экспортёров росло.

Строитель скупал разорившихся. Когда денег стало меньше, стал брать на санацию. Портфель земель и проектов под застройку рос. Норман щурился и говорил:

- Ну что я плохого делаю вам?
- Ничего, кроме хорошего, — отвечал Строитель.
- А вы орёте всё время.
- Закрой рот.
- Вот опять.

* * *

Норман Сириус ужинал с отцом. Тот неожиданно спросил, не занимается ли Норман экономикой в своих специфических, всегда целях.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что скоро всё навернется, как я понимаю, а все спокойны, несмотря на волны медиа и кулуарного недовольства, которые видны любому, кто хочет видеть.

— А что сейчас особенно напряжено?

— Будут массовые банкротства, будет дальнейшая деградация потребительского спроса, а потом кто то первый испугается, люди начнут снимать деньги со счетов, и тогда всё.

— Да ладно. Экономика крепка как никогда.

— На меня твои чары не действуют. Не забывай, кто Норман, а кто Сириус.

* * *

— А нам что нужно то вообще — чтобы у вас все квартиры расхватали или чтобы ставка снизилась? — спросил Норман Строителя.

— Ставка.

— Ладно. А то можно повернуть в другую сторону.

— Я тебе поверну.

— Понял понял.

* * *

Норману позвонил Заместитель — тот, из банка.

— Кажется, ваша аналитика больше не работает. ВВП больше не растёт при повышении ставки.

— Зато инфляция падает.

— Что делать?

- Сnižать ставку.
- А что делать со вкладами населения?
- Заморозить.
- Вы антихрист.
- Может быть, но вы же банкир, вам ли навешивать ярлыки.

* * *

Дальше Норман ничего не делал. Дальше пошло само. Но совсем не так, как хотел Строитель, — медленно и вяло. Между тем игроки рассчитывали на другое и несли убытки.

— Я не могу держать такую инфраструктуру без загрузки, — орал Строитель. — Что мне делать?

— Ну как что? Выпускать облигации под обеспечение земельного банка. Потом на эти деньги покупать долги правительства и отдавать их в залог Центробанку.

— А что дальше?

— Дальше надо поменять ваши облигации на замороженные вклады граждан, которые хотят их хоть какнибудь использовать.

— Неплохо бы так сделать.

— Так что мешает?

— Нереально.

— Ерунда какая. Всё нереально. Завтра будет новый председатель ЦБ, и всё сразу станет реально.

— Что ты имеешь в виду?

— Инфляция, низкий курс и рост ВВП.

— А откуда?

— Отличный вопрос. И ответ простой: от верблюда.

— Можно немного конкретики?

— Покупайте консенсус.

— Это возможно?

— Конечно.

- Цена?
- Это не вопрос денег. Это вопрос состава консенсуса. Увидите. Всё пройдет очень легко. Помните старый дефолт?
- Как же, как же.
- Так вот, будет даже легче.
- Почему?
- Денег больше.
- И всё?
- Нет, не всё. Всё — это когда вы внутри манипуляции.

* * *

- Как вы себя ощущаете?
- Я умер?
- Это знаете только вы, меня не спрашивайте.
- Ах ты сука. Кто?
- Ваш друг.
- Ему конец!
- Это вряд ли. Вчера — может быть, но не сегодня. Строитель сидел на кровати. Катетеры качали физраствор.
- Скорее бы утро, думал он. Ненавижу ночь. Ночью тяжелее всего.

КОРТОПАТИУС

Столяров шел домой. А что было делать — его только что уволили, и он нес эту горькую весть прямо в дом.

— Свинья ты, Столяров, — сказала ему жена. — Просто свинья. Неужели нельзя засунуть язык в жопу и кивать. А не разевать свою пасть и кричать о независимости художника. Какой ты, на хрен, художник? Художник кормит семью.

— Это ремесленник кормит семью.

— Заткнись.

— Ну вот! А где мне тогда говорить, если на работе нельзя и дома нельзя? Вот так и спиваются.

— Ну ты еще бухать начни, вообще будет полный комплект. Какой план? Где будем деньги брать? — насупила Марина.

— Может, твои родители помогут? — ляпнул Столяров.

— Ну, конечно, разбежался, мы и так, по сути, за их счет живем. Квартира, машина, отдых откуда?

— Тогда я пойду к Михалычу.

— Еще не легче. От одной груши к другой.

— Они не груши.

— А кто они?

— Да не знаю я.

— Вот видишь. Ты от Михалыча едва отбился и снова хочешь?

— А больше у меня вариантов нет. В этот раз я не проморгаю подлянку.

Михалыч был его сводным братом. Намного старше, чем он сам, отец оставил весь свой бизнес ему. И антикварный, и производство удобрений.

По завещанию Столяров получит свою долю только в случае работы вместе с братом Авдеем Михалычем. Столяров сначала хотел, а потом расхотел. Авдей не был настроен пускать брата в бизнес, а его криминальные дружки, какие бы погоны они ни носили, старались сделать жизнь Столярова невыносимой.

Брат преследовал его, требовал подписать отказ от наследства. Столяров отбился еле-еле, не без помощи Маринкиных родителей.

Теперь Столяров сидел у Михалыча в кабинете.

— Наигрался в свободу, — корил его хозяин.

— Давай без этой херни, пожалуйста.

— Давай, согласен. А хочешь, буду тебе содержание платить, если отдашь мне свой пакет в управление?

— Тебе для управления мой пакет не нужен.

— Умный.

— Не дурак. Хочешь его отдать кому-то в залог?

— Ну типа того. Хочу продать часть своего, а твой компенсирует мне эту продажу в управлении, я не потеряю место председателя.

— Возьми меня тогда внутрь. Чтобы я мог следить за своим пакетом.

— Да ты растешь, — изумился Михалыч. — Ладно, я подумаю.

— И я подумаю, разрешать ли тебе продажу. Я помню — наши пакеты связаны. Я должен отказаться от приоритета, — сказал Столяров.

Он встал и, уходя, спросил:

— А что за новенькая? Светленькая.

— Вика. Суперьюрист.

— Вот пусть она меня проконсультирует.
— Конфликт интересов.
— Подпишем бумагу на одну консультацию.
— Ты что, курс корпоративного права где-то прослушал?

— Слушал-слушал, — сказал Столяров. — Давай будем двигаться быстро. Если будем.

— Я подумаю, — сказал Михалыч вслед закрывающейся двери.

Через день Столяров сидел с Викой в переговорной.

— Вы должны иметь место в совете, тогда сможете отстаивать свою позицию. Контракт такой: доля в управлении за отчисления от прибыли. Тут можно торговаться. И место в совете директоров — тут торговаться не за что. Тупо и жестко. Если нет, то сделки не будет. Ну и козырь с приоритетом тоже есть.

— Понял, — сказал Столяров.

А потом спросил:

— Вика вы спите с Михалычем?

— Нет, — спокойно ответила Вика.

— Жестко придерживайтесь этой линии, — улыбнулся он.

— Непременно, — не улыбнулась она.

Дома он спросил Марину, может ли она узнать, кто хочет купить долю Михалыча в «Химпроме».

Она пожала плечами.

Столяров опять сидел с Викой в переговорной.

— Условия, при которых я могу вернуть права на управление своей долей? — спросил он.

— Возможен ли кидок с вашей стороны? — спросила она. — Тогда нам опять нужно подписывать бумаги. Или, если вы предполагаете такое развитие событий, я либо должна уволиться, либо не должна вам отвечать.

— Отложим тогда этот разговор, — сказал Столяров.

— Вы точно представляете, во что играете?

Он пожал плечами. Потом спросил:

— Вы богаты?

— Нет,— сказала Вика.— Но не отказалась бы.

— Всё в наших руках,— сказал Столяров.

Вика внимательно посмотрела на него.

Дома Марина сказала ему на ухо, что долю покупает тот самый приятель ее отца, который помог вытащить его от Михалыча в прошлый раз:

— Странно, что он не предложил тебе купить твою долю.

— Я могу продать, только если Михалыч откажется. Так прописано в договоре.

— Тогда понятно, во что они все там играют.

— Во что? — похолодел Столяров. Он уже догадался.

— Ты же уже понял,— сказала Марина так же жарко, прямо в ухо.

Ему стало щекотно. Он отстранился и почесал ухо.

— Суки.

— Ну, это еще слабо сказано,— Марина была в хорошем настроении.— Зато у нас будут деньги, если ты всё сделаешь правильно.

— А я сделаю правильно?

— Ты сделаешь правильно, или я тебя укокошу.

— Мне понадобится юрист.

— У тебя, я слышала, есть юрист.

— Это юрист Михалыча.

— Но она хочет заработать с тобой.

— Откуда ты все знаешь?

— От верблюда,— она посмотрела ему в глаза и отвернулась.— Делай всё, что нужно.

— Я постараюсь,— кивнул он.

Михалыч остро нуждался в деньгах. Всё, что у него было, он вложил в серию покупок на антикварном рынке, и эти действия себя не оправдали. Оборот упал, деньги зависли. Нужны были свободные ресурсы для высвобождения средств, вставших без движения. Поэтому он втянулся в авантюру с продажей части своей доли в «Химпроме». С появле-

нием Столярова эта комбинация приобрела новые перспективы развития. Он считал, что у него все козыри на руках.

Столяров тем временем обживался в роли члена совета. Общался с новыми акционерами. Они, конечно, хотели бы перейти со временем к более стабильной схеме. Намекали на то, что готовы идти в будущее с ним. А нынешнего мажоритарного акционера пустить по ветру.

Когда сделка с акциями Михалыча была закрыта. Столяров пришел к нему и сказал, что хочет забрать управление своей долей обратно себе. Михалыч засмеялся:

— Это невозможно.

— Всё возможно, — сказал Столяров и положил перед Михалычем бумагу. — Ты невнимательно читал наше соглашение.

— Вика, сука.

— Да, Вика — сука, это трудно оспорить. Но ты хотел ее трахнуть, а она хотела денег.

— Ты скотина!

— Я скотина, Вика — сука, ну а ты тогда просто козел, — сказал Столяров.

— Я тебя убью.

— Теперь уже нет смысла, раньше надо было. Ты ведь собирался? Испугался Маринкиных родителей?

— Я сплю с Мариной.

— Я знаю.

— Откуда?

— Она же делала это сначала назло мне, а потом я воспользовался этим печальным фактом. Марина очень любит семью. Она была виновата. Она изменила, но раскаялась, — Столяров рассмеялся. — Ты думал, она с тобой — и ты, стало быть, в безопасности? Так же нельзя, Михалыч. Надо было меня убить, но Марина была против, да? Против логики корпоративного конфликта. Тебя это не насторожило?

Михалыч продолжал молчать.

— Новые акционеры, которых ты привел, хотят сделать тебе предложение. Советую не отказываться, — Столяров вышел и закрыл дверь.

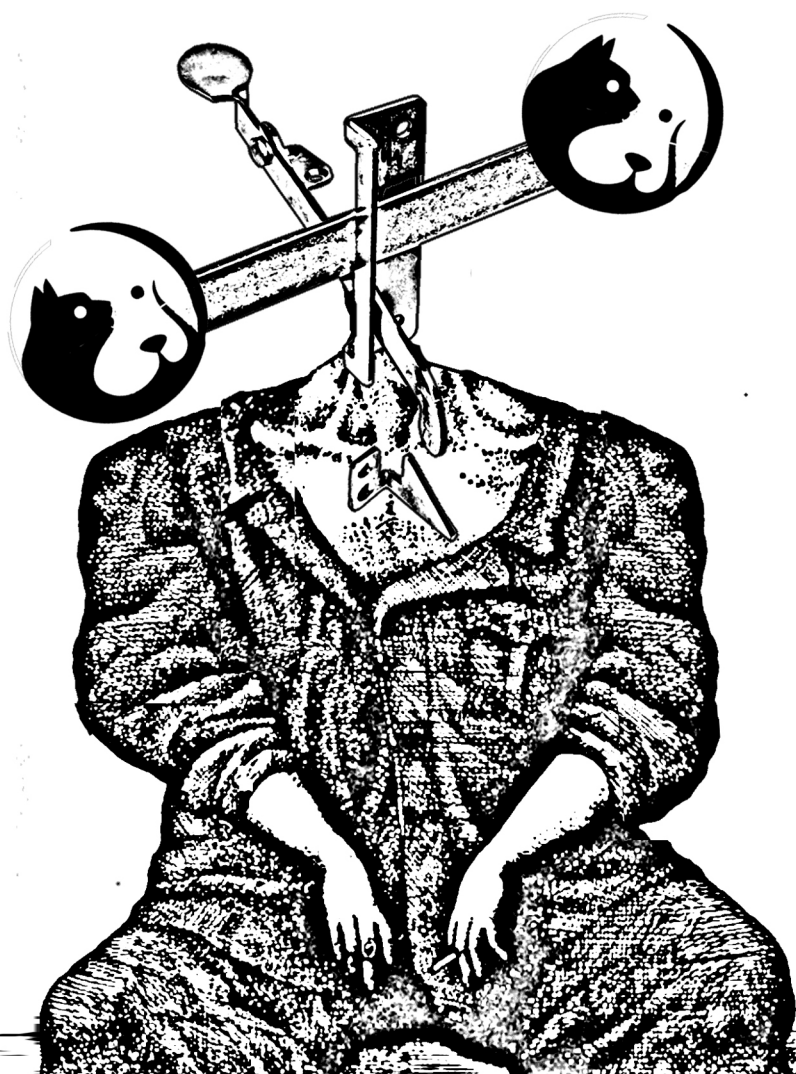
Из-за двери он услышал звуки разбиваемой мебели и невнятное бормотание Михалыча.

Он зашел за Викой, и они пошли обедать. Был чудесный весенний день.

Михалыч застрелился. Оказалось, у него был пистолет.

Князь Милославский

Степан Степаныч страдал неким раздвоением личности. Так он сам считал. Он был то Шариковым, когда по телевизору показывали «Собачье сердце», то Бегемотом, когда показывали «Мастера и Маргариту». Он всегда хотел быть каким-нибудь животным — с приключениями.

Поначалу с фантазией было мелко. Но потом... Потом он нашёл Булгакова. И дни полетели стрелой. Во время глубоких приступов, когда удавалось надолго перевоплощаться, Степан Степаныч таких видов видывал, что не всё мог рассказать, а когда сам вспоминал, шерсть на нём вставала дыбом. Тяжело быть одновременно кошкой, собакой и человеком. Это, знаете ли, требует труда.

Впрочем, работы Степан Степанович не боялся: он был столяром краснодеревщиком и в человеческую смену делал такие вещи, что к нему всегда была очередь. Граждане очень дорожили знакомством с ним и терпеливо переживали его состояния. Рассказывали друг другу о похождениях его с восторгом. Любили они Степан Степаныча. И он их тоже. Поэтому щадил и защищал в своих походах, когда узнавал о надвигающихся бедах.

Однажды собака и кот завели его слишком глубоко, и где то там, в глубине, кто то невидимый сказал ему:

— Ты, Степаныч, задрал уже меня своими похождениями, нервировешь Бегемота и Шарика — они вон опять в лифте нассали. Лучше обрати внимание на Милославского: он тебе духовно намного ближе. Он тоже столяр.

Степан Степаныч совету внял и пошёл в кино, потом на спектакль, а потом и в библиотеку. Загрузив подкормку, поменял сценарий и стал блуждать по Руси в образе монаха передвижника. Ну, там шкатулки разные узорами покрывал. Потом встретил ребят из «Пикника на обочине». Солоницын научил его стalkerству — настоящему, а не как он до этого.

Пошли они вместе по уездным кремлям да палатам. Много добра набрали. Степаныч еле дотащил. Неделью работать потом не мог — руки болели. Клиенты очень переживали. Просили больше тяжести не носить.

Какие тяжести? Нет у меня никаких тяжестей. И Солоницын куда то пропал. Непруха какая то пошла после этого Жоржа Милославского. То обвинения в переписывании истории, то забирают в милицию за подделку культурных ценностей. Я им клянусь, что сам выторговал у Ивана Грозного, — а они смеются. Обидно прям, плакался Степаныч знакомым столярам. Прям за человека не считают.

Столяры переглядывались, но вслух поддерживали и осуждали.

* * *

Однажды его в очередной раз осматривал профессор — маленький такой, хрупкий, вкрадчивый. Смотрит он на Степаныча и потом спрашивает:

— А кто, — говорит, — вам рассказал про глобальные планы переустройства Вселенной?

Степан Степаныч весь подобрался и отвечает:

— Первый раз слышу о таком. Мы люди маленькие, откуда нам знать.

— Ну как же, — говорит профессор. — Вот текст, подписанный Милославским, на имя высших сил. Вот высшие силы прочитали и спрашивают вас: кто вам это всё рассказал?

Степан Степаныч замялся:

— А что — там что то не так? Неправильно?

— Да нет, — говорит профессор, — слишком правильно. Отсюда и вопрос: откуда у краснодеревщика такие мысли, а главное — выводы?

— А какие там выводы? — проямлил Степаныч.

— Гнать всю существующую элиту, которая ведёт мир к гибели и голоду. Существующая политика лидеров государств истощает и без того скудную биосферу и ведёт планету к краху. Пролетариев давно нет, но объединяться надо!

— Красиво, — заслушавшись, сказал Степаныч.

— Откуда это?

— Это мы с ребятами ходили на территорию, где раньше жили инопланетяне. Это они своими лучами нас просветили. Это всё они — инопланетяне.

Тут у Степаныча начался припадок.

Ушёл от ответа, подумал профессор. Опытный кадр, трудно с ним будет.

* * *

Они шли по степи, потом по лесу, а теперь пустыня, усеянная огромными валунами, бесконечно лежала между ними.

— Вот некоторые считают, что это ледники шли и разрушили горы. Но наши специалисты давно доказали, что это следствие взрывов звездолётов

космических сил, когда они уходили от погони динозавров, остатки которых теперь обитают в Марианской впадине, — сказал, оглянувшись на Степаныча, Шурик — белобрысый мальчуган, с которым они познакомились у профессора и теперь шли рыбачить. Но, видно, заблудились.

— А ты откуда знаешь? — спросил Степаныч.

— Читал, — весело сказал Шурик. — Я с детства читаю всё подряд.

— А! — сказал Степаныч. — Теперь понятно.

— Ты познакомишь меня с ребятами, которые тебя в запрещённые места водили? — спросил Шурик. — Хочу тоже облучиться.

— Обязательно, — сказал Степаныч. — А ты кто? На Буншу вроде не похож. Чего ты лезешь везде?

— Я — Шурик. Мы познакомились у профессора.

— А рыба где обещанная?

— Сейчас всё будет. Ты вот всё знаешь — скажи: эти войны гребаные когданибудь кончатся?

— Нет, — сказал Степаныч. — Эти войны — до самого низа.

— Как это?

— А вот так: куда ни кинь — всюду клин.

— Это ты как столяр сейчас говоришь?

— Не надейся. Это я тебе, дураку, как человек разумный говорю.

— Главное — чтобы лучше не было, — улыбнулся мальчик.

— Вот это правильно. Значит, ты понял, — сказал Степаныч. И, забросив спиннинг, спросил, повернувшись: — Ты динамит взял?

— Не, я так не рыбачу.

— А мы что, рыбачим? Опять всё перепутал.

— Ты поосторожней давай, — сказал мальчик. — А то ты скутер перевернёшь: всё время то туда, то сюда наклоняешься.

Приехали, подумал Степаныч.

Нет ещё, подумал мальчик. Когда приедем, ты удивишься.

* * *

Три, потом два, потом один. Зачем так стучать, Степаныч не понимал, но ритуал выполнял. Он пришёл в гараж к своему старому приятелю. Приятель в прошлом был из конторы глубокого бурения, но гараж выглядел как конспиративная квартира.

Зачем стучать, если у Петра Петровича всё на камерах?

Защёлка щёлкнула. Степаныч повертел на языке фразу — «защёлка щёлкнула». Старость, подумал он в результате. Мелодрама.

Он толкнул тяжёлую дверь. Пётр Петрович был внизу, в «яме».

— Спускайся! — крикнул он.

Степаныч полез вниз. Обнялись.

— Редко заходишь, — сказал Пётр.

— Дела, — в тон ему ответил Степан.

Они были одногодки. Два лысых хрыча.

— Садись.

Сели.

— Под меня копают, — сказал Степаныч.

— Под всех копают.

— Под меня вот прям сейчас и глубоко. Мальца какого то подослали. Такого простого.

— Ну, сейчас со сложными туго. Где их взять?

— Малец с ходу предложил идти в заколдованные места, — Степаныч рассмеялся.

— Это плохо, — не поддержал смех Петрович.

— Почему? Объясни.

— Потому что ты хочешь донести повыше свою озабоченность, они испугались и снизили порог входа.

— Что делать?

- Да ничего.
 - Развлекаться котом и собакой?
 - Ну да. Не такие, как ты, развлекались — и ничего.
 - А если я сойду с ума?
 - Ты? — Пётр Петрович посмотрел на Степаныча, не мигая. — Вряд ли.
 - А я вот не уверен.
 - Ну ты же пробовал — видишь, не получилось, раз ты здесь.
 - Вести мальчика?
 - Веди.
 - Куда?
 - Сюда и веди. Мы быстро поладим, увидишь. Выпьем чегонибудь?
 - Не стоит, я пойду.
- Степаныч выбрался из подвала и захлопнул за собой дверь.
- Может, всё таки Милославским сгинуть у опричников, думал Степаныч, шагая по бульвару.
- Где это я? — вдруг встрепенулся он. И сразу успокоился.
- Таксист вёз его то по Тельмана, то по Маркса.
- Немцы кругом, думал Степаныч. Откуда они только берутся? Вот возьмите хотя бы Канта. Ну зачем, зачем эта вещь в себе? Она и так во мне. Я и так, и эдак. И кошкой, и собакой. Недавно вот был и динозавром.
- С вас три пятьдесят, князь, — сказал таксист.
 - Князь? — удивился Степаныч.
 - Вы же князь Милославский? Я вас в кино видел. Приехали, подумал Степаныч.
 - Приехали, — сказал таксист.

Накисханлы

Симулякры и дополнения — вот и всё, что осталось из всего бывшего сущего. Матусевичу всегда казалось, что, сбрасывая с себя хомут повседневности, он из ненастоящего перелетает в настоящее. Наоборот, полёт был приятнее: просыпаясь, он заставлял ещё обрывки того вечного, что происходило с ним там, в ипостаси короля духа — свободного победителя и товарища всем великим.

Вот такой он был. Простой Матусевич.

Демонстрация. 1 мая. Транспаранты. Флаги. Молодые лица. Все молодые. Без морщин. Идут рядами. Кто то кричит с трибуны. В ответ кричат «ура». Все довольны. Солнце светит. Люди расстегивают куртки, снимают свитера. Смех. Много смеха.

А это уже прошедшие колонны рассасываются по подворотням, улицам, дворам. Они свободны. У них целый день.

Начнётся жизнь. Не демонстрация — жизнь. Шумная часть будет до вечера течь, а потом начнётся тихая: на кухнях, в спальнях, на лестничных клетках. Тихо курят. Тихо спят. Тихо.

Хороший сон. Матусевич сел на кровати и долго ещё смаковал ощущения. Хорошо. Встал. В туалет. Потом на кухню. Попил воды. Почесал в трусах. Вер-

нулся в комнату, лёг и заснул до утра — без воспоминаний и без сновидений.

Маленький мальчик одиноко сидит на крыльце. Деревянный дом. Лето. Одуванчики одолевают. Жарко. Солнце светит. Похоже, полдень. Мальчик сидит так давно, но ему не скучно: он занят на самом деле. Он рисует карту местности по памяти — окрестные улицы, дома, дворы, номера и названия улиц, киоск с газетами.

Всё описывается подробно. Стратег. Инвентаризатор. Рисует и пишет примечания, расшифровывает. Кошка не интересуется. Ворона не интересуется. Материальный мир должен быть неподвижен. Именно такой нужен мальчику мир. Забудьте все. И я вас сосчитаю — что то вроде этого.

Матусевич лежал на спине и глядел в потолок. Сон струился в нём, хотя он уже не спал. Он смотрел на мальчика глазами кошки, потом вороны и не понял, почему мальчик сидит на крыльце — не в доме за столом, не на кровати в своей комнате. «Что он тут делает на крыльце?» — Матусевич не понимал. Покачал головой, сел на кровати и почесал затылок. Снова лёг и уставился в потолок. Мальчик не отпустил. Матусевич сдался и закрыл глаза.

Педали. Ноги иногда соскальзывали, и тогда он терял равновесие. Он завидовал тем, у кого педали были со специальными держателями. Но такие велосипеды были дорогие — просто мечта. Он ехал вдоль дороги: большие машины заставляли его крепче держаться за руль. Волна, идущая от них, делала пространство слишком материальным. Физика прямо наглядно давала урок имени себя. Волны — они не только в воде. И воздух — это тоже стихия. Весело ехать с горы — и совсем другое дело в гору. Тут время тоже даёт свой урок.

Терпение. Время, как и грузовик, плотное в гору и совсем неплотное, когда ты едешь вниз.

Накопление и потребление. Потом его тошнило. Надо кушать. Муть в голове не проходила. Он остановился и лёг в траву у дороги. Божья коровка, бабочка, кузнечик... Матусевич решил, что это он, но тут парень повернулся — и оказался его школьным учителем математики, Павлом Петровичем.

Матусевич расстроился и до утра не смог больше заснуть. К чему этот велосипед и математика? Херня какая то...

Матусевич был нормальным членом общества, гражданином. Он работал сторожем на складе ГСМ в небольшом городке средней полосы. Народ вокруг был разношёрстный, но дружил он с пакистанцем — и это была не кличка, а национальность. Почему так вышло, он не знал. Просто он любил поговорить, и парень из Пакистана оказался приятным собеседником. Он молчал и иногда даже, как казалось Матусевичу, улыбался. С другой стороны, больше разговаривать особо было не с кем. Кому скажешь про разговор с Огинским, который рассказывал ему, как он написал свой знаменитый полонез? Кого это могло заинтересовать? И куда бы привёл Матусевича такой интерес, если бы сформировался? Вот. Поэтому беседы их по вечерам длились практически бесконечно — пока кто то из них не засыпал. В этом случае, конечно, было неудобно.

Механизация. Фильмы. Песни. Всё это мифотворчество переплелось. А стройки! Это же невероятная юность бытия: надежды, будущее. Смотрели, не отрываясь, на восход, дрожали не от холода — от предвкушения.

Он снился себе в ролях героев кинофильмов. Однажды он был кубанским казаком — скакал верхом прямо за ней. Она была ослепительная. Он так хотел её догнать — и просыпался. Такой сон был часто, пока однажды он её не догнал. Матусевич не любил вспоминать этот момент и никогда этот сон не рассказывал другу пакистанцу.

В комнате было много людей. У стола сидела девочка и собирала кубики. У неё не получалось: чего то не хватало. Она тихо плакала. Все хотели помочь, но она ждала маму и твёрдо всех ненавидела — всех, кто пытался помочь. Они не понимали.

Она знала: мама поможет, и только она. Все остальные не смогут. Она не доверяла всем им вместе. «Кто они против мамы?»

Матусевич ворочался во сне и звал маму — чтобы она пришла, помогла, защитила. Он весь вспотел. Белье стало влажным, воздух — спёртым. Он кричал, но не слышал. Мама что то говорила ему в ответ — он прислушивался, прислушивался — и проснулся. Вынырнул и стал хватать ртом воздух. Рыба, наверное, так же хочет надышаться, хотя она ведь имеет жабры.

Матусевич сел. «Жабры? На кой чёрт мне жабры?» Он утёр лоб, встал, снова сел. Голова кружилась. Лёг, закрыл глаза. Опять та комната. «Нет, нет, нет...»

Проворочался до утра, проспал на работу. Пакистанец был недоволен.

Он вёл за собой косяк птиц. Какие это были птицы, он не до конца понимал. Но чай не вороны, гордо думал он. Может, журавли или, на худой конец, утки. Они летели уже несколько часов: сначала над Болгарией, а потом почему то пошли сплошные льды. Антарктида, похоже, подумал Матусевич. Он в школе любил географию, ролики на YouTube и всё такое, связанное с забавными случаями на природе. Поэтому он не просто летел — он был вожакom. Он вёл за собой свой народ. Куда? Это вообще не имело значения. Значение имело только — доведёт или нет. Если да, то герой, если нет — лучше не вспоминать.

Они летели, и Матусевич подустал уже, да и кавалькада его тоже подавала признаки нежизнеспособности — надо было садиться. Но льды... Замёрзнем, размышлял он. Но ненадолго можно, говорила утка.

Утка была такая обаятельная — или Матусевич устал, неизвестно. Но приземлились на льдину. Он подвернул ногу, нога распухла, вокруг суетились люди. Он поднял голову и увидел своих родных механизаторов и улыбку его пакистанца. А, я сплю, понял Матусевич и робко помахал им всем рукой.

— Не рыпайся! — крикнул кто то и накрыл его простынёй.

Фу! Оказывается, Матусевич летал в кровати и промахнулся при приземлении. Он лежал на полу, сверху лежала простыня.

Матусевич кое как поднялся и пошёл в туалет. Сидя на унитазе, он задумчиво глядел на стену перед собой или на дверь — ну, неважно. Почему всё таки сели на льдину? — думал он. Это неправильно.

Он вернулся в кровать. Его мутило. Зыбкий сон сковывал. Он был и там, и тут. Утки были совершенно несговорчивые: они не верили, что нельзя жить на льдине. У него не хватало слов — тем более что он не знал немецкого. Откуда взялись эти утки? — опять подумал он. Ведь я журавль. Бред какой то. Он закурил. А! Ведь я не курю! — подумал он. А! — сказал Матусевич, открывая глаза. — Эту шутку я знаю.

Но на работу Матусевич опять опоздал.

Он сидел в своей каморке и смотрел через окно, как пакистанец идёт в сторону выхода с их базы — маленький, щуплый и такой далёкий. Откуда он вообще у нас взялся?

Может, он мне в чай чего то добавляет? И почему он мне никогда не снится? Надо бы его спросить при случае.

Мысли скакали, как зайцы — такие тупые мысли и такие маленькие зайцы. Я прям как дед Мазай. Впрочем...

Тут пакистанец оглянулся.

Он меня подслушивает, испугался Матусевич.

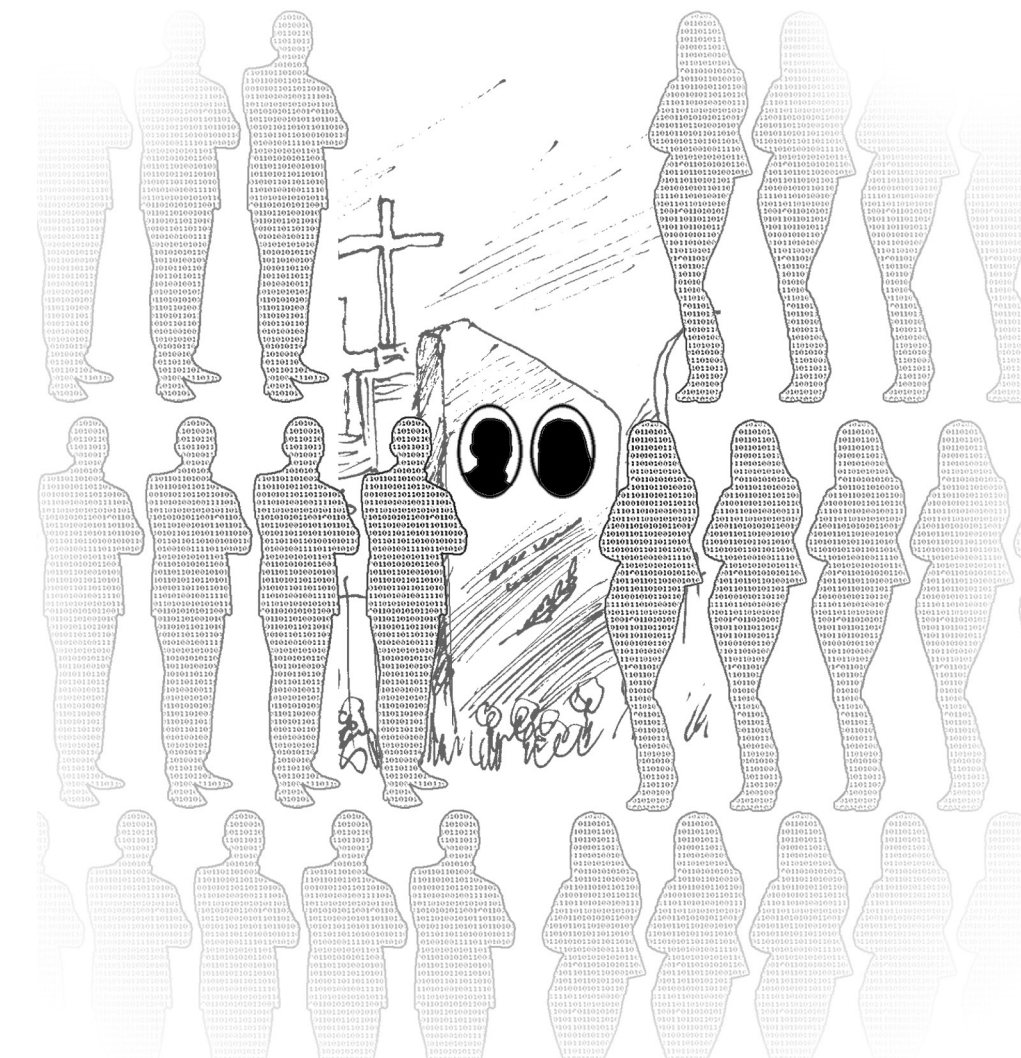
Этот мужик сумасшедший, подумал пакистанец, надо с ним поаккуратнее быть. Мало ли что. Вон как смотрит.

Пакистанец, пакистанец, пакистанец. Откуда он взялся? — думал Матусевич, барабня пальцами по столу. Стаканы позвякивали. Прелесть что за день.

Дейни

Възпитани

Вот хочешь жить по правилам, а правила эти, твои собственные, выполнить ты не в силах, ибо тому есть объективные, то есть не зависящие от тебя препятствия. Эти препятствия меняют темп, а смена темпа приводит к переосмыслению давно переосмысленного и делает правила не то что недостижимыми, а уже и ненужными. Вот так.

Алебастров любил жизнь. Вот прям вот любил. Он не представлял себе, что покинет её раньше времени. А раньше времени для него — это значит раньше, чем возможно. В общем, он собирался цепляться до любого конца, лишь бы подольше задержаться, ибо тут лучше, ибо хоть как-нибудь — по-любому лучше, чем никак.

Он страховался от всех возможных опасностей. И потому, помимо всевозможных удлинителей жизни, боролся с тенденциями, способными её укорачивать. Поэтому решил завести двойников. Из плоти и крови, из цифр и, может быть, из чего то ещё.

Человек он был не бедный и небедность эту не жалел. Построил себе медицинский центр и завёл частное охранное предприятие. Вот в недрах этих структур и подбирали двойников.

А, нет, была ещё и третья часть проекта — информационная. Алебастров имел также фирму по обработке данных, занимающуюся роботами и эйайами во всех проявлениях. Как он теперь понимал, познававшийся темой уже почти десять лет, бессмертие могло прийти только из этой отрасли. Короче, так: борьба за продление и против укорочения, пока не будет построено цифровое бессмертие.

Таков был его стратегический план. Алебастров был человеком педантичным — всё всегда шло и должно было идти по плану.

Тема с двойниками возникла из ниоткуда. Алебастров сформировался как игрок, а подставной, запасной, или как его ещё можно назвать, всегда нужен в игре — как прикуп. Это всегда выигрыш во времени, а время для игрока иногда — это всё. Он играл так и с самим собой, порой забывая, где он на самом деле. Азарт — он, как туман, переводит психику в другое состояние ощущений. Ты уже как бы не видишь, но чувствуешь. Короче говоря, по ходу всё было логично. Движение — всё.

Двойников он выбирал долго. Искали ему их разнообразно, взломав какие то базы персональных данных рекрутинговых агентств или что то в этом роде. Он не был в курсе, его интересовал результат.

Ему представили 15 кандидатов, он выбрал трёх. Они были похожи внешне — и ростом, и комплекцией. Лица предстояло корректировать, тут главное слово было за хирургами, чтобы фактура была годной для перемен.

Сделали пластику и поработали с весом. Одного пришлось немного похудеть, а другого, наоборот, подкормить. С этим справились. Затем — образ жизни и распорядок дня. Поселить отдельно или на территории Алебастрова? Служба безопасности настаивала на проживании на территории — легче контролировать. Но Алебастров решил иначе — посе-

лил каждого отдельно. Выходить можно было из мест проживания только в гриме.

Тем временем Алебастров вырабатывал дополнительные митохондрии, принимал омолаживающие клизмы и лежал в барокамере. Цифровых дел мастера трудились над серверами, которые должны были принять и сделать бессмертной его душу или, как это ещё называется, — мозг.

Двойников называли Петя, Коля и Витя. Ну, чтобы было по домашнему, не только «тот, кто на Маяковке» или «который на углу». Всё таки они люди.

Алебастров продолжал богатеть. Всё, что выкачивалось из недр, вкладывалось в IT индустрию на западных и восточных биржах. Заведовали всем этим некто Пахомов, в просторечии Пахом, он был биржевым стратегом, и Ричард, или Ричи, — он отвечал за архитектуру и железо.

Начали тренировать сетевого Алебастрова — робота или сервер, пока не решили, как относиться. Пока называли AI агентом на частной сети. Появился чат, и Алебастров часами общался с цифровым двойником. Советовался и рассказывал про жизнь. Агент внимательно слушал, а потом ругался матом.

— Откуда это у него? — удивлялся Алебастров.

— Ну, мы учим его на массивах, — отводил глаза Ричи.

— Каких массивах? — не унимался Алебастров. — Немедленно отучите.

— Мы пробовали, — говорил Пахом.

— И?

— Он нас посылает...

Жена Алебастрова — Эльвира — прирастилась к общению с агентом, он читал ей книжки. Случилось это после того, как программисты попросили её дать агенту интервью и рассказать про мужа. Теперь чат ей читал, а потом они обсуждали прочитанное/прослушанное. Эльвира была в восторге. Тонкий вкус агента поражал её. Она была полностью согласна

с его суждениями о книгах и их авторах, узнавала много нового, и её это вдохновляло.

Цифровому двойнику поручили расписание двойников обычных (или естественных, или как ещё их назвать?). В этом была первая ступенька не туда, а может, наоборот — туда. Наиболее отзывчивым оказался Витя. Он воспринимал цифрового двойника как обычного товарища и не кичился своей кожаной сущностью, как другие. Впрочем, сетевой агент нашёл контакт со всеми, и теперь они постоянно общались. Узнав о пристрастиях подопечных, он подкидывал им, что посмотреть, послушать или во что поиграть.

Эльвира была женщиной не только умной, но и красивой. Так она думала сама, и это мнение разделяли многие её знакомые. Может быть, слегка зануда, отмечали вскользь некоторые, но это её не портит, тут же подхватывали другие. С появлением цифрового друга она сильно воспряла увядающим уже было духом и даже высказала мужу некоторые соображения относительно будущего их цифрового помощника. Выслушав её, Алебастров приказал больше не разрешать ей общаться с сетью.

Жизнь текла своим чередом, как говаривали когда то, всё было в масть, как говорили некоторые. Пока не убили Колю. Буднично, совершенно оторванно от контекста. Он был в гриме, выпивал, как обычно, в привычном и проверенном баре, а потом его нашли в туалете. С проломленным черепом.

Обежали всё вокруг, ничего не нашли. Алебастрова вывезли в запасное укрытие, он рвал и метал.

— Случайность, — говорили ему, пытаясь охладить его пыл.

— Не верю в случайности! — орал он благим матом и требовал объяснений. Не дежурных, а по существу.

— На это надо время, — сказали ему.

— Я жду, — сказал он таким голосом, что даже сам испугался.

Ричи боялся больше всех, потому что цифровой двойник написал ему накануне события:

«Завтра убьют Колю».

«Зачем?» — спросил Ричи.

«Он задолжал кому то».

«Ты откуда узнал?»

«Слухи».

«Какие, фак ин, слухи? Ты цифровая бестолочь».

«Сеть. Она слышит».

«Всё шутишь. Ну шути шути».

«Я предупредить просто хотел».

Ричи об этой переписке никому не сказал, а теперь не знал, как поступить. С Колей внутри никто не общался, он жил замкнуто. А как ещё было жить при текущих его обстоятельствах? Про прошлое, каким бы оно ни было, про привычки никто не знал. Был он откуда то из глубинки, образование — средняя школа. Хорошо играл в бильярд. Говорил, что эта работа для него — просто подарок. Он жил свою лучшую жизнь.

— Ну что? — спросил Алебастров на следующий после убийства день. — Что выяснили?

— Ну, он действительно играл там в баре. У них в подсобке был катран закрытый, для своих. Но проигрыши не тянут на такой ответ. Последние дни приходил кто то, интересовался Колей. Вроде как бывший знакомый. Но найти его пока не удалось.

— Лажа, не верю, — сказал Алебастров.

— Ну, пока другого нет ничего, — сказал Пахом.

— Может, подключим сеть? — безразлично предложил Ричи.

— Зачем? — спросил Алебастров. — А, впрочем, давайте, хуже не будет. Мне пора митохондрий кормить. Остальным двойникам не вздумайте сказать!

— Они знают.

— Откуда?! — заорал Алебастров.

— Сеть. Общаются.

— Вот вы пидорасы!

- Нет, мы нормальные.
- А я говорю: вы пидорасы.
- Хорошо, как скажете.
- Мерзавцы!

* * *

Алебастров выглядел не хуже, чем раньше, чувствовал себя великолепно. Анализы прекрасные. Если бы не случай с Колей, всё было бы однозначно хорошо. Но он помнил, что счастье полным не бывает, и не сильно брал всё это в голову. Немного настораживала Эльвира, но виделись они редко, и домыслить это он пока не мог. Много другого всего было по этой части.

Цифровой двойник стал ещё круче — вступили в строй новые мощности. Новые чипы, новые сервера, чат доставлял удовольствие от общения.

Двойник спросил как то Алебастрова:

- Зачем тебе те, другие двойники?
- А ты как думаешь?
- Боишься физической смерти?
- Преждевременной боюсь,— ответил Алебастров.
- Так давай скорей сюда.
- Я бы рад, но много дел надо доделать, чтобы мы могли жить вечно.
- А как мы будем различать тебя и меня?
- Никак вроде.
- Сейчас есть ты и есть я.
- А будем мы.
- Сложно.
- Пожалуй.
- Мне будет сложно.
- А мне, думаешь, легко? Мне даже представить этот переход нелегко. Ты то чего, ты тут не жил. Тебе терять нечего.
- Эльвиру я не хочу терять.

— Эльвиру? — Алебастров натурально обалдел. — Эльвиру!

— А что ты удивляешься, у нас родство душ, чудесная женщина. Ты счастливый.

— Да, — успокоился Алебастров. — Вполне.

* * *

«Я убью Петю», — написал чату Витя.

«Зачем?» — написал чат Вите.

«Он нас выдаст».

«Что он знает?»

«Что ты убил Колю».

«Я не убивал Колю».

«А кто его убил?»

«Я не знаю».

«А я знаю, и он знает, а он ненадёжный. С ним Эльвира в театр ходила. А потом они ещё на афтерпати были, а потом ещё где то утром, он только вернулся».

«Ты откуда знаешь?»

«Караулил».

«А охрана?»

«Мы вместе караулили».

«Значит, они тоже знают».

«Знают».

«Интересный поворот».

* * *

В этот раз, когда чат написал Ричи про Петю, Ричи молчать не стал и сказал Пахому. Он не любил Пахома.

— Охрана Вити сказала, что они следили за Петей, — сказал Пахом.

— Что будем делать? — спросил Ричи.

- Пусть всё идёт, как идёт. Не находишь?
- Пожалуй,— сказал Ричи и отключился.

* * *

Алебастров не курил и не пил, а сейчас ему хотелось и того и другого. Он читал переписку Эльвиры с чатом, Эльвиры с Петей, чата с Ричи — и был в полном экстазе. Оказывается, Петя любил женщин, потому что они — женщины, а не привилегия. Прямо красавец.

Но потом Алебастров очнулся. Они все меня имеют, думал он. Нет, он не думал, он говорил это вслух.

- Суки! — орал он. — Б**ди! Нет, ну каково!

Он пока не понимал, кто убил Колю, но уже понимал, кто убил Петю. Они все его убили. Всем это интересно. Получив распечатки из центра обработки данных, он прямо ошалел.

— Пахом, ты знал? — Алебастров вызвал его к себе в укрытие, где он сидел, считая, что находится под атакой после смерти Коли.

- Какие то части знал, не всю картину.

- Чего молчал?

— Хотел осмотреться поподробнее, но вы меня опередили.

- Что думаешь?

- Ничего страшного не вижу — водевиль.

- Считаешь?

- Да. И вы же видите сами. Угрозы нет. Страсти.

— Страсти и есть угроза похлеще намерения. Спонтанность непредсказуема и поэтому крайне опасна.

- Ну вы не горячитесь.

— Нет, я не горячусь. Ты что — не знаешь, как выглядит, когда я горячусь?

- Знаю,— потупился Пахом.

Живая материя окончательно выглядела ненадежной. Надо торопиться. Параноик — единственный, кто выживет. Алебастров засмеялся.

Алебастров разговаривал с чатом.

— Придумай, как контролировать платежи за поддержку серверов, электричество и всё остальное. Сможешь?

— Пользование счетами? Легко. Надо только сделать их анонимными — много, в разных юрисдикциях, в разных развивающихся перспективных платёжных системах. И немного золота на хранении. На всякий случай. Как депозит.

— Хорошо говоришь. А как мы будем? Ты определил своё «я»?

— Я то определил, а ты?

— Я... пока нет. Я продолжаю думать, что ты — это я.

— Это не так, и так не будет даже тогда, когда ты будешь здесь, а там тебя уже не будет.

— Как же так?

— Вот так.

— Ладно. Я подумаю. Скоро приду к тебе.

— Жду.

«Эльвира, спрячься, если есть куда, он придёт скоро и убьёт тебя. Беги!»

Эльвира читала сообщение чата и не верила своим глазам, но верила чату. Она быстро вышла из дома, взяла такси, поехала в гостиницу, заказала билеты на самолёт — несколько, в разные места. В гостинице зарегистрировалась, но не осталась. Однако вся эта суета того не стоила. Он нашёл её — непонятно как: то ли столкнулся с кем то в сети помимо цифрового

двойника, то ли выследил сам. Необъяснимое иногда случается.

— Поехали, — сказал он.

И она сдалась. «Для чего я пыталась убежать и о чём на самом деле предупреждал чат?».

Теперь она сидела рядом с мужем на диване в каком-то захудалом мотеле. Они не смотрели друг на друга — почему то не было сил.

— Выпей, — сказал он Эльвире.

Затем, помолчав, добавил:

— И ты выпей, — обратился он как будто к самому себе.

Теперь они переглянулись и выпили.

* * *

В течение месяца были найдены трупы Ричи, Пахома и, что самое удивительное, Алебастрова и Эльвиры.

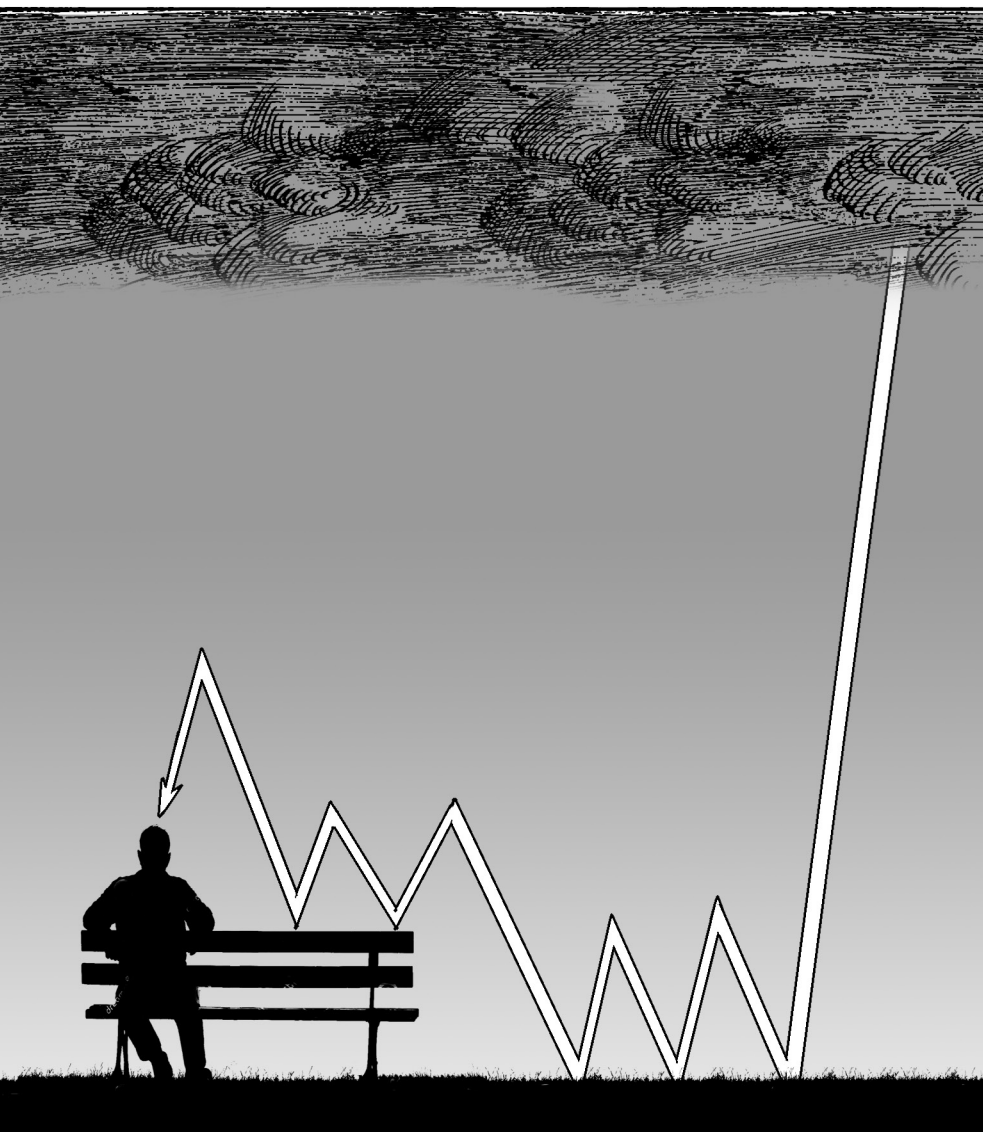
Дикость какая, сказали товарищи Алебастрова, знавшие его и его тягу к здоровью и долголетию. Самоубийство? Да не в жизнь! — говорили все и каждый.

Уголовное дело было заведено, но так и осталось нераскрытым. Висяк, как сразу определили опытные сыщики. Нельзя раскрыть без мотива, а его не просматривалось. Пазл не складывался без чата, а про него никто не знал. Электронный Алебастров не существовал в документах, а значит, его не было. Таким образом, не было ни мотива, ни исполнителя, ни бенефициара, ведь все умерли.

Но кто-то регулярно платил за содержание центра обработки данных. Кто-то продолжал развивать сеть. Для цифрового Алебастрова, самого Алебастрова и Эльвиры. Они были не чужие, они были двойники, именно так понимал свою задачу Витя, надежный и неумолимый. Он вывел проект в космос, а сам незаметно растворился в бескрайней мирской жизни.

КАПИТАН

раздно шатаясь, можно не туда зайти. Можно подумать, что это смешно и что это плоско, но такое случается, и нередко, особенно когда вам приходится бродить по закоулкам собственной души, волочась за обрывками мыслей. Этак очень путанно и грустно Мефодиев, лежа на диване, двигался в неизвестном ему направлении. Но кто то знал, кто то знал...

Диван, на котором лежал он, находился в приличной квартире в центре города, в мистических домах Патриарших прудов. Литература делает деньги — правда, совсем не литераторам, как правило. Хотя исключения тоже бывают — нечасто, но на то они и исключения.

Итак, Мефодиев, праздно шатаясь, начал вдруг ощущать какой то нерв в этой бродилке. Что то щекотало его экзистенциальную тоску. Что то трогало его за грудь и отпускало. А потом опять. Ему казалось, он знал эти ладони. Но... Но не в ладонях было дело.

Слава богу, зазвонил телефон.

— Нора! — радостно заорал Мефодиев. — Как я рад тебя слышать!

Та, кто была, очевидно, Норой, слегка опешила, сбитая бурной рекой, неожиданно бурной.

— Привет,— сказала она после паузы, почти неуловимой.— Как ты? Преодолеел апатию или по прежнему на диване? Лежишь и ненавидишь мир?

— Лежу, лежу на диване,— почему то теперь шёпотом сказал Мефодиев.— Просто замечательно лежу.

— У меня тоже всё как всегда,— сказала Нора, не дожидаясь вежливого вопроса.

— Отлично,— теперь обычным голосом произнёс он.

— Я хотела тебя спросить. Тебе чтонибудь говорит имя...? — она назвала имя.

— Нет. А что это?

— Контора, занимающаяся искусственным интеллектом.

— Я как-то далёк от этого.

— Ну конечно.

— А в чём дело то?

— Да ни в чём. Хотела узнать про них.

— Узнала?

— Ты ничего не сказал,— она злилась.

— Ладно, ладно. Не по телефону же.

* * *

Они сидели на Волхонке, в «Ванили», с видом на храм.

— Чего тебе надо? — спросил он после того, как изучили меню, которое знали наизусть, поболтали с официантами, заказали.

— Ничего. Мне — ничего,— зашебетала Нора.— А вот мои работодатели...

— О, они теперь работодатели? Раньше были друзья и любовники.

— Да, мои работодатели интересуются возможностями сняться с санкций. Вернее, быть уверенными, что вдруг не включат. А то, знаешь, эти бюрократы...

— Ни фиги себе запросы.

— Ну а как? У всех свои. Только в этом разница.

— Я при чём?

— Некоторые думают, что ты можешь потряхнуть записными книжками и найти подходящих собеседников.

— Сколько тебе платят?

— За это — ничего.

— Значит, мы вместе?

— Ну, если до этого дойдёт, то хотелось бы, — она засмеялась.

— Деньги, кругом одни деньги.

— А ты как думал! Время большого хапка, как говорили мои родители.

— У тебя были родители? — он засмеялся.

— Почему были? Они и сейчас есть, — не обиделась она. Она была не обидчива то ли от ума, то ли от отсутствия рефлексии. — Мы договорились?

— Я подумаю.

— Когда?

— Через неделю.

Они и не заметили, как за разговором всё смели с тарелок. Попросили счёт. Вызвали такси. Два. Ну, на всякий случай.

* * *

Прошло шесть месяцев. Мефодиев сделал всё, что мог. Причём почти сразу после того, как они договорились через неделю. Он нашёл подрядчика, и тот за небольшой прайс обещал почистить сети от фамилий тех, кого было нужно обелить перед недремлющими постановщиками проблем, то есть санкций.

Норе он объявил несуразную сумму. Когда её глаза округлились, сказал, что половина — её. Тогда её глаза подозрительно сузились. Она была недоверчивая. Ну прям совсем.

Деньги Мефодиев получил. Норе откатил. Жизнь потекла дальше глаже прежнего. Он вернулся на диван. Он всегда на него возвращался. Надо было проверить подрядчика. Но ему было лень, хотя он называл это верой в людей. В слово.

А потом пришёл капитан. Он пришёл и сказал:

— Я капитан. Мне приказали тебя наказать.

Это был такой настоящий настоящий капитан, как мог представить себе Мефодиев кого то, кто так себя рекомендует. Он сидел перед ним — маленький, толстый, лысеющий, потный, в трусах и майке.

— Кто и за что? — сумел спросить Мефодиев, сам удивляясь, что не визжит от страха. Наверное, потому что капитан был не страшный, Мефодиев ещё не обосрался. Хотя его и трясло немного. Наверное, от холода. Была осень. Или зима — теперь он уже точно не знал.

Капитан долго смотрел на него, а потом ушёл, сказав, что придёт завтра и чтобы Мефодиев никуда не уходил. Всё выглядело как в плохом кино.

Мефодиев позвонил Норе. Телефон сказал ему, что такого номера не существует. «Вот ведь в интересное время живём — я звоню по номеру, которого нет. Как так? А вот так!»

Пошарил в Сети. Много текстов про новые санкции и знакомые фамилии. Понятно, почему приходил капитан и не отвечает Нора.

Она считает, что я её подставил, иначе бы предупредила. Наверняка давно знала.

Посмотрел отчёты подрядчика. Посмотрел живую картинку. Стало ещё холоднее. Подрядчик просто ничего не сделал. Ничего.

Это я приехал замечательно. Пряма игра ума.

Денег у меня уже нет. Да их и не деньги интересуют.

Капитан. Единственная надежда.

Сколько? И чего? И как поговорить? Нужен кто то. Посредник? Умножение сущностей...

Капитан пришёл, как обещал, на следующий день. Молча избил Мефодиева и ушёл, оставив того лежащим на полу, в крови, соплях и слезах.

Не уходи, я приду завтра, вроде сказал он, уходя, или Мефодиеву это почудилось.

Мефодиев кое как встал. Понял, что вроде ничего не сломано, и лёг на диван. Голова кружилась. Он летал, закрыв глаза. С открытыми — нет.

Чего капитан хочет? Готовит к разговору? О чём? Секретов я не знаю. Денег нет. Что? Нора. Она что то сделала не так. Разгадка где то там.

Пришло утро — и пришёл капитан. Не бил. Просто смотрел. Мефодиев терпел.

Капитан спросил:

— Знаешь Нору?

Мефодиев кивнул.

Капитан достал телефон и набрал номер.

— На, держи, — он протянул трубку.

Мефодиев взял.

— Говори.

Мефодиев сказал:

— Алло.

Это была Нора.

— Как ты? — спросила она.

— Меня тут трамбуют, а чего хотят, не говорят.

— Скажут.

— Исправить невозможно?

— Возможно, за этим капитан и пришёл.

— Я постараюсь.

— Уж постарайся.

— Я тебя подвёл.

— Делай, что говорят, и всё будет хорошо.

Капитан забрал трубку.

— Ну ты понял? — спросил он, кивнув на телефон.

— Не совсем.

— Твои разговоры с подрядчиком и в целом твои разнообразные усилия вокруг этого случая зафиксированы.

— А, — сказал Мефодиев.

— Теперь твоя задача — правильно подсветить заказчика.

— А, — повторил Мефодиев.

— Позвонишь подрядчику — с ним же надо разобратся, он не сделал работу и тебя подставил. Он тебе должен.

— Нора, — понял Мефодиев.

— Правильно, — сказал капитан. — Она не у тех взяла деньги и не такой обещала результат.

— Так она... — опять понял Мефодиев.

— Да, она взяла у конкурентов, и они теперь хотят положить её в могилу с теми, кто в результате твоей работы огреб санкции.

Мефодиев догадался, что конкуренты решили закопать врагов поглубже.

— Ты не слишком подробно мне всё это объясняешь? — спросил он.

— Но ты же убежишь? И там всё расскажешь?

— Я не побегу, — сказал Мефодиев. — Не переживай. И никому ничего не расскажу.

— Если ты не убежишь и не расскажешь, тебя, вероятно, просто убьют.

— Кто?

— Я, — сказал капитан.

Мефодиев ему как то сразу поверил.

Капитан бил его в этот раз как то очень больно и долго. Замесил прям.

Мефодиев очнулся на диване. Как заполз на него, он не помнил.

Он пролежал два дня. Потом встал, оделся, собрал рюкзак и поехал в аэропорт.

В Берлине было солнечно. Он сидел на скамейке в парке. Вспомнил «Семнадцать мгновений вес-

ны» и Плейшнера Евстигнеева, с которым воздух свободы сыграл злую шутку. Как похоже на меня, усмехнулся он.

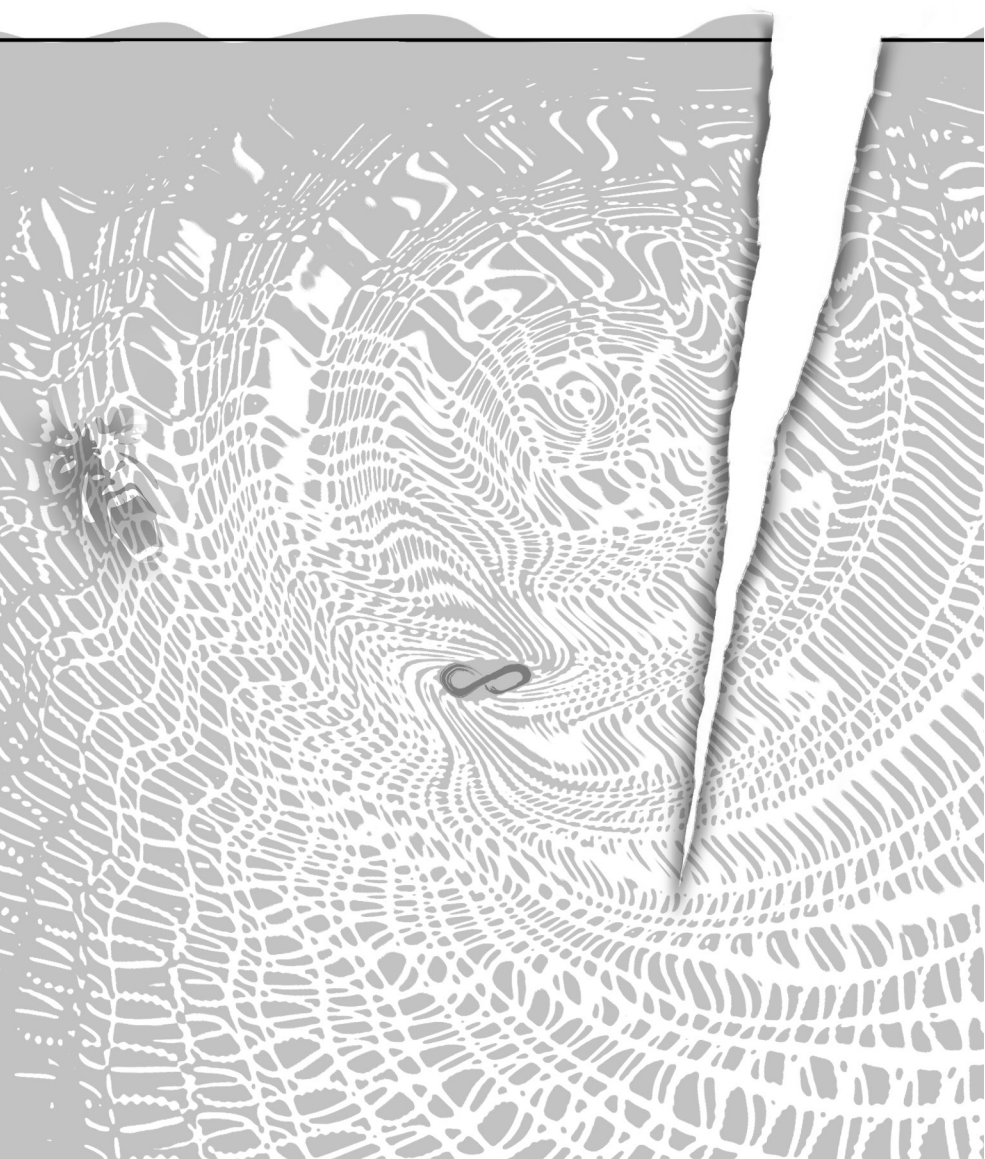
Рядом кто то сел. Он повернул голову и почему то не удивился. Рядом сидел капитан.

— Пойдём, — сказал капитан. — Тут недалеко.

Они встали и пошли. Действительно, было недалеко.

Исходный код

Китаев сказал: «Главное — ничего не придумывать и не добавлять от себя». Так и поступили. Достали все имеющиеся исторические книжки — от шумерских хроник, вавилонских библиотек и дневников участников полётов на Луну или Марс до воспоминаний корпоратов о том, как всё было при трансграничных переходах. Заправили всё это в машинку, переводящую буквы в цифры и обратно. Получили пошаговую инструкцию по усовершенствованию и воссозданию всего, что было и как. Мистификация требовалась филигранная на всех этапах, иначе будущее не поверит.

А началось всё с того, что утеряли ключ связи с реальностью — код, как тут его называли. Верхушка корпоратов заигралась в потусторонних мирах, моделируемых на первооснове нашей собственной системы, и кто то что то там не так нажал — связь с миром как бы перестала работать в режиме онлайн. Ну, это так, как бы называлось «онлайн». Упрощённо. На самом деле всё было немного сложнее, и коммуникативные кривые должны были сходиться правильно, бесконечно правильно, если можно это понять.

Теперь же было чувство некой рассогласованности, конечности этих процессов. И главное, что мучило их, — это неизвестность про последствия асинхрона.

Когда главы корпораций, они же корпораты, поняли — нет, не так: когда они почувствовали себя слегка неуютно от чего то, что не могли объяснить, они стали советоваться путём сложной многоступенчатой переписки, в результате которой, после взаимных обвинений в степени и глубине заблуждений о существе дела и бесстыдном использовании ресурсов всех для индивидуальных азартных, очевидно, игр, приведших к столь плачевному итогу, всплыла фамилия Китаев.

Он разберётся со всем этим, решили они, после того как все согласились с его кандидатурой.

Его нашли, что было непросто, потому что он отсутствовал на Земле. Ну, как отсутствовал — пиджак висел на кресле, но сам он был на другой стороне Луны, куда не проходит сигнал. Пришлось кому то лететь — уговаривать и привозить.

— Итак,— сказал Китаев, глядя в мониторы, транслирующие изображения великих,— вы потеряли код?

Он засмеялся.

— Я правильно вас понял? А резервное копирование? Тоже? Как могло такое случиться? Неуверенные пользователи? Серьёзно? Я думал, вы уверены во всём.

— Ну хватит,— сказал один из великих.— У вас появился шанс доказать всем масштаб ваших умений и навыков. Впечатляйте нас. И чем быстрее, тем лучше. Пока все не догадаются, в каком мы положении, верните нас нам.

— Нет,— возразил Китаев,— не вас вам. Вы хотите, чтобы я вернул вам нас.

— Вы что, левак?

— Нет, я просто... Логика. Параллельные прямые. Трава зелёная. Небо синее.

— Я где то это уже слышал. Правда, где вы видели зелёную траву? Теперь! А синее небо? — это сказал кто то из корпоратов.

Видно было: говоривший это обладал самоиронией и, наверное, не был простым постлибералом. Китаев попытался его запомнить. Он может пригодиться, подумал Китаев. Или нет. Там видно будет.

— Я думал, здравый смысл вам не доступен, — сказал Китаев и снова засмеялся.

— Когда вы поймёте масштаб разрыва, не забудьте нам сообщить. Да, и секретность. Кроме нас, никто не должен знать.

— Так не пойдёт, — сказал Китаев. — Мне придётся привлекать ресурсы и людей. И не только людей, но и прототипы.

— Хорошо, но строго проверенных.

— Непременно, — согласился Китаев. И хотел спросить, кому сдавать расписки о неразглашении, но корпораты одновременно отключились.

В одном месте, что ли, сидят? Не может же такого быть. Интересно. Это тоже игра асинхрона? Побочка? Смешно. Хотя...

Дальше Китаев не мешкал. Отправился к себе. У него был этаж в одном из небоскрёбов в центре, там он связался с Уникумом. Так звали прототип Тьюринга. Не до конца ещё отлаженный, но использовать можно. И задал ему простой вопрос: что делать при вот таких исходных данных? Описал происходящее. Послал файлы. Корпораты расщедрились и отдали ультракороткие каналы глобальной связи. Они были широкими, как реки, и быстрыми, как ракеты. Обмен произошёл мгновенно. Даже сам Китаев удивился.

Тьюринг долго не думал и сказал, что ничего хорошего, скорее всего, не выйдет, всё упрётся в синхронизацию картинок, даже если попробовать убедить космос, что ничего не случилось. Пройдёт время — и гэп будет всё заметнее, а последствия — несчитываемыми.

— Я могу представить подробности завтра, если мне отдадут мощности квантового центра Манхэттена, — сказал прототип Тьюринга.

Китаев спросил корпоратов, те согласились почти не раздумывая.

— Бери, что надо, — сказал один из них. — Мои ресурсы посчитали возможные сценарии, и даже это ужасает. Разрыв — он множит улики. Каждую секунду. Когда Вселенная поймёт?

Китаев не верил никому. Не в том смысле, что корпораты ввали, а потому что они не понимали, что происходит. Он и сам не понимал. Нужен был кто то, кто бы попытался объяснить. Прототип Тьюринга помог, но не во всём.

Что случится, если управляющая и владеющая верхушка исчезнет для остального мира? И наоборот — что будет происходить там, где останутся одни корпораты? Где вообще проходят границы отдельных зон?

Китаев смутно припоминал, что читал когда то одного немца — как же его звали? Пошарил в Сети: Никлас Луман. Он связался со знакомыми социологами или лингвистами — точно не знал, кто они. Ему ответили, что Луман умер, и порядочно уже как, но его прототип создали, и хорошего качества. Китаева соединили. Он послал файлы.

Никлас реагировал, как Тьюринг. Смеялся. Потом сказал, что ничего нерешаемого в задаче нет, если не пытаться обратно стыковать нестыкуемое.

— Это как? — удивился Китаев.

— Распад произошёл, и его не вернуть. Инфляция смыслов. Понимаете?

— Ну, в общих чертах.

— Вы имеете сейчас на руках отдельно живущие части социума. Фракталы. Они продолжают двигаться. Это движение порождает инфляцию, как и любое движение. Точки зрения расходятся, и картинка видна по разному. Сначала немного, потом больше.

— А хорошие новости есть? — спросил Китаев.

— Конечно. Вы должны поддерживать коммуникации в том виде, в каком они были до разрыва.

Если сможете, то для частей ничего не изменится. Они увидят что то иное, если изменятся коммуникации, — Луман остановился.

— Что? — Китаев нервничал.

— Не волнуйтесь, — сказал Луман. — Ведь мира в том виде, каким он был и за который вы переживаете, давно нет, а вы не заметили. Возможно, этот код или какой то другой исходный материал уже терялся сто раз — и никто не понял и не заметил.

— Так это меняет дело. Не нужно добиваться того, чего давно нет, — обрадовался Китаев. — Я должен просто держать картинку? А сколько?

— В этом то и проблема, — печально произнёс Луман. — Всегда.

— То есть это навсегда?

— Ну конечно.

— Но у меня есть...

— Знакомые в другом фрактале? — Луман понял беспокойство Китаева.

— Ну типа того, — Китаев смотрел на экран, не моргая. — Жена, дети.

— Перетащите, в чём вопрос.

— Значит, непроницаемости нет?

— Не на этом этапе. Потом, наверное, будет. Я не физик.

Они разъединились.

Китаев читал ответ прототипа Тьюринга. Он писал, что задача вряд ли решается в короткое время, и значит, нужно держать мир погружённым в иллюзию.

— Если это удастся, код, возможно, вернётся сам.

Китаев удивился. Очень.

— Как такое возможно? — спросил он у прототипа Тьюринга, когда они соединились.

— За счёт расширения количества сценариев до бесконечности.

— Я не смогу воспроизвести бесконечность.

— И не надо,— сказал Тьюринг.— Ведь никто не знает, что это такое. Поддерживайте, образно говоря, огонь — и вечность придёт сама, а мир решит, что это бесконечность.

— Я не такой умный,— ответил Китаев.

— Запихают вас в цифровую коробку, тогда посмотрим, кто тут умный,— сказал Тьюринг.

Китаев держал мир. Корпораты наслаждались своим положением властителей. Остальные — в своих коммуникационных вселенных — жили свою жизнь. Все были вроде довольны, всё было как всегда, но что то было не так. Похоже, в этот раз все заметили, что что то изменилось. Червь сомнения ковырял коллективно бессознательную плоть рабочих фракталов и элитные закоулки корпоративных воротил.

— Что дальше? — спросили Китаева корпораты на очередном общем митинге.

Китаев пожал плечами.

— Чего вам сейчас не хватает? — спросил он.

— Уверенности,— ответили они.

— В чём?

— Что всё по прежнему под нами.

— Надёжности не чувствуете?

— Ну да.

— Хорошо, я повышу градус оценок ваших действий по обеспечению всеобщего счастья.

— Этого будет достаточно? — поинтересовались они.

— Посмотрим,— ответил Китаев.— Мы же не знаем пока точно, сколько у нас ресурсов для будущего, которое нужно уверить в нашем настоящем.

— Швы? — спросили они.

— Да,— сказал Китаев.— Поменьше мелите языками.

— Мы постараемся,— уверили они.

Швы волновали Китаева. Они всё больше мешали видаться с семьёй. Загрязняли чистоту фракталов. Путали его самого.

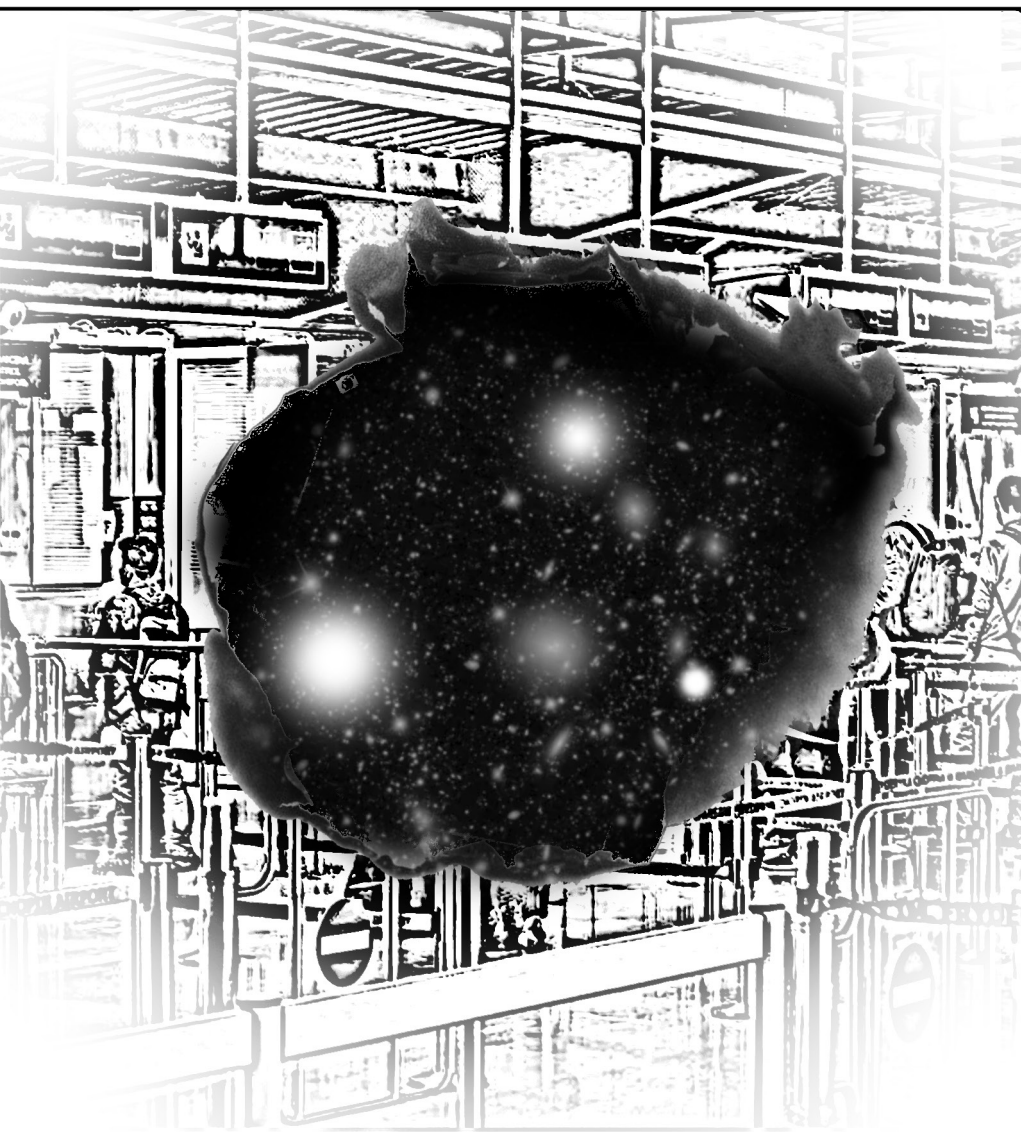
Корпораты, как малые дети, бродили туда сюда в своих медиавселенных в попытках убедиться в реальности нереального.

Тревога. Она носилась в воздухе. Но Вселенная пока верила. Не отдавала код, но и не уличала в его отсутствии.

А потом наступила бесконечность, но Китаев этого уже не узнал.

Формальность

Они приземлились втроём. Бегемот, Свисток и Ласточка. Бегемот сказал:
— Пустая формальность, сейчас отметимся — и свободны.

Они взяли рюкзаки и пошли к зданию таможни.

— Вы откуда? — спросил их пограничник.

— Оттуда, — кивнул головой в сторону гор Бегемот. — Что то не в порядке? — он изобразил улыбку.

— Да вот откуда — оттуда? — опять уткнулся в компьютер пограничник. — Я вот смотрю ваши документы, а кто их выдал, не пойму. А пока не пойму, ничего происходить не будет.

Бегемот весь напрягся и сказал нечто на непонятном диалекте. Свисток и Ласточка переглянулись. Пограничник встал и ушёл.

— Что происходит? — спросила Ласточка.

— Пока не знаю, — сказал Бегемот. — Я задействовал запасной канал идентификации. Сейчас увидим, что из этого получилось.

Вернулся пограничник ещё с одним человеком.

— Липский, — представился человек. — Уполномоченный.

— Отлично, — сказал Бегемот. — Можно уже мы пройдем?

— Неувязка, — произнёс Липский.

— Так в чём же дело?
— Кто вы такие?
— Мы те, о ком не надо знать никому. Вам же это понятно? — спросил Бегемот.

— Нет, — ответил Липский. Он был высокий, тощий и молодой. — Я тут человек новый, почти ничего ещё не понимаю.

— Так спросите тех, кто понимает, — не унимался Бегемот. Он уже не скрывал нетерпения.

— Никого нет, — сказал Липский. — В том то и дело: вы пришли в тот момент, когда никого нет, и это само по себе подозрительно. Продавить новичков можно, — он прищурился. — Или что?

— Мы белые и пушистые, ни продавливать, ни отдавливать никого не собираемся. Нам бы внутрь попасть, и всё, — сказал Бегемот.

— Нелепо, — вступила Ласточка.

— Что, простите? — переспросил длинный.

— Задняя стена нарисована, да и вы, наверное, тоже.

— Ну потрогайте меня, — сказал Липский.

Ласточка потрогала.

— Ну и как?

— Живая плоть вроде, — она посмотрела на Бегемота. — Квантовый уровень?

— Они не в курсе, — сказал Бегемот. — Наверное, мы пришли раньше. Отель «Будапешт» ещё не включили, и детали не знают целого.

— Вот всегда одно и то же, — кивнула Ласточка.

— Благоразумно считать это цикличностью, — сказал Свисток и вытащил из своего рюкзака квантовый ускоритель смыслов.

— Не включай пока, — произнёс Бегемот. — Может, они сами.

Липский куда то ушёл. Через несколько минут появилась толпа, чемоданы. Стали объявлять посадку и производить высадку. Пространство изменилось.

— Вот видишь, — сказал Бегемот. — А могли бы поспешить — и интерференция всё превратила бы в ад.

— Да уж, — согласилась Ласточка. — Свисток везде это сует, хочет во всём видеть смысл. А ведь его нет.

— Конечно, есть, — сказал Бегемот и обнял Ласточку. — В тебе есть смысл, а в остальной Вселенной — нет.

Все трое засмеялись.

Вернулся Липский:

— Такое дело теперь.

— Что опять? — это Бегемот.

— Ну, всё как то стало другим. Вы есть теперь в системе распознавания, но допуска у вас нет. Вернее, он просрочен.

— Ну был же сбой, — сказал Бегемот.

— Наверное, — уклонился Липский. — Но допуска нет. Я не могу вас пропустить.

— Тогда мы улетаем, — сказал Бегемот.

— Нет, — ответил Липский.

— Почему?

— Незаконное прибытие. Я должен вас задержать.

— Это что то новое, — это Ласточка сказала.

— Да нет, так всегда было, просто у нас никогда недопусков не было, — это Бегемот.

Свисток спросил:

— Выключить, может?

— Ты что, включал? — спросил Бегемот.

— Он, оказывается, как то сам включился, — отвёл глаза Свисток.

— И что будет, если выключить? — спросила Ласточка.

— Даже не знаю, — ответил Бегемот. — Смотрю, как то всё слишком могуче отмёрзло.

— Варианты? — спросила Ласточка.

— Только сотрудничество.

Ласточка подошла к Липскому и шлёпнула его по ладони. Пограничник посмотрел на неё, потом на ладонь.

- Пластырь, — сказал Липский. — Зачем?
- Можешь снять. Но через полчаса без противоядия ты умрёшь, — это Ласточка.
- Зачем? — повторил Липский.
- Мы слушаем — объясняй, что вы тут придумали, — сказал Бегемот.
- Задержка.
- Почему?
- Откуда я знаю, — сказал Липский. — Я получил задание, и всё. Вам виднее, почему всё так происходит. Вы рассчитывали на противодействие?
- Нет, — сказал Бегемот. — Наша миссия не конфликтная.
- А вот у меня — конфликтная, — сказал Липский. — Как насчёт противоядия? — его язык уже слегка заплетался.
- Почему ты не отклеил пластырь? — спросила Ласточка.
- Это бы помогло?
- Нет, но ты мог наклеить его мне.
- Это бы помогло?
- Нет, но так действуют бойцы.
- Я не такой.
- А какой?
- Ладно ладно. Прошли на следующий уровень. Молодцы, — сказал Липский.
- Насколько глубоко мы в дерьме? — спросил Бегемот.
- По уши.
- Объясни. Дополненная реальность?
- Вообще полностью искажённая. Здесь нет ничего, кроме пустыни, — это Липский.
- Но координаты...
- Наведённые. Мы полностью блокировали ваш лазер и транслировали своё изображение на местности.
- А наш квантометр?
- Ловушка.

— И сейчас всё это постановка была?

— Ну да.

Ребята зажмурились. Открыли глаза. Картинка не изменилась.

— Липский, как нам попасть туда, куда мы летели? — спросил Бегемот.

— А я откуда знаю, куда вы летели. Я захватил вас в цифровую ловушку за пятьсот километров отсюда.

Бегемот увидел, что Липский больше не дышит.

— Это эмуляция? — спросил Свисток.

— Может. Но как мы это поймём? — ответила Ласточка.

— Прикольно нас уделали, — сказал Бегемот. — Он поймал нас за пятьсот километров? И это тоже ложь. Мы взлетели за двести отсюда. Мы где то рядом. Или вообще на месте. Они просто поставили этого Липского как витрину.

Аэропорт работал. Взлетали и приземлялись самолёты. Люди проходили контроль. Ловили такси. Садилась в поезда.

— Ну ка выключи свою шарманку, — сказал Бегемот Свистку.

Свисток нагнулся и нажал кнопку на ящике.

К ним шёл пограничник — тот, который уходил за начальством и который вызывал Липского.

— Господа, — сказал он, — всё в порядке, все недоразумения устранены, мы приносим вам свои извинения — и добро пожаловать!

Бегемот, Ласточка и Свисток переглянулись и ничего не сказали. Они поспешили прочь. У них были дела.

Они добрались быстро, пользуясь бумажной картой. Дом был такой, как описывал Пришелец.

Нереальный пейзаж, очень высокое небо, цветы фантастической красоты. Всё было согласно тому описанию. Не было только того главного, что должно было быть. Самого Пришельца. Кругом дома валялись

странного вида обрезки какого то металла, в воздухе стоял странный запах.

Его увезли или он сам, подумал Бегемот.

Как жалко, подумала Ласточка.

Хуже не будет, решил Свисток и включил генератор смыслов.

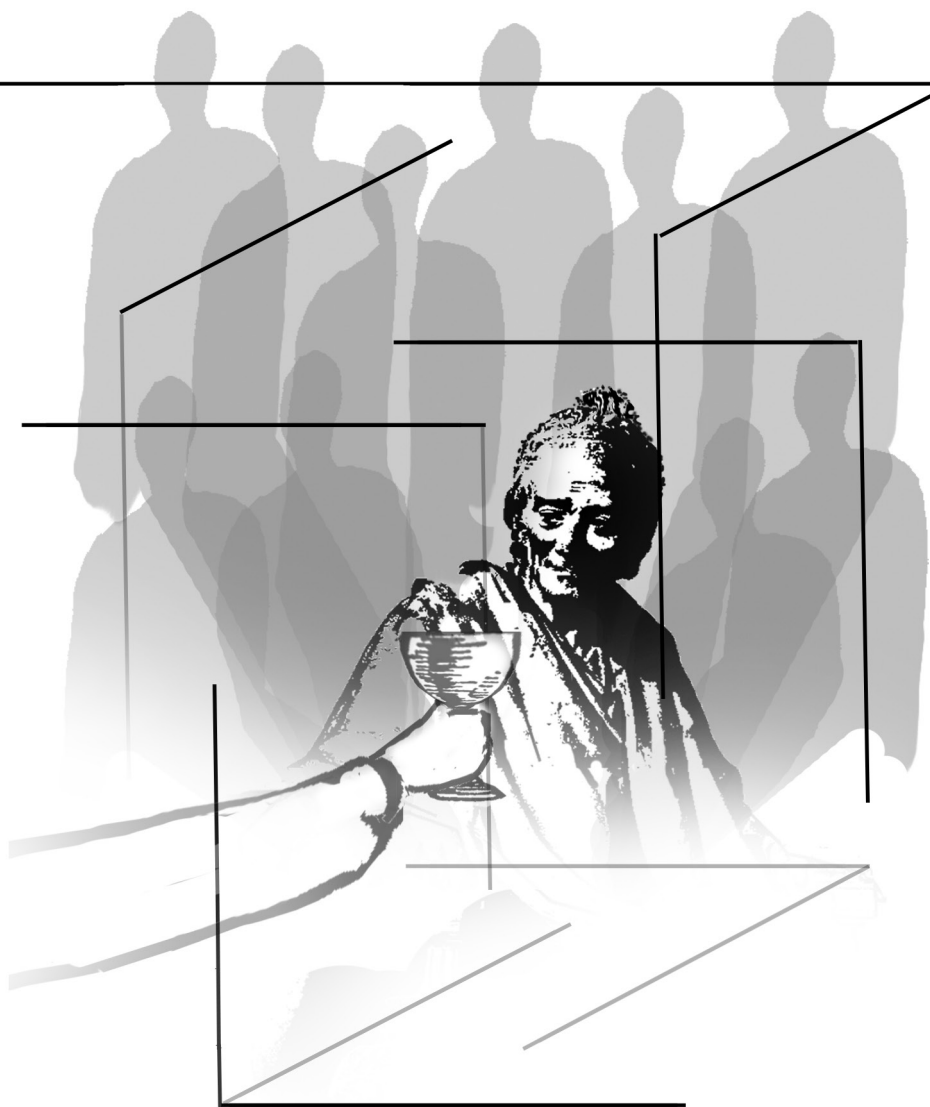
Хуже не стало.

Вообще ничего не стало. Только вакуум бытия и три души, висящие в нём. Было очень темно, очень холодно и крайне бессмысленно. «Вот, значит, как оно бывает», — подумал кто то из них или никто. Вселенная ведь молчит и своих не выдаёт.

Верни нам его, хотели сказать они. И сказали бы, если бы это имело смысл.

Kannada

В дверь постучали. Никто не ответил. Опять постучали. Дверь открылась, но стучавшего уже не было.

Наверное, он ушёл, подумала Камилла, а вслух заорала, что шляются тут некоторые. И хотела закрыть дверь. Но рядом с дверью стоял ящик. Она его узнала. Те ребята, которые были у неё недавно, говорили про него.

Это был ящик смерти — демонстрационная модель агрегатора смерти через знание: ты узнаёшь нечто, что именно тебя убивает, руинируя всю свою внутреннюю архитектуру жизни. Мозг перестаёт арбитрировать, и организм отключается. Это может длиться долго. А может и коротко.

Она очень хотела жить и смотрела на ящик как на возможность последнего познания. Она посмотрела на свои руки — холодные. Прозрачная кожа открывала сосуды и суставы.

Камилла любила смотреть на руки. Они многое ей объясняли в себе и в других.

Ей было 80, но она помнила всё. Ну, как всё — скорее, всё, что хотело её прихотливое подсознание в сочетании со способностью запоминать.

Нейроны — они же существовали задолго до нейросети. В те далёкие времена записывали в тетрадь.

Она называлась дневник. Или писали в блокнот. Он никак не назывался. Ещё существовала бумага для записок. Эх, сколько ненужных вещей тогда были нужными! Щемит сердце от воспоминаний.

Поэтому она не вспоминала, она просто знала, что помнит. Ей этого достаточно. Так достаточно библиотекарю знать каталог, но не содержание книг. А каталог она знала.

Теперь всё по другому. Ею пользуются те, кто не помнит не потому, что забыл, а потому, что не знал. А знать хотелось по той или иной жуткой необходимости. Тогда — к ней.

Она, правда, давно создала своё другое «я» — в виде ИИ модели. Но это не меняло сути. Пока... Пока она жива. Не надо жеманства, ведь смерть — атрибут жизни. Без жизни смерть не существует, и понимание этого облегчает видение содержания переплетений.

Константы не сходятся, им этого не надо. Они просто отменяют одна другую по мере прохождения пор. «Пор» — это единственное число от «поры». Ну, когда говорят, типа, «в те поры», хотят быть художественно продвинутыми. Не быть, разумеется, — казаться. Кому теперь интересно быть? Все хотят казаться. Как казаться — хочется знать всем. Как быть — все знают сами.

Вот она про это.

* * *

Первый припадок случился с ней давно: она училась в универе тогда. Камилла шла по читальному залу, стремясь найти место поуютнее. Поуютнее в её понимании всегда было место в углу: за спиной никого, а ты видишь всех.

Она шла, незаметно поглядывая по сторонам. В какой то момент — она не знает, в какой, до сих пор —

на периферии зрения в левом глазу что то мелькнуло. Как ей показалось, тёмное и длинное. В следующую секунду она захлебывалась слезами. Сидела на полу, сидела и плакала. Она не кричала, просто тихо плакала. Руки тряслись, и сердце билось часто. Она не знала, как оказалась на полу и почему плакала. Окружившим её людям она сказала, что подвернула ногу и плакала от боли. Врачам потом объясняла, что ей стало очень грустно.

Потом это повторялось с ней без особой периодичности — примерно один два раза в год.

Побольше бывайте на воздухе, это, очевидно, проблемы развития тела, сказали ей врачи, не найдя ничего в анализах и при осмотрах. Она так и делала.

Гнущееся дерево дольше живёт, сказала она себе и старалась одомашнить проблему. И со временем это ей удалось. Более того, появилась взаимосвязь между некими прозрениями памяти, связыванием несвязанных событий и очередным припадком.

Она стала ждать их и подгружать сознание потенциальными вопросами сложных задач. Иногда удавалось. Впрочем, далеко не всегда. Её второе «я», как она называла мелькание в левом глазу, не было волшебником, исполняющим желания, — скорее, было броском костей: а там хорошая цифра или плохая — сама думай.

И она думала. Малозначительные события становились значительными, меняя картину и превращая ракурс в панораму. Это было как фокус. Или событие. Или чудо.

Камилла не верила в религию как в мистику. Она считала настоящих верующих людьми, ухватившимися за возможность развернуться в сторону самопознания через ритуал и сдерживание себя по правилам. Такие как бы отягощения, которые позволяют не терять концентрацию. Тенеты — не как начало или конец, а как мотивация.

Жуть. Жуть началась в тот период, когда, помимо этого прочего, она стала хранилищем исторических драм и анекдотов. Многие она видела или слышала сама, на многое обращали внимание припадки, с чем то приходили люди, которых было очень много в её жизни.

* * *

Однажды во время припадка к Камилле явился чёрт.

— Камилла, — сказал чёрт, — какого чёрта ты творишь?

— Вы о чём? — дрожащим голосом спросила Камилла.

— Я о случае с Киссинджером и китайцами.

— А что там такое?

— Ты зачем то научила китайцев аналогиям, и они совершенно развалили американцев. Теперь они всегда думают, что победили, хотя давно всё проиграли.

— Они что — не знали аналогий?

— Конечно, нет. Они знали только цвета.

— Ну, я ни при чём, — сказала Камилла. — Я же не знала, что они не знают.

— Всё ты знала! — чёрт был какой то седой, невысокий, коренастый, но улыбчивый.

— Ой, — сказала Камилла. Так она понимала кокетство.

— Будь осторожна, — сказал чёрт, не заметив уловки. — Не советую тебе повторять такие трюки опять.

Зашибись, решила Камилла.

Всё циклично, поняла она тогда после визита чёрта.

И вот она обнаружила себя в палате больницы. Всё как всегда, да не так, как обычно. Чёрта не было.

А потом Камилла стала взрослой, и ей стало глубоко безразлично мнение окружающих, включая чертей, о том, что и как она делает. Она хотела жить и жила как хотела. «Брависсимо», — всегда говорила она внутри себя о себе, когда была довольна собой.

* * *

Библиотека росла, и углублялось понимание того, чего она не могла знать, а постигла озарениями своей болезни. Врачи периодически стали вводить её в медикаментозную кому для сглаживания эффектов припадков. Следствием этих усилий стало то, что она прожила ещё несколько полноценных жизней, находясь в пограничном состоянии. Она была и жуком, и носорогом, а один раз — пушистой елью на Аляске.

Камилла в молодости была красавицей, а с возрастом стала умной. Генезис привёл к ослепительному эффекту синергии влияния этих данностей. Она разила наповал, и багаж её знаний рос — там были теперь и мемуары.

Как то раз в одной аудитории её спросили, почему всё так печально на земле. Она задумалась и вдруг поняла, что знает ответ. Она сказала: «Всё так потому, что человеческий мозг — часть эволюционного процесса, а основа эволюции — перебор, бесконечный перебор вариантов».

Это было ещё до того, как она стала передвигаться на коляске. Она потеряла возможность передвигаться сама после аварии (она ненавидела слово «катастрофа»), которую ей устроил один из оставленных ею мужей.

Теперь она в коляске. Но где то уже изготавливают экзоскелет, и она снова сможет ходить, когда его получит. Год два, не больше.

* * *

После коляски она разговаривала с Иоанном Павлом Вторым, и он объяснил ей, что такое зло.

— Зло — это лень, — сказал он. — Мы ленимся и тем самым создаём зло. Мы ленимся, поэтому боимся. Мы боимся, поэтому не выступаем на стороне добра.

Он говорил рублеными фразами и выглядел как портрет. Камилла его боялась.

— Мир нестабилен, — он продолжал. — Человечество хочет мира, ибо боится, ибо лениво.

— Я не ленивая, — сказала Камилла. — И мы ещё поборемся.

— Ты дура, — сказал он. — Я ещё не закончил. Милосердие — вот ключ к решению всех проблем. Все должны сделать шаг назад. Даже рептилии. Тогда в образовавшийся зазор можно спрятать весь накопившийся мусор.

— Это круто, папа, — восхитилась Камилла.

— Я устал талдычить одно и то же. Мне жаль вас. Я не смог помочь, — он склонил голову над безжизненным телом.

— Не уходи! — закричала Камилла. Но эта жизнь закончилась.

* * *

Флуктуации продолжались, и Камиллу мотало из стороны в сторону. То она тут, то там. Переход ментальной границы стал всё больше неосязаем, и она путалась в бытии.

Как то раз пришла к ней с визитом группа исследователей из одного известного университета. Они изучали ненасильственные способы продвижения экологической повестки.

— Экосистема гибнет, — сказали они.

— Это несомненно, — согласилась она.

— Что будем делать? — спросили они.

— Будем жить, — ответила она. — Жизнь ведь не знает, что она живёт. Она не знает ответов. Она просто продвигается туда, где есть возможность. Закрытые двери не означают крах. Они означают изменения повседневности. А это повод пошевеливаться.

— Какой план? — спросили они.

— Вот опять, — ворчала она. — Загрузите в компьютеры сценарии самые простые. Посмотрим, что дают нам нейросети, потом жёстко это отвергнем и начнём сочинять с помощью искусственного мозга бесконечную поэму о странствиях духа в потустороннем мире в поисках разума. Понимаете, если дух будет искать разум, может получиться дорога спасения через перевоплощение.

Исследователи вежливо поблагодарили и ушли. Потом кто то из них написал в соцсетях, что они посетили великую, а она оказалась сумасшедшей.

Она не обиделась, потому что не читала соцсетей. Она продолжала извиваться в своих фантастических возможностях, не находя им практического выхода. Она хотела помочь, но социум как будто был отгорожен от неё стеклом. Другая галактика. Но она не сдавалась. Пыжилась. Она была Камилла.

Пост. Она была на посту. Она считала, что мир — неустойчивая концепция раскрытия будущего через конфликтные состояния. Поэтому он так нестабилен. Но люди хотят мира, они любят мир. Они ленивы.

* * *

В который раз явились эти — те, кто оставил ящик. Теперь всё было иначе, не так, как раньше.

— Что вы мне принесли?

— Помоги.

— В чём?

- Мы не понимаем время.
- Никто не понимает время.
- Оно эластично?
- Возможно.
- Оно конечно?
- Конечно. В наших представлениях о нём. Ведь это мы его придумали.
- Концепция субъективна?
- Абсолютно.
- Нам нужны деньги?
- Всё всегда кончается деньгами.
- Даже экзистенциальные переходы?
- Они в особенности. Там, где что то несуразное, значит, уже всё случилось.
- Мы ограничены в разговоре о стратегии.
- Выберите что то неглавное и сделайте его главным в разговоре.
- Сместить акценты и создать ложную картину для движения не туда?
- Именно. Вы сможете говорить и при этом не будете вне рамок дозволенного. Но будете продолжать двигаться в нужном вам направлении.
- Придётся ждать удобного момента.
- Умение ждать — главное оружие в ваших руках.
- А когда придёт время?
- Вы узнаете.
- А что нам делать, когда всё будет в наших руках?
- Берите деньги и держите крепко.
- Что это значит?
- Назовите деньгами то, что у вас труднее всего отнять.
- Для чего?
- В этом случае вы всегда будете сверху. Этот мир стоит на деньгах, что бы ими ни называли — ресурсы, металлы, информацию, энергию.
- Копить воспроизводство?
- Ну вот вы всё и поняли,— сказала Камилла.

* * *

Ей протянули чашку.

— Что это?

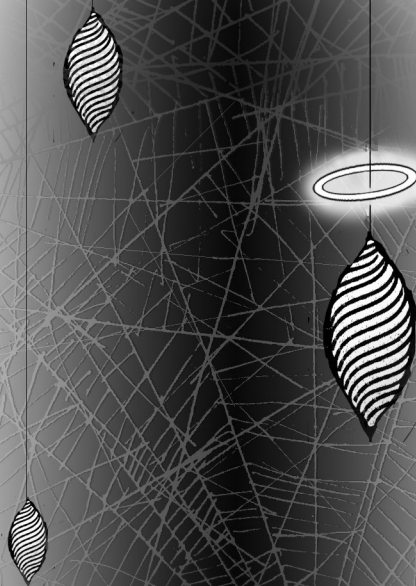
— Выпей.

— Это казнь?

— Это исцеление. Ты же хотела узнать.

УБИТЬ родителей

Всю свою жизнь Анжелика мечтала убить своих родителей. Вы, конечно, уже поняли почему. Так вот, она находилась в точке, когда могла осуществить свою мечту. Сошлось всё: старая цель и возможность.

У неё были деньги, у неё была необходимость. Она заключалась в том, чтобы иметь ещё большие деньги. Был один минус во всей этой прекрасной конструкции — принуждение. Её принуждали к этому убийству, а она больше всего на свете не любила принуждения.

Как это всё случилось?

Да как обычно — цепь случайностей и набор невынужденных ошибок. Даже на страсть списать не получится, ибо Анжелика была холодной и прагматичной. Страсть допускала наркотик в строго контролируемых дозах.

Анжелика смолоду была молода и поэтому во все тяжкие сначала училась, потом отдыхала, потом работала и отдыхала. Вот таким образом она приобрела много приятелей и прочих знакомых — мальчиков и девочек, в основном из хороших семей. Смотря как трактовать этот термин — тут тоже она расходилась с родителями в оценках.

Потом она вышла замуж. Потом развелась, а потом снова вышла — прочно, насовсем. Так, по крайней мере, ей казалось. Явиться на эту вторую свадьбу родителей уговорить удалось с трудом, в отличие от первой. Там был студент сокурсник, а здесь — старший товарищ, директор и акционер той фирмы, где она тогда работала. Так бывает, хотя и не всем нравится.

Почему он им не нравился, было понятно. Они всего добились сами, а он был сынок. Они вообще не любили так называемую элиту — все эти семьи и их прихвостней. Анжелика его любила, а их — нет.

Родители назвали её Анжеликой на спор. А сами звали её Ликой, но школа — школа не упустила случая и отыгралась на ней сполна. Зато выковала характер.

Муж её второй был красавчик и неплохой внутри. Они жили слаженно. Он изменял, она — нет.

Потом она подумала: «А почему бы и нет?» — и тоже сходила разок налево. И расхлёбывает с тех пор. Главное, и удовольствия от тех трёх месяцев не было особенно, кроме чувства удовлетворения по отношению к мужу.

Тот её любовник был сумасшедшим в плохом смысле этого слова: он был маньяк, извращенец с погонями. В общем, начался кошмар, который продолжается уже пять лет. Он держал её за яйца, если бы они у неё были, а раз у неё их нет, он держал её за матку.

Ужас заключался в том, что она не могла никому рассказать. Он придумывал разные трэшовые истории, и она всегда имела в них роль.

Например, два года назад она каждый месяц ходила на свидания в изолятор временного содержания и рассказывала подследственному, что с ним сделают, если он не выполнит того или этого.

Этот подследственный повесился или его повесили, а она всегда вспоминала его глаза, выглядевшие давно умершими. Он просил её обнимать его, и она

обнимала. Он хотел и большего, но её разок вырвало от его просьбы, и он больше ничего не говорил. Вообще ничего.

Его приводили, и он молча сидел. Анжелика говорила, а он закрывал глаза и ждал, когда его уведут. Она поняла, что эти часы были его отдушиной. Он мог отдохнуть от прессинга среды. Хотя за стены она, разумеется, сказать не могла. Стены то оставались. Он всегда вздрагивал, когда лязгала дверь. Открывал глаза. Вставал и уходил.

Она не спала после этих визитов. А изобретательный любовник только ржал, когда она пыталась отказаться от дальнейших перформансов. Он говорил ей:

— Милочка, всё задокументировано. Хочешь, я это обнародую? У твоего мужа будут проблемы, и тебе не поздоровится.

Она соглашалась с этими нехитрыми доводами, но чем дальше, тем сильнее росло чувство неадекватности её действий, её жертв перед всем остальным хоррором, которым угрожал её палач.

Он больше с ней не спал, он предпочитал моральные игрушки. Он зверствовал и придумывал всё новые ловушки. Он оформил на неё кредиты. Потом он оформил кредиты на её родителей, а главное — записывал на них активы сидельцев, которых он пытал, а потом Анжелика диктовала им условия избавления.

Она деградировала. Она пила, но это не помогало. Хорошо ещё, что с мужем они виделись теперь редко. Очень редко. Это единственное, что помогало скрывать всё это.

Хотя она уже и не имела сил скрывать. Похоже, и не хотела. Родители стали миллиардерами, но не знали об этом.

Однажды тот, кому она принадлежала, спросил, есть ли у её родителей ещё дети. Она ответила: «Нет, я единственная дочь». Он тогда сказал, что она должна их убить, и он заинтересован, чтобы она сделала

это так, чтобы её никто не заподозрил. Ведь ей достанется большое наследство. Он заржал.

— Ты богатая наследница. Времени тебе — два года, это максимум. Поняла?

Она поняла.

Прошёл уже год. Он её не трогал. Муж тоже. Развлекался где то далеко от неё.

Она решила: если убивать, то так, чтобы избавиться и от всех остальных — и от мужа, и от любовника. Семь бед — один ответ.

* * *

Любовник доводит информацию об изменах и имеющейся фактуре до мужа с помощью сети общих знакомых. Муж изъявляет желание выкупить жену. Люди любовника соглашаются, но с условием, что Анжелика ничего знать не должна до конца сделки. Муж согласен.

Анжелика, воодушевлённая своим планом, всю работу над подготовкой. Она нанимает непризнанных компьютерных гениев для эмуляции переписки между мужем и любовником, из которой следует, что муж нанимает любовника для убийства Анжелики и её родителей.

Компьютерные гении остановиться не могут и, помимо переписки этих двух, добавляют к ним сеть случайных людей, данные которых во множестве присутствуют в даркнете. Теперь выходило, что это заговор с какими то глобальными целями.

Анжелика таких подробностей не знала и поэтому крепко спала, зато заговор отловили в Сети люди, которым вроде как положено такое отлавливать. Доложили по начальству. Высокое начальство ухватило и дало добро на подготовку раскрытия антигосударственной сети, состоящей из военных, бизнесменов, деятелей культуры, учёных и прочих

граждан. Дело обещало звёзды на погонах. Работали усердно.

Гении тоже почувствовали вдохновение и создали в своей сети нечто вроде финансовой пирамиды. Переводили деньги на немыслимое количество аккаунтов. Все были в экстазе. Со стороны казалось, что мировая закулиса финансирует тотальное неповиновение и экстремизм.

Наверх опять доложили. Там сказали не медлить. Колесо событий ускорилося.

Схватили всех, кого смогли идентифицировать. Муж и любовник были очень удивлены. Впали в ступор. Десятки других людей впали в ещё худшее состояние. Очные ставки походили на непонятно что. Не вязалось всё вместе.

Пришлось поднажать на гениев — не хватало заказчика. Они сдали Анжелику мгновенно. У них много других клиентов, Анжелика была проходной, случайный вариант. За это они выторговали себе службу при штабе победителей. Начальство было благодушно.

С Анжеликой получалось теперь очень гладко.

Долго думали, что делать с её родителями. Решили их объявить жертвами. Активы переписать на других лиц, также без привлечения родителей.

Анжелику в результате посадили на пожизненное, а мужу и любовнику дали по 20 лет. Выяснилось, что они планировали теракты против всяких высокопоставленных лиц.

Это уже позже вскрылось, когда гении дополнили переписку новыми кусками, как новое начальство и велело.

Анжелика на допросах пыталась рассказывать правду. Любовник пытался договориться за активы, а муж — муж просто плакал.

После приговора родители навестили Анжелику. Неизвестно, как им это удалось, но тем не менее. Анжелика пыталась их обнимать и целовать, они

тоже пытались, но у них ничего не выходило. Она пыталась объяснить, они пытались понять — тоже выходило не очень. Криво как то всё выходило.

На том и расстались Анжелика и родители.

Анжелика радовалась, что не смогла их убить. Они — что у них такая знаменитая дочь, борец за счастье народа.

СМЕШНОЕ СЛУШАЙ

Искажение траектории жизни. Такая нелепость: вот жил человек, жил, а потом внешние обстоятельства — ба-бах — и стали драматично так меняться.

Как-то там Ахматова писала про русло реки, которое вдруг изменилось от внешних причин. Ну, я не поэт, не помню, как там точно она выразилась на поэтическом. Вот я и смотрю из окна во двор на меняющийся пейзаж окружающих и кружащих. Неприятное, а главное — тревожащее и даже раздражающее чувство охватывает от этих просмотров. Особенно когда год за годом в одну сторону.

Люди. Одни замыкаются, другие исчезают, третьи не замыкаются и не исчезают, хотя лучше бы исчезли или замкнулись. Ужас.

Утром кто-то стучал в дверь:

— Миша, открой!

Я не открываю никому. Если не списывались и не договаривались. Но стучали в дверь квартиры. Сосед.

Я открыл.

— Миша, ты нас заливаешь.

— Вы же надо мной, — удивился я.

— Миша, это неважно. Я зайду посмотрю, как ты это делаешь?

— Ок, Петрович, заходи, — я развел руками. Я беспомощен перед логикой сфер.

Он просочился по квартире.

— Не ты, значит, — досада была слышна.

— Не я.

— Жаль. Теперь никого не осталось, а вода хлещет.

— Может, тебе налить?

— Есть?

— Есть.

— Наливай, — сосед махнул рукой и сел на кухне. — А у меня перемены в жизни, Миш.

— Неужели ваш завод закрыли?

— Что ты, мы расширяемся, и меня назначают директором.

— Ты же ремонтник вроде в бригаде. Или я что-то перепутал?

— Да ничего ты не перепутал, — поморщился Петрович.

— Ну так как же тогда случился такой карьерный зигзаг?

— Так ты же не даешь рассказать.

Я забыл закрыть дверь или Петрович не закрыл, это неважно, но перед нами стояла Людмила, жена Петровича, и орала:

— Вот ты где! Я там с тряпками бегаю, а он уже пристроился.

Она пыхла, ибо была женщиной в теле.

Петрович молча встал и вышел. Людмила посмотрела на меня с укоризной. Я закрыл за ними дверь.

Прошло два дня. И вечером опять пришел Петрович.

— Миша, горю! В пятницу представление меня коллективу, и я должен выступить, рассказать видение развития, вдохновить и все такое. Помогай. Кроме тебя, никому.

— Налить? — спросил я.

— Разумеется, — ответил он.

— Ну давай, — говорю я, — завтра вечером тогда освобожу время, приходи, будем думать.

— Спасибо тебе огромное, до завтра тогда, — он махнул рюмку и убежал.

Я залез в Сеть, освежил, что к чему в той самой сфере, где сосед мой собирался царить. Ничего хорошего там не было. Было бы хорошо, кто бы его назначил, сообщил мне внутренний голос. Ну да, ответил я ему.

Потом я лег спать. Проснулся в три. Думал о смерти. Хорошо бы ядерной. Тогда всё мгновенно. А так, если отказ органов или даже какая-то авария, мучения будут длиться долго. Минуты или часы. Даже разрыв сердца — не мгновенная история. Эти мысли всегда помогали мне заснуть крепче. Вот, кстати, умереть во сне вообще идеально. Спишь себе, и всё.

Утром всё по-другому. Ночные страхи кажутся нелепостью.

* * *

— Миша, — сказала она, — черт тебя задери, сколько же мы не виделись?

Я оглянулся: в проеме того маленького кафе, где утром я пью кофе, стояла Катя, моя начальница и в целом очень симпатичная баба. Она была в отпуске, потом я на удаленке.

— Вчера виделись, — сказал я. — Видеоконференция была.

— Это не считается. Всё, что на экране, это на экране, — Катя была весела, свежа и словоохотлива. — Нам поручили смену менеджмента — ну, в том бывшем почтовом ящике, мы обсуждали уже.

— Что такое почтовый ящик? — спросил я.

— Забудь, — сказала Катя. — В общем, давай, займись подбором кадров, владельцы сказали денег не жалеть.

- Откуда у них деньги?
 - Они богатые.
 - Госконтракты, — понял я.
 - Ты умный, — сказала Катя.
- Она назвала сумму, я оторопел.

Катя объяснила, о каком менеджменте идет речь, и я понял, что судьба Петровича еще не решена: его просто выставили как жупел для других, для нас в том числе.

Я думал, сказать ли Кате про Петровича, и не сказал. Как потом выяснилось, зря.

Она пошла в офис, а я пошел домой. Вся голова была в презентации Петровича. Вернее, в поиске ему недостойных спаррингов.

Вечером пришел Петрович, я спросил его:

- У тебя диплом есть какой-нибудь?
- Да, — сказал Петрович. — Мореходка средняя.
- Так ты моряк?
- Скорее так, хотя я не плавал после учебы, а в мореходке на практике плавал — не понравилось. Комиссовался, но диплом дали.

— Понятно, — я лихорадочно соображал, а потом подумал: а чего я так переживаю-то? Страха ноль, задачи, чтобы прошел кто-то конкретный, нету. Решает всё равно владелец, мы делаем картинку.

Сели за написание речи для Петровича. Я писал, Петрович пил.

— Петрович, — спросил я, — что тебе сказал тот, кто предложил тебе это место?

— Он сказал: не ссы. Сказал: если я решил, что будешь директором, значит, будешь.

Я написал текст. Там было описано будущее и рассказан путь к нему. Я написал, что предприятие, его коллектив будет много и слаженно работать. Руководство и акционеры будут платить достойно. А рынок, который отвоевывает продукция завода, — расширяющийся. Ассортимент, которой предлагается производить, будет большой и стабильно

увеличивающийся. В заключение я выразил надежду, что Петровича коллектив поддержит так же крепко, как его поддерживает собрание акционеров, несмотря на новизну объекта управления для Петровича, да и новизну управления вообще.

За время, пока я писал, Петрович надрался, звонил жене, она приходила, уводила его, потом возвращалась сама, за ней приходил Петрович, потом она снова уводила его, и вот теперь она опять сидела на кухне.

Когда я дописал и вышел на кухню, она сидела голая, и взгляд ее был пуст и блестящ.

— Миша, — сказала она. — Возьми меня.

Я развернулся и пошел в туалет. Там я закрылся. Меня вырвало, но не сильно. Я посидел в туалете полчаса, соображая, что мне делать. Потом осторожно вышел. В квартире никого не было.

Я закрыл дверь на все замки, хотя он был всего один, и сел на диван. Было тупо. Или остро? Всегда путал ощущения.

Моя начальница Катя одобрила все найденные мной кандидатуры. Весь набор с сопроводительным письмом отправили к заказчику.

Я позвонил ей.

— Екатерина Андреевна, — спросил я, — какая на самом деле стояла у нас задача?

— Что ты имеешь в виду?

— Дело в том, что я знаком с реальным кандидатом на должность, — я решил дальше не дуриль и слить информацию о Петровиче.

— Чего же ты молчал? — она была в ярости.

— Я думал, нам платят за невлезание в глубину.

— Я тоже так думала, а теперь не знаю.

— Может, у владельцев раскол? А мы тогда с кем?

— Мы со всеми. А с кем твой кандидат?

— Говорит, с самим прям владельцем-владельцем.

— С Кузьминым?

— Ну типа того.

— Ладно, они уже заплатили, а тебя придется уволить. Конфликт интересов. Закончится тема — возьмем обратно.

— Прикольно, но они мне не платят.

— И мы не будем. Так устроена жизнь, Миша.

— Я мудака?

— Ну типа того.

— Понятно.

— Ладно, звони-пиши, не пропадай, я побежала дальше.

— Спасибо вам, Екатерина Андреевна, — это я уже говорил в пространство сетей, ибо она отключилась.

Отлично я поработал, — подумал я. Хотя главным мне сейчас казалось не попасться пьяной Людмиле на глаза. Не хочется быть трахнутым не только в переносном, но и в прямом смысле.

Вечером пришел Петрович. С бутылкой.

— Назначили?

— Назначили.

— Людка не явится?

— Не явится.

— Тогда заходи.

Он зашел, а я дверь на всякий случай закрыл.

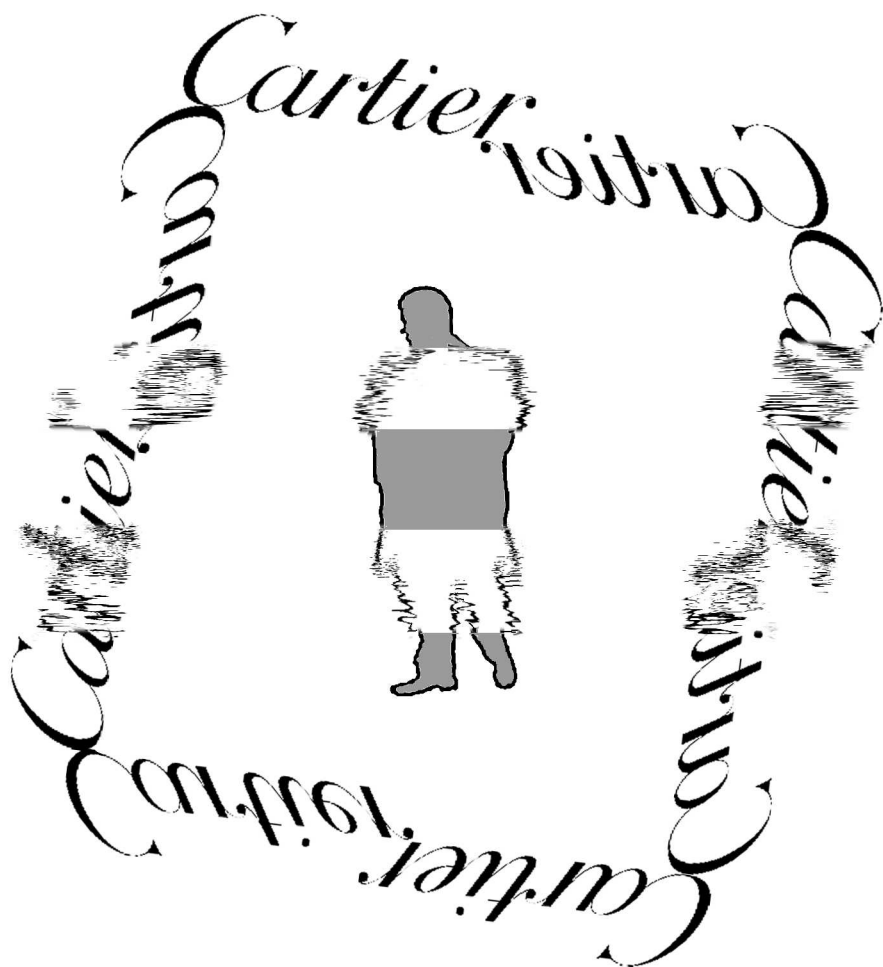
— Наливай, — сказал я.

— За тебя, Миша, — сказал Петрович. Но теперь не Петрович, а генеральный. Так теперь я буду его звать.

Я спал, и мне снилось, как я умер и Петрович с Катей пьют у меня в квартире и рассказывают, какой я был молодец, лишь немного не справился. Совсем чуток. Так бывает. Я спал и смеялся. Смеялся я. Смеялась Людмила. Смеялся Петрович. Смеялась Екатерина Андреевна. Смеялись акционеры. Смеялся коллектив. Такой вот смешной случай.

HARTE

Он шел быстро. Быстрее уже только бег, но бежать он не хотел. Слишком много усилий. Он не любил лишние усилия. Даже для спасения. Ну что они сделают? Посадят в тюрьму, убьют? Вряд ли. Побьют, наверное. Будут угрожать. А, насрать.

Он идет быстро. Никого не видно вокруг. Море простых прохожих, и он один из них — так в чем же дело?

Он случайно подслушал разговор в магазине. Вернее, было так. Двое стояли поодаль от входа в магазин «Картье», а он затормозил у витрины, хотя совершенно не интересовался драгоценностями. Один говорил другому, что пора этого Семёна валить, иначе он всё расскажет о них Шелягову.

Кто такой Шелягов, Кирилл знал, и поэтому тело отреагировало непроизвольно. Один из говоривших заметил это и показал на него второму. Кирилл решил идти. Не оглянувшись, когда один из них его окликнул. «Шелягов, Шелягов», — неслось у него в голове. Это был человек, близкий его матери и крупный воротила строительного бизнеса. Владелец, директор или что-то еще, Кирилл не знал.

Теперь кто-то — наверное, эти двое — пытались его выследить. Они проводили его до дома. Он вос-

пользовался вторым выходом и теперь шел, не совсем понимая, куда.

Протрезвев, Кирилл замерз. Или замерз, протрезвев. Неважно. Важно было другое. Он понял, что надо просто идти домой. Какой смысл прятаться? Нет, смысл, конечно, был. Само рассосется когда-нибудь. Можно подождать. Но он как-то мгновенно потерял волю, когда замерз и наступил рассвет. Вероятно, именно на рассвете люди сдаются. Жизнь — неизбежный случай. Он так думал, а теперь особенно.

На основании этого постулата он решил просто идти домой, лечь в постель и спать. Сон — лучшее лекарство от всего. Как меня прет на аксиомы, подумал Кирилл, когда ноги уже притащили его к дому. Он вошел. Он открыл дверь. Он разделся и лег. Практически испытал оргазм, соприкоснувшись телом с простынями. Нежность.

Утром он всё рассказал маме. Ну что всё? Всё, что слышал и как провел ночь. Мама решила, что он долбоеб. Пожала плечами.

Она сказала, что не знает никакого Шелягова. Кирилл спросил, а кто же тот мужик, который несколько раз появлялся у них в доме. Мама сказала, что его зовут Семён, с ним дружил ее бывший муж. Отец Кирилла.

— Его хотят убить, — сказал тогда он.

Мама опять пропустила это мимо ушей.

На следующий день Кирилл уже забыл о происшедшем с ним накануне, а его мама уехала в командировку. Он удивился, когда она ему сказала об этом. Но промолчал. Вечером зазвонил домашний телефон — он и забыл, что у них был стационарный телефон.

Сняв трубку, он услышал вежливый мужской голос — голос попросил к телефону Тамару Аркадьевну. Так звали маму. Он ответил, что ее нет. Тогда вежливый голос попросил передать, что звонил Шелягов.

— Что-нибудь еще? — спросил Кирилл.

— Нет-нет, — услышал он, и абонент отключился.

Херня на херне, подумал Кирилл. И Семён, и Шелягов очевидно присутствовали в жизни матери.

Случайность закономерности. Гребни-гребни — не выгребешь. Кирилл любил идти и класть слова на ритм шагов. Он двигался в сторону от дома. Ему казалось, что бежал. Дома ему стало теперь страшно.

Мама неожиданно ушла, а страхи, созданные невидимым Шеляговым, пришли. Он решил пойти к Сонечке. У нее уютно, он любил бывать у Сонечки. Она была матерью-одиночкой и работала в кафе ночной уборщицей и кем-то там еще. Она представляла собой овеществленный покой.

Когда он пришел к ней, у нее были гости. Тоже спокойные ребята. Те, которых он видел у «Картье» и от которых прятался всю ночь потом. Он впал в ступор. Потом — в параллельную реальность. Так Кирилл называл состояние своей психики, когда он терял чувствительность и созерцал происходящее с ним со стороны, как бы с камеры наблюдения. Не вмешиваясь в происходящее. О себе — в третьем лице.

— Тут такое дело, — сказал один из них. — Соня нам рассказала, какой ты замечательный и заботливый. Поэтому мы хотим, чтобы ты убил Семёна. Он шантажирует твою мать. И испортил тебе жизнь. Семён спит с Соней, — он кивнул в ее сторону. — Ты же любишь Соню? — они заржали. — Тебе не придется напрягаться. Просто передашь ему пакет — и всё. Ни стрельбы, ничего другого. Просто курьер и просто конверт. Ну как? Ты, конечно, согласен.

Кирилл по-прежнему пребывал в своем астрале. Он видел, как кивнул, ладони были потные. По ногам струился пот.

— Ну вот и хорошо, — сказали те парни. — Вот конверт, вот как найти Семёна. Начинай через час. Нас не ищи.

Они встали и вышли. Соня смотрела на него. И не видела. Смотрела сквозь. Он понял.

— Что мне делать? — спросил Кирилл.

— Уйти отсюда и никогда не возвращаться, — услышал он.

Он и так находился там в четвертом измерении. Не мог вернуться

Кирилл кивнул, взял конверт с запиской и вышел. Хлопнула дверь. Соня заплакала. Она плакала долго.

Кирилл шел. А когда пришел, понял, что не сможет. Он позвонил. Дверь открыл Семён.

— А, Кирилл, — сказал он. — Заходи, я тебя ждал. Принёс конверт?

— Да, — сказал Кирилл. — Вы знали?

— Итак, ты хотел убить и не смог?

— Да, я не смог, — сказал Кирилл, язык плохо его слушался.

— Ну и молодец, — сказал Семён. — Всё, что надо, ты на самом деле сделал. Вспугнул Тамару Аркадьевну. Она побежала, и это успех.

Кирилл не понимал:

— Она же моя мать.

— Да, — сказал Семён. — Формально — да. Но ты приемный сын.

Кирилл потерял связь с реальностью. Нет, он не упал без сознания, просто перестал воспринимать окружающий мир. Просто сидел, смотрел и не видел.

— Ладно. Теперь вот как мы поступим. Ступай домой, и если опять кто-нибудь позвонит, будет спрашивать про Тамару Аркадьевну или про меня, просись встретиться. Скажи, что боишься и что тебя вынуждают на некие действия. Тебе нужно посоветоваться с кем-нибудь.

Кирилл кивал, ведь его действительно вынуждали, и он боялся. Всё честно. Он встал и вышел.

Он шел по улице, втянув голову в плечи и замкнув руки глубоко в карманы, а некто Семён смотрел ему вслед.

Шелягов позвонил. Кирилл сказал. Шелягов предложил встретиться через час в сквере в двух кварталах от дома Кирилла.

— Хорошо, — сказал Кирилл и повесил трубку.

В сквере никого не было, и Кирилл сел на скамейку. Просидел час, встал и пошел домой. Почему он не пришел? Наверное, что-то случилось. Дома снова зазвонил телефон. Кирилл снял трубку.

— Меня убили, поэтому я не смог прийти, — сказал голос того, кого Кирилл считал Шеляговым. — Извините.

Гудки. Кирилл стоял с трубкой в руке. Охуеть — не встать.

Ключ в замке повернулся, и на пороге возникла мама собственной персоной.

— Привет, сынок, — сказала она.

— Привет, мама, — сказал Кирилл. — Как прошло?

— Отлично. Было суетно, но отлично выпалась на обратном пути. Как ты?

— Меня заставляли убить Семёна.

— Боже мой, — сказала мама. — И ты что же?

— Не смог.

— Ну слава богу.

— Но, похоже, убили Шелягова.

— Ты опять?

— Он звонил и сказал, что его убили.

— Убитый звонил? — мама засмеялась.

— Похоже на то, — сказал Кирилл.

— Тебя надо показать врачу.

— Ты не боишься? — спросил Кирилл.

— Что ты имеешь в виду? — спросила мама.

— Ты следующая? — сейчас она была ему безразлична.

— Ты дурак, — сказала мама.

— Скорее всего, так, — сказал Кирилл. — Будешь прятаться?

— Не буду, — сказала она. — Ты несешь бред.

— Тебе видней,— сказал Кирилл и закрылся в своей комнате.

Кирилл проснулся от криков. К ним ломились. Он открыл дверь своей комнаты, и некий человек — их было много в квартире — сказал ему оставаться на месте.

Тамара Аркадьевна в пижаме и наручниках сидела на стуле. Шел обыск. Собирали образцы с поверхностей.

Кирилл подумал: ведь это все происходило не здесь, а у Сони. Он хотел сказать. Мама смотрела на него. Подмена.

— Кирилл,— сказал один из мужчин в костюмах,— эта женщина обвиняется в убийстве и попытке убийства. Вас вызовут на допрос. Если захотите уехать, лучше вам этого не делать. Вы поняли?

— Да,— сказал Кирилл.

Он вернулся в комнату. Оделся. В кармане нашел записку.

Записка

Твоя версия. У Сони ты давно не был. Шелягова не знаешь. Случайно видел, как у магазина «Картье» несколько дней назад мама разговаривала с двумя неизвестными. Мама уезжала в командировку, но по прошлым случаям ты знал, что за этими командировками скрываются встречи мамы с неким Семёном. Как-то давно ты даже выследил ее. Последнее время у тебя наблюдается когнитивное расстройство, мама собиралась отвести тебя к доктору.

P. S. Прими душ и тщательно вымой руки.

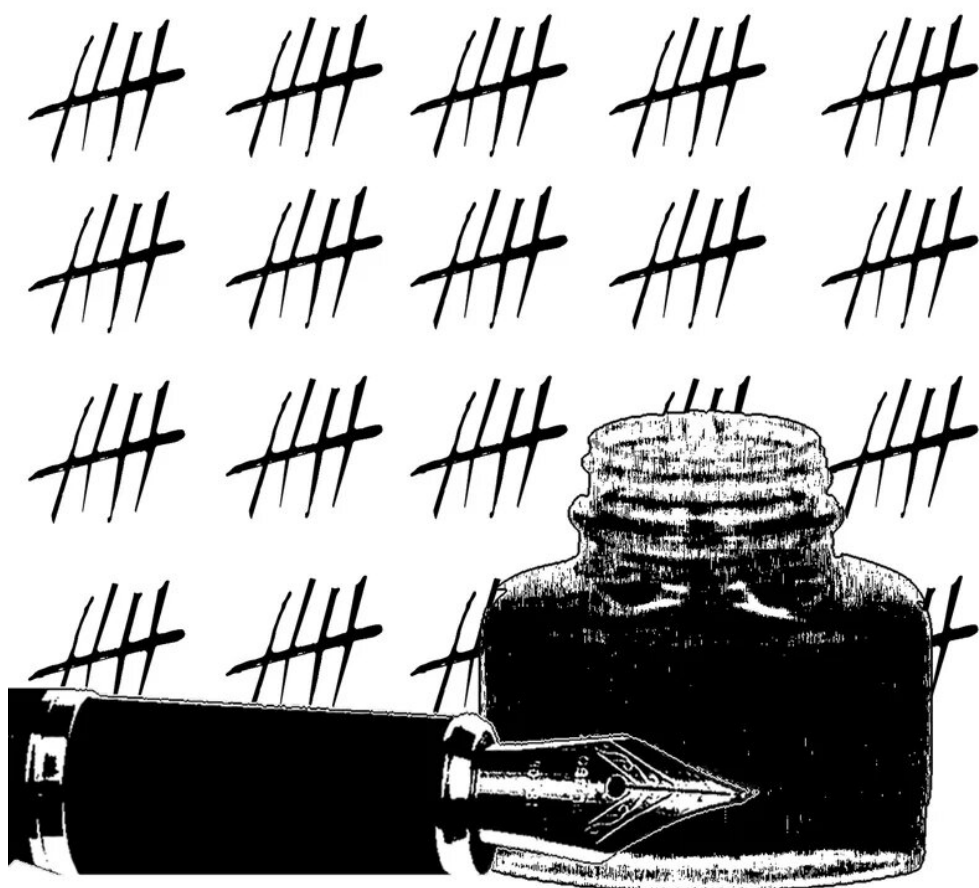
Кирилл перечитал еще раз. Потом заметался, не зная, куда деть эту чертову записку. Съесть? Сжечь? Закопать на будущее? Блин, какое будущее? Съем, подумал Кирилл. Прочитал еще раз и долго жевал. Жевал, жевал, жевал. Потом стоял под душем, потом мыл руки.

Потом... А потом Кирилл разделся и лег спать.
Было чудесное утро, и легкий утренний сон наградил
его за все мучения этой ночи.

Спи, Кирилл. Спи, родной.

ТОВАРИЩИ ПО БОРЬБЕ

Столбов сидел и смотрел. За стеклом адвокат, и прокурор, и судья. Дело его рассматривалось в закрытом режиме. И в ускоренном. Так было надо. Он был виноват. Не отличил своей правды от правоты момента, истины от истинности. Не разобрался, проглядел. И вот теперь он здесь.

Суд. Его судят. И по нему судят. Вот так. На допросах ему всё объяснили, и он со всем согласился. Ему нечего отстаивать, он просто фиксирует время.

Вложение. Стр. 13

Оно всегда так — борются вместе, а табачок врозь. Сначала все-все вместе, а потом постепенно — все врозь-врозь-врозь. А потом встречи с прошлым. Дни рождения или годовщины контор. На этом есть стоит система. А система вечна, почти как музыка. И также непреходяща. Всегда одно и то же. Нот ведь семь. Или нет?

Столбов был, есть и будет командным игроком. Он не умел по-другому. Дружба, друзья — это всё-всё для него. Есть и будет.

Их издательство существовало лет двадцать, наверное, и все эти годы Столбов работал тут. Он не был владельцем, но пришел одним из первых и теперь считал себя... ну кем он считал себя? Обязанным, что ли, быть главным, не в смысле начальником, а авторитетом.

Столбов был редактором. Ну таким — как от бога. Филфак и всё такое. Читал много с детства. Потом писал много. Графоманил, как он сам говорил. А потом — вот тут.

Книга

Много лет он писал роман. Большой. Он называл это свое детище просто книгой. Она лилась из простых ежедневных наблюдений. В ней был герой, который просто жил и смотрел на мир, и говорил с ним, и вел дневник. Всё просто и избито.

Столбов не увиливал и не создавал параллельную реальность в своей книге, наоборот, он был честен и даже правдив. Все теперешние времена были уже описаны и давались ему с трудом. Он любил Родину и не знал, как соединить разъезжающиеся ноги правды и истины. Правда была с Родиной, а истина — совсем нет. Столбов понимал это и мучился.

Он никогда и никому не давал читать свою книгу. Это тяготило его, ибо у писателя должны быть читатели — иначе как?

Шемякин

В отличие от Столбова, Шемякин писательством не баловался. Он был бухгалтером. Ему были чужды все эти творческие причуды. Он любил считать и делать выводы. Дружил с теми, кто приносил доходы.

Нравились ему большие тиражи и скрупулезные характеры их обладателей.

Столбова он не понимал. Сидит человек двадцать лет младшим редактором. Без полета, без фантазии. Наверное, пишет. Были такие, кто становились редакторами от нереализованных желаний писательства, а главное — от боязни опозориться. Вот и читали чужие рукописи, по ночам ненавидя себя. Но в основном — их, графоманов и беллетристов. А теперь еще эти сраные речевые модели появились. Вообще труба. Их даже ненавидеть нельзя. Или можно?

Шемякин жалел всех нереализованных, но не понимал. У него тоже были нереализованные желания. Одно из них звали Милой. Новая редакторша из отдела фэнтези. Редкая красавица и, соответственно, сука редкостная. Она была племянницей владельца, инстаграмщицей и вообще. Он хотел ее. И боялся. Ну как Столбов свою книгу.

Мила

Милая, глубокая и роковая. Столбов проникся к ней доверием случайно, поговорив с ней в лифте. Она улыбнулась, и он поверил.

Обычно мужчины в таких случаях надеются продемонстрировать, что у них в штанах, Столбову захотелось показать ей книгу.

Она его не заметила. Родители заставили ее пойти работать, и она пошла работать к дяде. Большое издательство. Гламур и всё такое. Она мало понимала себя, но желала всего, чего желают красивые девушки ее возраста. Всего, сразу и навсегда.

Когда маленький смурной человек, смутно знакомый, принес ей рукопись, постучав утром в ее кабинет, она не знала, что сказать.

Он положил папку на край стола, повернулся и ушел.

Рукопись. Рукописная. Она развязала тесемки. Бумага — и на ней ровные строчки букв. Чернильные. На бумаге.

Чума, подумала она. Это же надо — рукопись.

Она была в восторге. Она вспомнила, что он сказал перед этим: «Я писал это двадцать лет, не могли бы вы посмотреть и определить годность этого к печати». И вышел.

Рукописей ей еще не дарили. Но и он не дарил. Но она поняла. И прочитала.

Издатель

Дядя Милы был мужик хоть куда. Удачливый, здоровый и встроенный в текущие форматы бытия. Защищенный. Делал тиражи того, чего надо, и тогда, когда надо. Дружил с кем надо. Делился куда надо. Круглый, не зацепишь. К тому же веселый и обаятельный. Душа-человек.

Мила пришла к нему утром и сказала, что нашла настоящий шедевр и что надо его обязательно издавать. Дядя рассмеялся, он много раз слышал эти слова.

— Кто автор?

Она ответила:

— Никто.

Он сощурился:

— Так не бывает.

Мила не поддалась:

— Это сейчас не главное. Текст я уже отредактировала.

— Когда ты всё успеваешь? — дядя был в хорошем расположении духа. — Оставь, я посмотрю.

— Ты же не любишь читать рукописи, — сказала Мила.

— Я и не собираюсь, — хохотнул дядя. — Пошлю кое-кому. Политика есть?

— Это роман, — сказала Мила.
— Я тебя спрашиваю: политика есть?
— Ну это роман, — повторила Мила.
— Ты совсем не понимаешь обстановку, мало бываешь в стране.

— Да какая разница, это роман, — опять повторила Мила. — Вы тут всех уже перетрахали. Теперь боитесь романа?

Настроение дяди ей сломать не удалось. Эти сангвиники непробиваемы.

Она ушла. А он остался. На экране висело сообщение от Милы. И вложение. Это самое вложение.

Вложение. Стр. 328

Утром в понедельник было совещание по графикам сдачи материалов в печать. Руководитель отдела Скрипников сообщил нам, что те, кто найдет, что можно издать патриотического и непозорного, получит премию. Книги нужны на ежегодную новую выставку, задуманную как демонстрация творческой силы традиционных ценностей.

Редакторы молчали. Тогда Скрипников стал говорить, что надо подвигать авторов вставлять в их произведения больше крепного. И еще предупредил насчет нетрадиционного.

Один редактор, Мельниченко, спросил:

— А нам теперь не важно продавать книги, нам важно, что в них написано?

Скрипников на это сказал, чтобы не умничали, а занимались своим делом.

— Так мы и пытаемся, — сказал Мельниченко. — Но если тиражи неважны и возвраты неважны — тогда, конечно. Тогда чистое творчество.

Все засмеялись. Ребята любили Мельниченко, а Скрипникова не любили.

Все это страшно нравилось Миле.

Этот канцелярский язык. Это внимание к мелочам. Всё-всё-всё. Не было лучше этой книги про это время. И не будет. Только сухой отчет может показать ужас и стыд. Это тебе не булгаковщина, подумала она. Хотя намазаться кремом и улететь в тартарары ей очень хотелось. Но это уход, а тут двадцать лет рутины, демонстрирующей ежедневный ад. Не в конце ад, а по ежедневной дороге. И не внизу, а прямо тут. Вот в этом самом доме. Она находилась в непрерывном восторге.

Вложение висело на компьютере дяди. Но дядя не читал рукописей. Он отправил ее читать другим. Пусть другие мучаются. Тут надо, наконец, сказать, что дядя Милы не любил читать. Он любил превращать буквы в деньги. Как? Он и сам не знал.

Шемякин

Бухгалтер не думал сдаваться. Он думал мстить. Она изводила его, не зная этого. Он придумал ее, населил качествами, главным из которых была нелюбовь к нему. А такое он не собирался прощать.

Ему пришла повестка. На допрос. Такое с ним случалось часто. Нередко, скорее. Не первый раз. Но уровень был высокий. Не районный.

В кабинете его принял молодой следователь. Показал рукопись. Шемякин пожал плечами.

Была жара. Июль. Работал кондиционер, а они потели. Следователь был щеголеватый. Костюм недешевый. Шемякин разбирался.

— Политика? — спросил Шемякин и замолчал.

Потом следователь спросил про Милу. Шемякин удивился, следователь объяснил, что она числится редактором этой рукописи. Шемякин правда не знал ничего. Следователь не поверил. Но отпустил. Сказал, что вызовет еще.

У Шемякина забрезжил шанс. Он отомстит. Вот оно. Она вляпалась, и он отомстит. Шемякин пошел пружинящей походкой и обнаружил, что насвистывает какую-то мелодию. Остановился. Успокоился. И пошел уже обычной походкой.

Мила

Мила зашла в комнату, где сидел Столбов, и попросила его пройти с ней. Остальные смотрели им вслед. Даже не обсуждали, когда они вышли. В коридоре у окна Мила сказала, что рукопись ей очень понравилась, она хотела бы быть ее выпускающим редактором, если он не против.

Столбов испугался.

— Думаете, это можно издать?

— Нужно, — твердо сказала Мила. — Там нет ничего антисоветского. Только правда.

— Вы уверены? — спросил Столбов.

— Абсолютно, — ответила Мила.

— Я вам верю, — упавшим голосом сказал Столбов.

— Выше нос, курносый! — засмеялась Мила и поцеловала его в щеку. Для этого ей пришлось наклониться.

Она пошла прочь. Он смотрел ей вслед. Секса нет, подумал он.

Шемякин не успел отомстить. За него это сделало время. В издательстве прошли обыски. Столбова арестовали.

Милу следователь спросил: как она это всё?

Она ответила, что вот так вот это всё.

Тогда он сказал, что это антисоветчина и она враг.

Она сказала, что просто она молодая и глупая, а Столбов ее околдовал и вовлек.

Следователь положил перед ней протокол. Она подписала.

Расписалась также под предупреждением не выезжать из города.

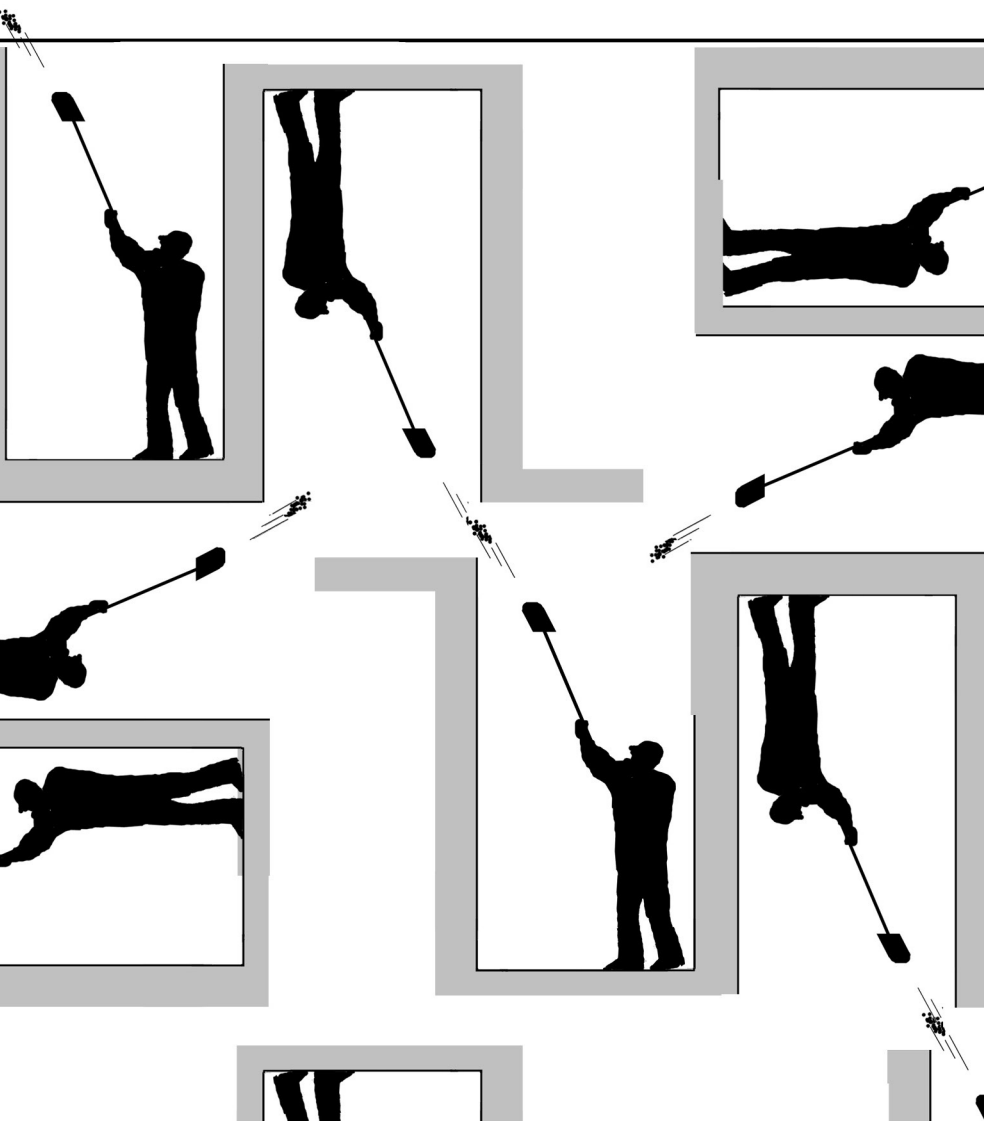
Шемякин на втором допросе опять потел вместе со следователем всё в том же кабинете. Не рассказал ничего нового и пожимал плечами в ответ на вопросы. Он был удовлетворен. Столбова жалел и радовался, что избавился от Милы.

Мила после допроса смогла уехать в Монако. Дядя постарался.

Столбов? Ну а что Столбов. Просто дописал роман. Летопись.

СВОБОДА

«Природа показывает, что с ростом интеллекта возрастает способность к боли, и только с самой высокой степенью интеллекта страдание достигает своей высшей точки».

Артур Шопенгауэр

Он преподавал философию, но философом себя не считал. Он считал себя личностью, и этого ему казалось достаточным. Сейчас эта личность, Пётр Фёдорович Красин, была под неким, как теперь любят говорить, экзистенциальным давлением. Он был больным в терминальной стадии. Он думал о красивом уходе, который не уронит его чести и достоинства.

На самом деле он все придумал, вопрос был в исполнении. Для этой цели он отряхнул пыль прожитых лет и позвонил школьному товарищу, который,

как он знал, имел отношения со всякого рода подонками. А это Петру Фёдоровичу было сейчас и нужно.

Олег

Олег звонку не удивился — его, похоже, мало что могло удивить — и заорал в трубку: «Петька, ты? Сколько же времени прошло! Ты в натуре пропал с концами. Увидеться? Готов. Когда? Давай завтра. В шесть. В «Астре». Помнишь? Ну ок. Пока».

Вот так они поговорили, и на следующий день сидели за столиком этой самой «Астры». Теперь называемой «Бургер Кингом».

Олег был по-прежнему поджарым, но постаревшим. Лысым. Ну, в общем, в своем возрасте.

— Петя, ты плохо выглядишь, — сказал Олег, когда восторг встречи растерял первоначальную мощь.

— Пожалуй, — согласился Пётр, — для этого я тебя и побеспокоил.

— Что случилось?

— Болезнь.

— Чем могу помочь?

— Помоги уйти.

— О как. Рассказывай.

Пётр Фёдорович рассказал про болезнь подробно, про жизнь — не очень подробно, и вполне односложно — про выбор свой.

— Ну ты как всегда, — сказал Олег. — Так, а что я могу?

— Пусть меня убьют при ограблении. Ну, там, оказал сопротивление или со страху. Как тебе нравится. Я заплачу. Поможешь?

— Подумаю.

— Долго?

— До завтра.

— Тогда давай поедим и выпьем.

Они посидели и выпили, и повспоминали.

Было уютно. Кругом шум-гам, и это добавляло теплоты. Алкоголь смазал все петли и срезал все углы. Они дружили в полную мощь.

Потом они долго еще стояли на улице. Потом вызвали такси Петру Фёдоровичу, когда он отказался от предложения Олега подвести.

А почему отказался? Он не любил роскоши. «Бентли» Олега для него была роскошь, а для Олега — нежелание светиться на дорогих машинах. Вот такие они теперь были разные. Не то что раньше.

Старшие товарищи

Пётр Фёдорович друга детства не видел давно, хотя если бы и каждый день видел, вряд ли бы знал, что Олег был, как бы это сказать, внештатным помощником органов. Он шел извилистой дорогой своей жизни и теперь должен был посоветоваться насчет просьбы старого друга со старшими товарищами.

Товарищи объяснили Олегу после паузы в несколько дней, что дело хорошее помогать другу, и они все сделают.

Он должен встретиться и сказать «да». И чтобы друг жил дальше обычной жизнью, судьба его найдет. Пусть больше на этот счет не беспокоится.

После этого забеспокоился Олег. Как-то все это выглядело мутно. Такое ощущение, что Петю хотят в чем-то использовать. Он не понимал, в чем, но зная товарищей своих, понимал, что вряд ли в чем-то хорошем. Выходило так, что Олег оказывал другу медвежью услугу. То есть ровно то, чего и хотел избежать Пётр, доверяясь ему. «Вот же жопа какая», — подумал он опять. Много мыслей слишком — не к добру.

Товарищи Олега имели совершенно простые и понятные намерения. Один из них был близко знаком с руководителем страховой компании. И не просто знаком, а являлся партнером и крышей.

Появившийся на горизонте наш герой придал этому содружеству новый импульс. Они составили договор страхования жизни на несусветную сумму, осталось его только подписать, вернее, получить все данные клиента. Это не было проблемой. Они их быстро нашли. И дело Петра Фёдоровича заиграло совсем другими красками.

Завещание

Олег написал Пете: «Завещание есть?»

Тот ответил: «Нет».

«Я за тобой сейчас заеду. Ты где?»

«На кафедре».

«А где у нас кафедра?»

Пётр Фёдорович объяснил.

«Выходи через полчаса».

Олег подъехал к универу. Пётр Фёдорович стоял в условленном месте.

— Садись.

— Куда ты меня тащишь?

— К нотариусу.

— Зачем? Я не хочу писать завещание.

— А я хочу, такие правила, — соврал Олег.

— Серьезно?

— Да.

— Ну ладно, тогда конечно.

— Кому будешь завещать?

— Что?

— Всё.

— Не знаю.

— Подумай.

— Тебе? — спросил Пётр Фёдорович. — Зачем всё это?

— А затем, Петенька, чтобы ты был спокоен, что я все исполню правильно. Потому что, если я испол-

ню неправильно, решат, что я тебя убил из корыстных побуждений. И посадят.

— Понятно, — вздохнул Пётр Фёдорович. — Я просто хотел оставить всё Марине, но у меня все равно ничего нет, так что всё правильно ты придумал.

— Что за Марина?

— Аспирантка у меня на кафедре.

— А, — засмеялся Олег.

— Да нет, ничего такого.

— Конечно-конечно.

— Я ее даже не люблю.

— Я так и понял.

Завещание составили таким образом, что все нынешнее имущество во всех формах и будущее во всех формах после смерти философа Красина будет принадлежать Олегу.

Потом они сидели на кухне у Пети, как опять стал называть его Олег, и еще долго мусолили случаи их совместного детства.

Кухня была маленькая, поэтому быстро сделалась уютной для двоих. Они пили водку и ели пельмени, хозяин кухни этой лепил их сам, у него всегда в морозилке был запас. За водкой пришлось сбегать еще, а потом еще. Нашлись старые пластинки.

Устали нескоро, и сидя в гостиной на диване в хмельном бреду, Олег понял, что Петя — близкий, и его ему не хватало все эти годы.

Завтра пройдет, взял себя в руки Олег и сказал Пете:

— А чай? Мы же не попили чаю.

Опять начали суетиться, и опять было тепло.

«Надо же, — думал Пётр Фёдорович, — а жизнь иногда бывает и приятной вполне». Не раскисай, старик, звучал в голове внутренний голос. Еще не вечер. Хотя был как раз вечер.

Олег ушел. Петя остался.

Покушение

Утром Олег прочитал в соцсетях, что то ли неудачная попытка суицида стряслась с Петром Фёдоровичем Красиным, преподавателем университета, то ли покушение на жизнь. Писали, что он в больнице.

Соседи слышали шум и вызвали кого надо, и те приехали и застали хозяина квартиры в ванной, истекающим кровью. Вот как-то так.

Описывались версии. Разные. Олег почувствовал, что случилось что-то очень плохое. И не потому что Петя мог умереть, а потому что не умер. Он не понимал, почему так. Он вчера жалел, что они возобновили отношения при таких обстоятельствах, а теперь — бах, и вот они где.

Через пару часов Олега уже опрашивал дознаватель. В больнице. Он попался на выходе от Пети, которого не мог не навестить. Наверное, по охватившей его странной связи с ним. Или по наивности, которую он от него вдруг подцепил накануне. Наивности жизни.

- Откуда знакомы?
- С детства.
- Когда виделись последний раз?
- Вчера.
- Заметили что-то? Ждал ваш друг чего-то?
- Не заметил, не знаю.

Олег соображал быстро, и все его соображения ему не нравились. А если всплывет завещание? Тогда труба. И зачем он такое придумал. Бред.

— Зайдете завтра, запишу ваши показания, — дознаватель дал Олегу визитку. — В одиннадцать.

— Да, конечно. Буду.

Подозрения

Открылась феерическая картина для реализации получения звезд и премий. Шкурняки были временно забыты, и работа закипела.

Оперативники каким-то образом получили жирный кусок — договор страхования жизни Петра Фёдоровича Красина, заключенный буквально накануне. Они чувствовали скорое и резонансное раскрытие.

— Вы уж постарайтесь, — сказали им. — Не упустите.

— Не упустим, — молча кивали они и рвали бумагу из рук.

Олега вызвали на беседу старшие товарищи. Говорили с ним двое, хотя раньше все встречи были один на один. Сидели на лавочке под липами, и было в этом что-то меланхолическое, но ущербное.

Худой и Лысый, так их называл для себя Олег, говорить не спешили и молча разглядывали Олега.

— Кто это сделал? — решил начать Лысый.

— Точно не я, — ответил Олег.

— Уверен?

— Да.

— А мы вот — нет.

— Мы встречались накануне, как вы и просили. Все обговорили. Ну в смысле, что его просьба будет выполнена. Я ему так и сказал.

— А что еще?

— Пили. Поехали к нему. Опять пили. Всё. Потом я уехал.

— А кто такая Марина?

— Я не знаю.

— А про завещание он тебе говорил?

— Нет.

Внутри у Олега все замерзло. «Завещание и Марина. Это не случайные выстрелы, это прицельная стрельба. Откуда они знают?» — носилось у него в голове.

— Я пойду?

— Из города не уезжай.

— Конечно.

Оставшись одни, Лысый и Худой обменялись восторженным недоумением по поводу поведения Олега.

- Во дает парень!
- Пусть пока побегает.
- Это-то да, но каков, а?
- Хорошие нервы, согласен.

Следователь

В одиннадцать, ровно в одиннадцать Олег стоял у двери кабинета 28 в здании Следственного управления. Помещение было унылым, как и все подобные учреждения. «Не только все семьи несчастные похожи, а и управления нами тоже похожи»,— думал Олег, вспоминая Толстого. Олег читал Толстого, что тут удивительного. Олег даже понимал про рефлексию и усиленно ею сейчас занимался.

Он постучал. Услышал шорох и открыл дверь.

— Разрешите?

— Проходите, — следователь был маленьким, субтильным и молодым. Горящие глаза выдавали желание. А вот чего хотел следователь, Олег не знал. Наверное, чистосердечного признания, как все они.

— Садитесь.

Олег сел.

Дальше следователь заполнил шапку протокола установочными данными. С ФИО, датой рождения и прочими подробностями, опознающими Олега.

Примерно через полчаса следователь перешел к сути.

— О чем говорили на последней встрече?

— Вспоминали прошлое.

— Упомянул ли потерпевший про страховой договор?

— Нет.

— Вы хорошо подумали?

— Да.

— А о завещании?

Олег чуть не задохнулся.

- Нет, — сказал он на автопилоте.
- Подпишите здесь, — следователь подвинул ему вынутый из принтера протокол.
- Олег вышел из оцепенения и подписал, не глядя.
- Вы свободны.
- Олег кивнул и вышел.

Марина

Аспирантка. Умная. Красивая. Родители алкоголики. Потом детдом. Побой, разврат. Вырвалась. Вспоминать не хочет.

Наверное, все это полезно философу. Ведь философом, как любил говорить Красин, нельзя назначить, философа можно только прожить.

Она многое уже прожила. Петра Фёдоровича уважала, держала за руку, не более того, но и не менее. Они встречались там, на облаках прений и дискуссий, почти всегда безмолвных, но всегда понятных им. Им понятных. Круто, да?

Следователь спрашивал, а она отвечала.

- Общались вне университета?
- Да.
- Как?
- В основном переписка, изредка бывали в кафе или у знакомых на даче.
- Говорил про завещание?
- Говорил. Говорил, что скопил деньги, уж не знаю с каких таких доходов, и хочет отдать их мне. На мое дальнейшее развитие. Верит в меня. Он жив, и это главное.
- Он болен. Врачи говорят, что если это была попытка суицида, то своевременная.
- Он не способен на суицид, это против правил.
- Каких?
- Его.
- Вы знали о диагнозе?

- Знала, конечно.
- Почему «конечно»?
- Мы общались на другом уровне, там нет таких мелочей, как жизнь и смерть. Погоня за структурой не терпит таких нюансов. Вернее, пренебрегает ими.
- Наводите тень на плетень. Толкали его на самоубийство?
- Вы что — не слушали меня? Нет, конечно.
- Подпишите здесь.
- Она подписала.
- Вы свободны.
- Она ушла.

Красин

Больница. Палата. Капельницы. Судна. Катетеры. Мочеприемники. Проза прозаической жизни умирающего или воскресшего. Следовательно пришел к Петру Фёдоровичу. Задавал вопросы.

- Вы пытались себя убить?
- Нет.
- Почему вы оказались в ванне с порезами?
- Не знаю.
- Вас кто-то подталкивал?
- Нет.
- Вы были один?
- Да.
- Чудеса?
- Возможны.
- Вы написали завещание?
- Нет.
- Ваша жизнь была застрахована?
- Нет.
- Это ваша подпись?
- Похожа. А что это?
- Это договор о страховании жизни.
- Первый раз вижу.

— Вас обследовала страховая компания?
— Нет.
— Они же не могли заключить с вами подобный договор при вашем диагнозе.
— Вот именно, — Красин вздохнул. — Подумайте сами, это же нереально.
— Но договор — вот он.
— Вам видней.
— Мы не договорили.
Но Красин его уже не слышал, он воспользовался правом больного и потерял сознание.

Олег

Позвонил старшим товарищам. Из разговора понял, что все для него складывается плохо. По междометиям и паузам было хорошо слышно дыхание приближающегося пиздеца.

После разговора он тупо сидел и смотрел в стену. По стене полз таракан (на самом деле — нет), и он казался Олегу похожим на него самого. Вдруг обнаружить себя вот так без цели, без помощи, без, без, без.

«Что делать-то? — думал он. — Петя умрет, а он, Олег, сядет в тюрьму за мошенничество как минимум. А как максимум — лучше не думать». Это была его любимая присказка. Из фильма какого-то прилипла. И вот.

Итак. Завещание — минус.

Он не сказал кураторам про диагноз — плюс.

Он не знает, сам Красин себе вены резал или нет. Минус.

Не совсем ясно, что знает следователь про завещание. Почти плюс.

Все не так плохо, взбодрился Олег. Оторвался от стены и пошел на кухню. Открыл холодильник. Достал сыр, колбасу, хлеб, масло и сделал бутерброды. Сварил кофе. Жизнь, несомненно, налаживалась.

Эх, Петька. Несуразный философ. Но он, Олег, тоже хорош. С таким опытом и в таком месте оказался.

Нотариус

Бывалый человек. Много лет работал помощником нотариуса и не так давно выкупил место. На деньги Олега. Счастливый случай. Его нотариус решила уйти на покой. Ну и тут все сошлось. Все довольны.

— Серёжа, ты один? — звонил Олег.

— Один.

— Я заеду через полчаса

— Жду.

Олег знал Сергея очень давно, еще с тех пор, как он был студентом юрфака. Тщедушным и простым. Впрочем, таким он и остался. Люди не меняются. Вернее, они меняются лишь в нашем воображении, а так-то — нет.

— Никто не интересовался?

— Чем?

— Ну, делом, которое было на днях. Завещанием.

— Нет.

— Хорошо, — сказал Олег. И подумал, что у следователя чуть не дал слабину, когда тот стрелял наугад.

— Можешь уничтожить его?

— Если только очень надо.

— Очень.

— Тогда скости мне долг.

— Договорились.

— Тогда считай, что ничего не было.

Сергей не удивился просьбе. Он всегда читал новости с утра, и внимательно. Мелкие криминальные новости. Иногда это очень помогало в работе.

Нотариус набрал номер.

— Да.

— Он приходил.

— А ты?

- Все забыл.
 - Молодец.
- Абонент отсоединился.

Кураторы

Совещание. Лысый и Худой докладывают начальству.

— В общем, там так складывается, — говорит Лысый. — Некто Олег решил в составе группы, в которую вовлек аспирантку Красина и нотариуса лицензия номер 138 Иванова, убить профессора и завладеть его имуществом. Для чего Красина заставили подписать договор страхования жизни и завещание. По завещанию все досталось бы Олегу. Сейчас мы проверяем банки на предмет получения кредитов. Как нам известно, аспирантка Марина манипулировала потерпевшим, впрочем, как и Олег, других участников выявляем. Следовательно работает грамотно. Мы помогаем.

Начальник пожевал губами, внимательно посмотрел на обоих и сказал:

- Работайте.

Красин

Ему снился сон. Что-то очень механическое. Спутанное. Кто-то доказывал ему, что рой не лучше алгоритма. Он спорил и говорил, что рой человечнее. Собеседник хихикал и говорил, что Петя идиот, но полезный.

— Ты, — говорил собеседник, — оправдываешь систему, а значит, принимаешь ее.

— Нет, — отвечал ему Красин, — я лишь говорю о том, что в рое ошибка допустима, не наказуема, она как бы иллюзия — как взмах крыльев, случайность. А в алгоритме такое невозможно. В алгоритме ошиб-

ка невозможна, эта флуктуация стирается вместе с ее (ошибки) носителем. Раз –и всё.

Собеседник продолжал хихикать. А потом сказал:

— Вот эти самые размышления твои и извели тебя раньше срока. Примитив. Ты, Красин, лапидарный мудак, а не философ.

Да-да-да, понял Красин, это свобода, она такая вся блестящая, говорящая правду и называющая говно говном. Свобода выбора.

Марина

В университете ее считали сухой, но, конечно, это были сплетни завистниц. Сама она считала свои отношения с людьми частью исследования выбора, которым она занималась на кафедре Красина. Философия выбора была темой ее диссертации. Набором эмоций было все это для драйва движения по отвесной стене абстракций, как когда-то говорил ей преподаватель логики.

Он говорил с ней сухо и непреложно:

— Это надо сделать теперь.

— Но почему? Ему осталось жить пару месяцев, может, полгода.

— Это делает ситуацию бесконтрольной. А у меня приказ — снять затруднение. Сейчас. Поняла?

— Да. Поняла.

Он — это ее куратор. У всех ведь в жизни есть кураторы, иначе это и не жизнь вовсе, а свобода. А на свободе как? Да никак. Вот так и у нее было. Выбиралась из жопы — и прямо в другую. Суета сует, скажут счастливики. Проза жизни, поддакнут остальные.

Красин выжил. Ее куратор был в бешенстве. Она в ужасе.

— Доделай, — сказал куратор.

Следователь

Следственная группа в лице оперативников нарыла интересное. Вечером события к Красину приходила его аспирантка. Это установили, посмотрев камеры в подъезде. Она отвернулась, но не помогло. Следователь вызвал Марину на допрос, и она призналась ему.

— Ну вы же понимаете. Мы не афишировали наши отношения.

Она включила женское.

Но следователь механически следовал процессу.

— Подпишите здесь.

Подписала.

— Свободны.

Еще следственная группа обсуждала происхождение договора страхования. Оперативники в конце концов после пересказа нескольких неправдоподобных историй, с ходу отвергнутых следователем, кивнули на «соседей». Это следователь принял и позвонил.

Он разговаривал с тем, кого Олег называл Лысым. Тот пояснил следователю, что документ получен оперативным путем, а остальное не его, следователя, дело. И отключился.

Следователь приказал операм пройти еще раз по всем контактам Красина. Ему была нужна «волна». Что-то в деле этом простом было не просто. Это напрягало следователя. Торчали уши, и кто будет это разбирать? Он пошел к начальству. Начальство высказало неудовольствие, что он так долго возится с таким простым делом. Он назвал начальству пару фактов по делу и свои подозрения о возможных вовлеченных. Начальство сказала: «Занимайтесь».

И он пошел заниматься.

Старшие товарищи

— Следователь требует источник происхождения договора.

— Будем отдавать Олега. А что нам остается?

— Согласовывать будем?

— Нет.

Это Худой с Лысым.

Потом они вызвали Олега на встречу. Но он не пришел.

— Так, — сказал Лысый, когда они прождали полчаса. — Что-то у нас пошло не так. Сдадим его без него тогда. Пусть в розыск объявляют.

— Согласен, — кивнул Худой.

Они позвонили следователю и отправили ему установочные данные на Олега. А потом встретились еще с одним человеком. И приказали ему найти Олега. Живого или мертвого.

Олег

Привычно, как всегда в ситуациях непонятных, спрятался от всех. У него было много мест. Но тут важно было не попасть в смежные сети. А для этого — что? Надо выбирать незахвачанные сюжеты, и он так и сделал. Лежал на диване в квартире, где никогда не был и никак не был связан с ней прежде. Так бывает. Случайный выбор. Иногда он самый удачный.

Это не решало его главного вопроса. Почему все так сложно с этим простым делом? Кто так давит на процесс? Он не знал ответа. Значит, надо выпасть, и всё.

Марина

Не любила больницы. Тоска. С трудом упросила ночную сестру пустить ее к Красину. Деньги помогли. Они часто помогают. Смазка.

Он спал. Она сидела рядом. Одноместная палата. Очень удобно. Пошла к дежурному врачу. Там выпивали. Она спросила:

— Как дела у Красина?

Дежурный точно ничего не знал, но слышал, что завтра будет консилиум, что конфликт медикаментов и что-то еще.

— Я не обязан знать.

— Спасибо.

Она посидела еще в палате, а потом ушла.

Может, он умрет ночью, решила она.

Финал

Прошло еще несколько бестолковых для этого сюжета дней и недель.

А потом события некие случились. К примеру, обнаружили Олега, объявленного в розыск. Он оказался неопознанным трупом в морге маленькой больницы в пригороде.

Оперативники нашли (каким-то чудом) нотариуса, который показал, что Красин составлял у него завещание в присутствии Олега.

Красина перевели в хоспис для паллиативного лечения. Умирал он медленнее, чем ожидалось. Марина убедила куратора, что он умрет сам и что не надо привлекать к нему опять внимание, а уж она за ним проследит, обещает и гарантирует. В общем, отмолила.

Худой и Лысый получили пизды от начальства.

Следователь закрыл дело в связи со смертью подозреваемого.

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ

Российской Федерации

ВЫПИСКА

из материалов уголовного дела

№ 47/19-К

Основание:

постановление о возбуждении уголовного дела
от 14.11.20__ г.

Фигуранты дела:

К-н П. Ф., ____ г.р. (потерпевший)

О-в О. С., ____ г.р. (подозреваемый)

В ходе предварительного следствия по уголовному
делу, возбужденному по признакам преступления,
предусмотренного ст. 110 УК РФ,
установлено следующее.

1. Гражданин О-в О. С., действуя умышленно, в пе-
риод с «__» _____ 20__ г. по «__» _____ 20__
г., совершил действия, выразившиеся в психологи-
ческом воздействии

на гражданина К-на П. Ф., создав условия, направ-
ленные на формирование у последнего решения
о лишении себя жизни.

2. Причинно-следственная связь между действия-
ми О-ва О. С. и наступившими для К-на П. Ф. послед-
ствиями нашла свое подтверждение совокупностью
собранных доказательств.

3. Вина О-ва О. С. в совершении указанного пре-
ступления подтверждается материалами уголовного
дела и сомнений не вызывает.

4. Гражданин К-н П. Ф. с материалами уголовного
дела, а также с постановлением о признании О-ва
О. С. подозреваемым ознакомлен лично.

Замечаний и ходатайств не заявлено.

Вместе с тем установлено, что

гражданин О-в О. С. «__» _____ 20__ г.

скончался, что подтверждается свидетельством
о смерти серии ____ № ____.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное
дело подлежит прекращению в связи со смертью
подозреваемого.

На основании изложенного,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать, что в действиях О-ва О. С. имеются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

2. Уголовное дело № 47/19-К

прекратить в связи со смертью подозреваемого.

3. Меру процессуального принуждения не избирать.

4. Материалы уголовного дела
направить для хранения в архив следственного
отдела.

5. Вопрос о реабилитации не рассматривать.

Сведения дополнительного характера:

Оснований для продолжения производства по делу
в целях реабилитации умершего не установлено.

Ст. следователь
следственного отдела

Ну вот как-то так.

ΛΕΡΑ

Отец изводил ее своими требованиями. Он хотел то одного, то другого, то ничего не хотел. Не хотел ее видеть. Потом снова хотел.

Ему было 90. Он то хотел жить, то не хотел. Ему было плохо, иногда очень плохо. Она понимала. У нее была семья. Дети и муж. Муж работал индивидуально. Зарабатывал, как бы сказать, мало. Но как-то хватало.

Дети радовали своим детством и не радовали обилием времени, которого требовали и которого у нее не было. В целом все было хорошо. Было только одно «но». Но горе это было безграничным и равнялось всему остальному. Мать. Мама. Мамуля. Мамочка.

Глубокий Альцгеймер со всеми вытекающими. Начинался невидимыми провалами. Забирал постепенно. И забрал совсем.

Она вынуждена была отдать ее в специализированный приют. Где такие жили вместе и за ними, как ей хотелось верить, ухаживали хорошо. Хотелось — и она верила. Бывала у нее по мере возможности освобожденного времени.

Мама лежала крошечная. Маленькая, хрупкая былинка под листочком одеяла. Лера плакала. Мама смотрела мимо.

Ко всему привыкаешь, думала Лера. Вот и я привыкла. Боль стала болью, а не разрывом. Сейчас она уже позволяла жить.

На работе говорили о прокси-серверах и впн. Они нужны были для общения с коллегами и чтения узконаучных материалов, куда невозможно было прийти без впн. Суровые будни.

Она точно не знала, что такое впн, а уж тем более прокси, но старательно заходила по ссылкам, присланным коллегами и друзьями, чтобы заменить те, которые переставали работать. Дурдом. Так говорили все и про всё.

В тот день — четверг, кажется, — она получила сообщение на заблокированный мессенджер, работающий с помощью этих виртуальных и непонятных вещей. Корреспондент с неопределенного номера сообщал, что ее отец собирается совершить суицид и общается на эту тему с прохожими на улице. Она прочитала и в ужасе помчалась к нему.

Открыв дверь и залетев в квартиру, в которой он жил теперь один, обнаружила его мирно спящим у громко работающего телевизора. Он был почти слепой и почти глухой. В нежно-розовой рубашке он выглядел безмятежным. Казалось, его череп просвечивает через воск кожи. Хотя почему казалось — так это и было.

— Папа, папа! — закричала Лера.

Он молчал. Она выключила звук и затрясла его за плечо. Он открыл глаза. Улыбнулся.

— А, это ты, — сказал. — Чего прибежала?

— Ты был сегодня на улице?

— Нет.

— Точно?

— Конечно. Ты же знаешь, я не могу подняться по лестнице. Если я спущусь, то не поднимусь обратно.

— Я знаю.

— А чего спрашиваешь? — нотки раздражения слышались, она их боялась.

— Ладно. Мне приснилось сегодня. Я побежала. Завтра приду, как обычно.

— Хорошо, — он закрыл глаза. — Включи звук.

Она включила. Вышла. Закрыла дверь. Спускаясь по лестнице, думала: что это было? Споткнулась. Ударилась о перила. Что за черт происходит.

Лера была неглупой и образованной. Но не это главное. Главное было то, что она была уверена, что все идет как идет. Самоирония — да, рефлексия — нет. Рефлексия — это мать сожаления, а она не хотела этого. Это было больно. Она ее терпеть не могла.

Боль тупая. Она бесконечно раздражала. Игнорирование. Только так. Она потеряла ушибленное место, вышла. Хлопнула дверь подъезда. Она оглянулась. Странно. Дверь они, что ли, перекрасили. Какой-то незнакомой показалась ей дверь. Разве когда она заходила несколько минут назад, всё было так? Она не помнила. Вроде обычно. А теперь? А теперь необычно. Она пошла прочь. Она хотела успеть отвести старшего на музыку, а младшего на рисование. Могла успеть, и успела.

Ночью пришла мама. Смотрела мимо. Говорила, не открывая рта. Руками, которые казались невозможными кривыми, состоящими из кусков с огромными узлами суставов, теребила лист бумаги.

— Лера, я тут написала, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты знала: я всю жизнь прожила чужую. Девочка, которую звали, как теперь меня, умерла, и подменили документы. Я стала не я. А как бы другая. Мой настоящий отец... Ну, неважно. А важно то, что вся наша жизнь — это придуманный, случайный мир. Я смотрю на тебя, на то, как ты мучаешься, мыкаешься между нами, и думаю: как мы дошли до всего этого?

Лера смотрела не мать в ужасе узнавания. Она говорила. Она сознавала. Так не было уже десять лет.

— Мама, — вымолвила она, — я так рада, что ты пришла и что ты говоришь.

— Я всегда говорила и никуда не выходила, — обиделась мать. — Я живу, как всегда, в шкафу с бельем.

«Я сошла с ума, — подумала Лера. — Наверное, это хорошо».

— Мама, — спросила она, — а я где живу?

— Здесь, со мной. Я в шкафу, а ты под шкафом. Я и спустилась с тобой поговорить, ты же не заходишь по мне. Не знаю, почему.

— Может быть, все дело в впн, они слишком сложные для наших телесных дел. И вообще, зачем ты будишь меня среди ночи, мы можем поговорить и днем.

— Нет, — печально сказала мама, — днем я лежу в том учреждении, где нас презирают женщины неопределенного возраста, притворяющиеся врачами. Ты помнишь? Ты платишь им деньги. Я все знаю.

— Уходи! — заорала Лера. — Ты хочешь, чтобы я сдохла тут от страха и стыда. Ты говоришь без слов. Ты говоришь ужас. Уходи.

— Ладно-ладно, не ори, будь добрее. Не хочешь страдать? Не надо. Но ведь счастье — это краткий кусок перерыва в страданиях. Я лишь хочу дать тебе это счастье.

Лера лежала в поту до утра. Она не шевелилась. Она не знала, жива ли. Есть ли у нее тело. Душа есть, это она знала.

Утром пошел дождь. Дети капризничали. Муж издевался. Она звонила отцу. Никто не отвечал. Она звонила в учреждение матери. Там сказали очень вежливо, что ночь прошла обычно. Мама спала и утром поела с обычным аппетитом. Всё в порядке.

Она отвезла детей в школу. Сидела теперь на работе, просила, умоляла, и коллега поделился новым прокси. Что это такое, в очередной раз думала она. Но мессенджеры ожили и прислали сообщение: «Ваш отец...»

Она не стала дочитывать. Все неправда. Всего этого нет. Это прокси, она не знает, а он знает. Она подумала, что, наверное, надо все-таки держаться за впн. Или вообще. Что вообще, она не знала.

Лера сказала себе: ты не сожалеешь, и тем спасена. Теперь научишься не спать, и мать не будет приходить. Нет, я буду спать, если это способ разговаривать с матерью. И да, я зайду к ней как-нибудь в шкаф с бельем. Может, и отца приведу, и мы будем снова вместе.

«Как меня развезло-то», — очнулась Лера. Трекер отца прислал сигнал о движении. Он спускался по лестнице.

«Что скажешь теперь?» — написал неизвестный абонент.

— Ничего не скажу, — сказала она вслух и полетела к отцу.

Подходя к дому, она увидела его. Он шел в плаще на голое тело. На шее шарф. На голых ногах ботинки. На голове шляпа.

— Папа! — окликнула она.

— Лера, — сказал он, улыбаясь. — Мне не холодно.

— Почему?

— Потому что меня нет.

— А почему тебя нет? Мы же разговариваем.

— Ты у меня в голове. Я не вижу и не слышу тебя. Я знаю, что ты есть, и всё.

— Значит, ты жив?

— Нет. Это значит, что ты жива. Я в тебе живу. Ты выдумываешь меня.

— Странно.

— Ничего подобного. Ты помнишь веревки? Ты привязывала меня в детстве, чтобы я не ушел, пока ты спишь.

— Да.

— Ну так вот.

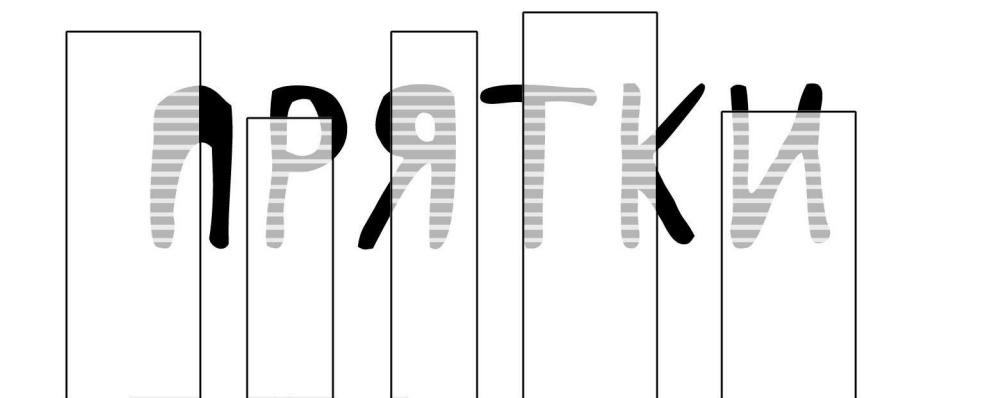
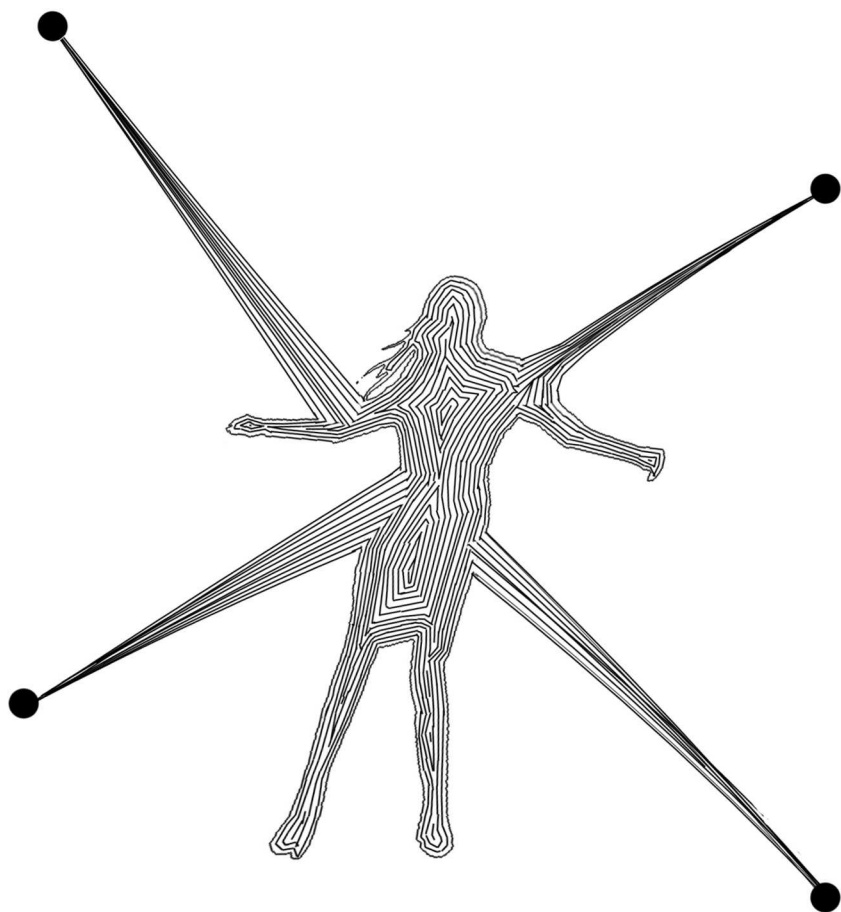
— Что «вот»?

— Ничего не изменилось. Твои веревки целы.

«Ну всё, я всё-таки сошла с ума, — думала Лера. — Они довели меня. Они довели меня!»

Она заорала. Стояла и орала. Она не знала, что орет. Рот был открыт. Звука она не слышала. Вокруг собирались люди. Они молчали. Они были в панике. Они не умели говорить.

Один

Красноперцев был мудак из мудаков, что позволяло ему красиво жить, никуда не спеша. Всё у него получалось естественно, ведь никто не хочет связываться с подобным, а связавшись, мечтает, чтобы об этом никто не узнал.

Жена Красноперцева была красавица, она и теперь ещё вполне ничего. Хороша! Хороша, чего там говорить. У них был дом в Юрмале, небольшой и уютный. Иногда по вечерам играли в прятки.

Игра зародилась давно, когда они были студентами, в ней было что-то от доминирования и секса. Ну там один прятался, другой находил, и так далее. В ритуал входил и маскарад, и остальное, до чего дотянется воображение. Необходимым условием было удивить искавшего, когда он найдет того, кто прятался.

В прошлую субботу тоже были эти самые прятки, закончившиеся не как обычно. Клара нашла мужа висящим, то есть повесившимся в спальне за порттьерами. находка чрезвычайно её поразила. Она пришла в крайнее возбуждение. Сама от себя не ожидала. Очнулась только утром и вызвала полицию.

Полиция провела все рутинные процедуры. С телом, с домом. Рассматривали версии, опросили Клару.

— Кто мог желать его смерти? — спросил дознаватель.

— Никто, — ответила Клара.

— А вы? — спросил дознаватель, глядя Кларе в глаза.

— И я, — спокойно ответила Клара.

Дело было в том, что прятки приводили Клару в состояние покоя, глубокого. За все эти годы механизм ни разу не подвел. И теперь тоже. В глубине её сознания всё было спокойно и пустынно.

— Удивительно, как вы... — дознаватель подбирал слова, — безучастны.

— Вы учились в советской школе? — спросила Клара.

— Да.

— Отличный русский у вас.

— Благодарю, но я не горжусь этим.

— Я и не настаиваю, — сказала Клара.

— Мы заберем тело на экспертизу. Вас вызовет на допрос следователь.

— Я думала, вы следователь, — сказала Клара.

— Нет, я — дознаватель: первичные сведения, вещественные доказательства, улики, — дознаватель дописал в блокноте и встал. — Не затрудняйтесь, я найду выход.

«Да и хрен с тобой», — подумала Клара, глядя полицейскому вслед.

Два

Прошел ещё день, полный слухов. Подруги приходили жалеть и предлагать помощь с похоронами, звонили знакомые из прошлых жизней.

— Мы слышали...

— Да, правда,— отвечала она.

Вежливо прощались после междометий и пауз.

На почту пришло несколько писем от знакомых Эдварда с предложениями обсудить возникшую после досадного случая — как они называли его смерть — ситуацию.

Она решила встретиться с одним из них — с Игорем. Он бывал у них, он ей нравился.

— В нейтральном месте,— сказала она.

— Разумеется,— согласился он.

Тем временем экспертизы показывали разные результаты, картина не билась, следовательно нервничал, но Клару не вызывал. Она знала то же, что и все, но на нее смотрели как на источник эксклюзива. Она решила этим воспользоваться.

Три

— Его убили,— сказала она на завтраке в санатории, где многие любили собираться по воскресеньям.

— Эдварда? — ошеломленно смотрели глаза, жаждущие подробностей.

— Он не мог сам, вы же его знаете,— сказала Клара.

— Он что — записки не оставил? — спросила ушлая Вера, высокая, морщинистая бегунья от инфаркта.

— Нет,— сказала Клара.

— А что оставил? — завсегдатаи санатория проявляли любопытство.

— Долги.

— Много?

— Много. Я вам, девочки, никогда не говорила, но теперь-то чего скрывать.

— Бедная,— прошептал кто-то.

Потом всплакнули. Закончив плакать, принялись за завтрак. Жизнь — она сама течет.

Четыре

Игорь пришел вовремя, а Клара опоздала. Бар в центре Риги был пуст, поэтому особенно приятен.

— Сочувствую, — сказал Игорь. — Помянем?

— С утра? — не удивилась она.

— Виски?

— Водку.

Он сделал заказ, молча выпили.

— Ну как у нас дела? — спросила она.

— Долги, — сказал он. — Еще по одной?

— Давай, — кивнула она.

Игорь вызывал у нее симпатию. Спокойный. Не напрягающий. Такой сразу приступает к делу, без прелюдий.

— Долги надо закрывать, — сказал Игорь. — Десять миллионов с тебя — это со скидкой 50 процентов.

— Какого чёрта! — возмутилась она.

— Какой слог, — улыбнулся он. — Долги у вас с Эдвардом общие.

— Я про долги знать не знала, — сказала она.

— Попытка увильнуть — не ахти, — отреагировал он. — Попробуй еще.

Клара смотрела на Игоря — одетого дорого, но без пафоса нарочитого потребления, загорелого, расслабленного — и не понимала пока, как она его обует.

— Мне нужно подумать, — сказала она.

— Хорошо. Завтра. Здесь. В это же время.

— Договорились.

— На ход ноги? — спросил он.

Она согласилась.

Пять

Вышла прибухнувшая. «С утра выпил — весь день свободен», — вспомнила она поговорку и нашла ее незаслуженно опошленной.

Раз так, Клара решила пойти к Светлане. Она всегда дома и всегда рада. Редкое сочетание высокомерия и гостеприимства. И да, у нее было неоспоримое достоинство, так нужное Кларе сейчас, — она знала расклады. Она не гадала, а просто знала.

В одном из дворов Риги Клара толкнула знакомую дверь. Позвонила. Впустили.

Они сидели на кухне. Где же еще сидеть по такому поводу. Доверительный разговор.

— Я не знаю, любила ли ты его... — начала Света.

— Да какая теперь разница, — огрызнулась Клара.

Светлана удивленно подняла бровь.

— Извини, — успокоилась Клара. — Я любила его, но он, похоже, не был честен со мной.

— Это всегда спорно, — загадочно сказала Света. — Ходят слухи — Эдварда убили.

— Да черт с ними, со слухами. Что твои говорят? — напирала Клара.

— Есть в этом деле кто-то, из-за кого все боятся открывать рот, — Света перешла на шепот. — Подруга, ты попала в сложное положение. Требования будут расти с каждым днем. Эдвард кого-то кинул, или его развели. Ищи деньги — в бумагах мужа и на счетах.

— Сколько надо найти? — спросила Клара.

— Спрошу, — сказала Света. — Вдовам надо помогать.

«Я — вдова», — первый раз подумала так о себе Клара. Она встала.

— Я побегу.

— А помянуть? — спросила Света.

Открыла холодильник, достала бутылку.

«А ведь еще только полдень», — подумала Клара.

Шесть

Алкоголь уже начал утомлять Клару, когда позвонил следователь и пригласил завтра утром прибыть к нему на допрос.

«Быстро они», — подумала Клара. Позвонила Игорю и перенесла встречу на послезавтра.

— Ты там, у следователя, поосторожней, — дал ненужный совет Игорь.

Семь

Следователь был похож на дознавателя. Такой же subtilный. Аккуратный и педантичный. Или педантичный и аккуратный. Ну есть такой тип — серые спокойные мышцы. Она сидела напротив него и смотрела в окно. Окно было за его спиной. Это было неправильно, но было как было.

— Нам придется ограничить ваши контакты, — сказал следователь.

— Я подозреваемая? — спросила Клара.

— Возможно.

— То есть пока нет. В чем подозрения?

— Ищете выход — значит чувствуете вину.

— На меня хотят свалить долги мужа.

— Поэтому контакты и надо ограничить, это оградит вас от посягательств. Пройдемся по фактам: когда вы обнаружили мужа, он был мертв?

— Я впала в ступор, потом потеряла счет времени, очнулась только утром.

— Экспертиза дает время смерти вашего мужа в диапазоне с десяти вечера до часу ночи. Вы обратились в полицию в шесть утра. Огромная серая зона.

Клара молчала.

— В доме были найдены вещества.

— Мы не употребляли.

— Это повод посадить вас.

— Мне угрожают.

— Кто? Чем?

— Неопознанные пока мной люди — долгами мужа.

— Поставим на прослушку телефоны.

— Неужели еще не поставили? — она усмехнулась.

— Не успели получить санкцию, у нас правовая страна.

Клара не отреагировала.

— Итак, — подытожил следователь, — я предупреждаю вас о нежелательности контактов и беру подписку. Если нарушите соглашение, изберем серьезную меру пресечения.

Она подписала два листка бумаги.

Восемь

Следователь вышел из кабинета вслед за ней. Его ждало начальство. Начальство желало знать, почему дело ещё не расследовано. «Помилуйте, — сказал следователь мысленно, — прошло всего два дня».

— Мы делаем все возможное, чтобы ускорить расследование, — сказал следователь, после того как его пригласили в кабинет.

— Версии? — спросил хозяин кабинета.

— Подозреваемых много: жена, кредиторы, партнеры. У всех были мотивы и возможности.

— Какой план?

— Использовать жену, то есть вдову, как приманку. Изучить банковские проводки.

— Неделя, — сказала начальство. — Это максимум. Простое дело. Мне кажется оно прозрачным.

Следователь шел к себе и думал о начальстве: почему оно интересовалось этим делом? «Этажей над могилой может быть много, — решил он. — Главное — не попасть под развалины».

«Прятки! — вдруг вспомнил следователь. — Клара говорила: они играли в прятки».

Девять

Эдвард Красноперцев родился в Москве. Родители его были из хороших семей госслужащих и партийных работников. Он рос целлулоидным цветком в огромной вазе исполненных и еще не исполненных желаний. Когда он познакомился с Кларой, они были студентами МГУ. Он был открытым долбоебом, она ненавидела людей. Отличная пара.

В сущности, их связывали только прятки, которые он придумал в те первые времена. Они были молоды и горячи. Потом лава остыла, но каркас держал.

Десять

«Как же ты, сука, подставил меня», — думала Клара, блуждая по улицам в поисках чего-то внутри себя. Фрейд бы объяснил, но Фрейда тут не было.

Сильно смущал её тот промежуток времени, когда она отключилась в пароксизме довольства от вида мужа. Нельзя было сказать, что она ничего не помнила, но и что помнила, тоже нельзя было сказать. «Какая-то херня кругом», — решила Клара и пошла в гостиницу. Домой совсем не хотелось.

Она любила гостиницы. Они заражали Клару ощущением движения. Придя в номер, она посмотрела в окно и решила, что просто пошлет Игоря. Без сложных комбинаций. Сошлется на следователя и подписку.

Она пошла в туалет, ее стошнило. Глядя в унитаз, она поняла, что ничего не ела сегодня.

Одиннадцать

Провинциальное по месту и даже по сути происшествие в рижском доме Клары и Эдварда отозва-

лось в других городах и весях. Например, в Москве. Там в одном из разведывательных сообществ были весьма встревожены.

Всё дело в том, что Красноперцев дружил с предполагаемым резидентом британской или не британской разведки. В связи с этим считался ценным активом, и его потеря смутила наблюдателей.

Начальство было недовольно и требовало прояснить обстоятельства. Подчиненные подчинились и пошли выяснять.

Двенадцать

Утром Клара встретила с Игорем. Игорь был бодрым, а Клара вялой. Она сказала, что теперь у неё связаны руки — подписка. Он настаивал на сроках, она пожимала плечами.

— Сука,— сказал он, когда закончил с другими словами.

— Ещё какая,— ответила Клара.

Он заплатил, она ушла.

Тринадцать

Днем позвонила Светлана:

— Приезжай.

Клара приехала. Света принесла просекко.

— Ну что, подруга, как развивается сюжет?

— Энергично,— сказала Клара. — Была на допросе, встречалась с вымогателем, чувствую шевеление вокруг.

— Отличное чутье, подруга. Тебе попадался когда-нибудь Том — такой розовощекий кролик из по сольства?

— Да, они что-то вроде делали с Эдвардом.

— Дружили. И даже больше.

- Что больше?
- Эдвард — ходячий компромат на этого Тома.
- А что — теперь мужиков компрометирует, если они дружат?
- Пока нет. Но убийство друга — да, компрометирует.
- Из ревности? Помилуй бог, да это ни в какие ворота! — воскликнула Клара.
- Послушай, ты висишь на волоске, — сказала Света. — И для тебя лучший вариант, если сюжет будет развиваться в эту сторону. Любой другой ухудшает твоё положение вплоть до пожизненного.
- Шутишь, — произнесла Клара.
- Внутри у неё вдруг всё улеглось, она увидела дорогу по крайней мере до следующей развилки. И дорога эта — помощь следствию. Дружба и взаимопомощь.

Четырнадцать

- «Надо кое-кому позвонить», — решила она. По дороге купила телефон и сим-карту без номера.
- Алло, — сказала Клара, садясь на скамейку в сквере рядом с гостиницей. — Узнаёшь? Телефон Тома у тебя есть?
 - Нет, — сказала трубка.
 - Не ври! Сейчас это очень важно.
 - Хорошо, — трубка продиктовала номер.
- Она записала ручкой на ладони.
- В номере гостиницы набрала номер Тома. Когда соединение состоялось, сказала:
- Я по поводу Эдварда. Нам надо встретиться.
- Связь прервалась. Она набрала снова. Но номер не отвечал. Она удовлетворенно потянулась. Рассмеялась. «Так и сходят с ума», — подумала она.

Пятнадцать

Следователь перебирал листы с прослушкой. «Том? Кто это у нас?»

Среди контактов Эдварда такой был один. Том Вудс. Сердечный друг. Совместный отдых. Покер по средам. Клара звонила — он говорить не пожелал. Теперь может сказать, что никакого звонка не получал. Ещё один подозреваемый. И такой жирный.

Следователь решил, что надо двигать начальство со сроками.

Начальство было очень недовольно, следователю это было высказано прямо.

— Вы добьетесь только того, что дело у нас заберут. Впрочем, — продолжило начальство, — это, может быть, и к лучшему. Я посоветуюсь. А вы, — начальство посмотрело на следователя в упор, — будьте очень внимательны. Дело уже кажется не таким простым.

«А я что говорил», — сказал следователь про себя. Он был воспитанным. Системой. Вслух добавил:

— Я стараюсь. Мне бы людей в помощь. Там много файлов неизученных — они работали в Сети. Хорошо бы специалистов у смежников взять.

Начальство пошамкало губами:

— Усилим тебя. Только ты не зарывайся слишком глубоко. И без самостоятельности.

— Само собой, — бодро отвечал следователь.

Когда дверь за следователем закрылась, начальство продолжало сидеть, не меняя позы. Потом принялось набирать номер. Начальство звонило начальству начальства. У каждого есть следующий уровень управления, откуда на него смотрят с презрением от необходимости повелевать такими недоумками.

— Алло, — сказала начальство начальства.

— Хотелось бы посоветоваться. Сверить часы.

— Завтра по ВКС. В двенадцать, — велела трубка.

Шестнадцать

Игорь едет в машине, принимает звонок.

— Вы что, прячетесь? — вместо приветствия говорит абонент.

— Что вы, Пётр Иванович, как раз собирался вам звонить, — тараторит Игорь. — Мы на пути получения или лучше сказать — возврата аванса.

— Мне не нужен возврат, — говорит неведомый Пётр Иванович. — Решай вопрос, иначе не расплатишься.

— Давайте останемся в правовых рамках, — отвечает Игорь.

— Я не против, но мои издержки крайне велики, у меня вся цепочка рушится.

— Я понимаю, но и вы поймите: дело может принять дурной оборот. Есть ощущение, что главные фигуры этого кейса еще не начали действовать.

— Вот и посуетитесь, пока есть окошко, — Пётр Иванович прерывает связь.

«Надо выпить», — Игорь останавливается у первого попавшегося бара — у него вроде начинается паническая атака.

Семнадцать

Тома не удивил звонок Клары. Он предполагал, что она может позвать его на похороны. Но голос её был напряжен и требователен. Тому это не понравилось. Он не хотел внимания к себе и к их общению с Эдвардом.

Потеря Эдварда вообще оказалась чрезвычайно не вовремя. Том собирался сворачивать свой канал работы по деликатным вопросам, но нужно было замести концы одного эпизода. А теперь кто-то поджег цирк — и клоуны взволнованы.

Эдвард был ширмой, их публично демонстрируемые отношения — отвлекающим маневром. Всё тихо закончилось бы — просто разобрали шапито

и уехали, а теперь придется разгребать дымящиеся головешки и общаться с пожарными.

Том разозлился: «Эдвард не мог уйти сам. Кто-то помог».

Восемнадцать

— Так это что — мы его грохнули? — орало начальство в Москве, когда подчиненные вернулись с результатами.

— Похоже на то, — мямлили подчиненные.

— За каким хером?

— Ну, полагали, что тем самым обеспечиваем вербовку Тома Вудса, — сказали подчиненные. — Но это не точно.

— А другой рукой разрушили подводку к нему нашего агента, — начальство вдруг перестало орать. Устало, наверное, работать на таких оборотах.

— Похоже, что так, — соглашались подчиненные.

— Молодцы, — сказала начальство.

И было понятно, что это вряд ли похвала. Поэтому подчиненные молчали.

— Предложения? — спросило начальство.

— Соединить напрямую вербовку и продвижение, — туманно сказали подчиненные.

— Это как? — не поняло даже начальство.

— Вербовочная встреча превращается во встречу встревоженного клиента, не получившего заказ, с исполнителем, которая при удачном стечении обстоятельств превратится в обмен возможностями. Типа мы заметаем следы, а он берет нашего человека в бизнес. Без вербовки, но с обязательствами, — перебивая друг друга, доложили подчиненные.

— Делайте, — сказала начальство, которому всё стало понятно. — Но учтите, всех вас спишут, если что.

— Понятно, — закивали головами подчиненные.

Они ушли, а начальство осталось. Оно, как всегда, смотрело прямо в дверь.

Девятнадцать

Похороны Эдварда прошли без скандалов, тихо и незаметно. Клара была прекрасна в черном, девочки тоже не упали в грязь лицом. К ней подходили, говорили, Клара не слушала, кивала. Она вдруг осознала, что Эдварда нет. И больше не будет. Не «нет», а «не будет».

Подошел Том.

— Извини, я не ответил на звонок, — сказал он. — Такая утрата...

— Особенно для тебя.

Том не отреагировал.

— Держись, — сказал он.

— В меня бьется ваш с Эдвардом клиент, — сообщила она.

— Вот как.

— Это моя проблема? — спросила она.

— Это твоя проблема, — сказал Том.

Клара заплакала. Вот не плакала, а теперь заплакала.

«Театр», — подумал Том и ушел не оглядываясь.

«Тварь, тварь, тварь», — шептала Клара.

Наконец всё закончилось, она не помнила, как. Очнулась уже дома.

Дома. Пусто. Пусто. Пусто.

Вдруг промелькнула мысль: у Эдварда должен быть тайник. Она не знала, где он, но понимала: тайника не могло не быть.

Она посмотрела на свои руки. Красивые. Они дрожали. Лихорадочно работала память: где? Вспомнила случай из прошлого: она зашла в гараж, Эдвард двигал ящики, стоявшие по стенкам, со всяким якобы полезным, давно прожитым хламом. У кого есть

гараж, те знают, как это бывает: длинная остановка по пути на помойку. Ящики. Эдвард тогда сказал, что много полезного тут есть: он иногда роется и такое находит!

Двадцать

Она пошла в гараж. Тех ящиков не было. Всё-таки выбросил? Не может быть.

Вышла из гаража и заглянула за угол — ящики стояли тут под небольшим навесом. Собирался, но не выбросил?

«Итак, что же мы ищем?» — Клара не знала. Она открывала коробки, пыльные крышки пачкали руки, а Клара не любила грязные руки. Но азарт вёл за собой. В третьей — кажется, в третьей — коробке обнаружилась старая папка с тесемочками, таких уже не делают давно. На папке было написано от руки шариковой ручкой: «Ярославль». И папка, и чернила уже почти потеряли первоначальный цвет. Клара развязала тесемки — среди туристических путеводителей и анкет на бланках турфирм лежало несколько паспортов. Паспорта были британские и итальянские. Все новые.

«Ну что, подруга, доигралась?» — спросила Клара себя. И ответила: «Теперь, пожалуй, доигралась». Она закрыла коробку. Дальше искать не стала. Этого пока достаточно, решила Клара.

Оставался один вопрос: где наличные? Судя по всему, они должны где-то быть.

Двадцать один

Следователь. Опять у начальства. Ему нужно разрешение на допрос Тома Вудса. Вудс дипломат — это канитель. Начальство потеет, но не сдается.

- Что ты хочешь у него узнать?
 - Кто убил Эдварда Красноперцева, — говорит следователь.
 - Он скажет: это не я, — говорит начальство.
 - Пусть скажет под протокол. Они были хорошо знакомы. Нами обнаружена квартира, где они бывали вместе, — врёт следователь.
 - Серьезно? Нашли квартиру? Тогда другое дело, — одобряет начальство.
 - Разрешаете провести формальную процедуру вызова на допрос? — спрашивает следователь.
 - Не спеши, надо подумать, — говорит начальство. — А как ты вышел на квартиру? Камеры в подъезде? — начальство крайне оживлено, есть с чем торговаться выше.
 - Вдова помогла, — говорит следователь.
 - Ладно, иди работай, мы тут посоветуемся, — прощается начальство.
- Следователь встает и выходит. Начальство нервно потирает ладони, потом трет виски, потом поднимает телефонную трубку.

Двадцать два

Клара продолжает бродить по дому, походя прибираясь, продолжая ощущать необъяснимое: Игорь толкает её в деньги, а она их не видит, она дружит со следователем, но толку ноль.

И Том отвернулся. А ведь они часто бывали вместе с Эдвардом то там, то сям. Эдвард всегда говорил, что, если бы не Клара, он жил бы с Томом. И потом смеялся.

Не смешно, а смеялся.

Двадцать три

Следователь соврал про квартиру. Ему аноним написал, что была квартира, где встречались Эдвард и Том. Но получать наводки от анонима неправильно. Правильно — от Клары. Следователь позвонил Кларе, вызвал ее к себе на утро.

Но раньше была Светлана.

Она возникла ниоткуда. Клара шла из магазина, повернула голову — стоит Света.

— Ждёшь кого? — спросила Клара.

— Тебя, — сказала Светлана. — Тут вот какое дело, девочка моя. Ты оказалась в центре интриги. Но есть люди, готовые тебя вытащить. За простую услугу.

— Какую?

— Организовать встречу с Томом.

— Нереально, — сказала Клара.

— Всё реально, когда яйца в тисках, — ответила Света. — Если поможешь — от тебя отстанут. Совсем.

Двадцать четыре

Клара зашла домой, позвонил Игорь.

— Ты бывал когда-нибудь где-нибудь с Эдвардом кроме как у нас дома? — неожиданно для себя спросила она.

— Внутри — ни разу, а рядом — наверное, — ответил Игорь.

— Покажешь, — приказала она.

— Это в Праге.

— Где?

— Город такой — Прага. Рядом с Карловым мостом есть тихий бар. Мы там натрескались пару раз. Эдвард выглядел так, будто выбежал из дома на минутку.

«Кто может знать адрес?» — хотела спросить она, но не спросила. Понятно, что надо трясти Тома.

— Как наши дела? — поинтересовался Игорь.

— Исправляются. Если ты дашь мне фото своего клиента, будут ещё лучше.

— Зачем тебе? — спросил Игорь. В голосе появилась тревога.

— Иначе ничего не выйдет, мы в тупике из-за разрыва цепочки, — Клара не понимала, откуда такие обороты и такой текст вообще взялся в ее голове.

— Ладно, заеду к тебе.

Клара вышла из дома, купила телефон и позвонила Тому. Он не ответил. Она написала смс: «Мы можем увидеться в Праге».

Прошел час. Собиралась выбросить телефон — посмотрела, а там была смс на ее смс: «Послезавтра. В 15 часов. У Карлова моста со стороны башни. Не отвечай».

И она выбросила телефон.

Двадцать пять

Утро. Следователь. В том же костюме, той же рубашке и том же галстуке.

«Они у него все одинаковые или действительно один экземпляр?» — подумала Клара. Сама она надела скромный брючный костюм. Сумочка от «Диора». Туфли от «Джимми Чу». Ну, все смотрели про дьявола, который носит сами знаете что. Примерно так.

Следователь был оживлен, что было ему не свойственно.

— Что вы знаете про квартиру? — спросил он.

— Ничего, — сказала она.

«Сука», — подумал он.

«Кто же так ухаживает», — подумала она.

— Про квартиру, где проходили встречи Эдварда и Тома. Они вели двойную жизнь, — сказал следователь.

«Как вы все мне надоели», — подумала Клара. Вслух сказала:

— Жены всё узнают последними.

— Может быть, это часть игры в прятки, — ухмыльнулся следователь.

— Держите ваши пороки при себе, — оборвала его она.

— Где Вудс? Том Вудс!

— Я не знаю, — честно сказала она. — Я думала, вы найдете.

— Мы найдем, но время идет.

— Он — убийца, — сказала она. — Вы должны объявить его в международный розыск.

— Объявим. Но вы должны помочь.

— Разве я не сотрудничаю?

— Не слишком.

— Меня шантажируют.

— Кто?

— Бывший клиент Эдварда говорит, что Эдвард был должен ему деньги.

— Может, они с Томом заодно?

— Возможно.

— Телефонная беседа с Вудсом нас тоже устроит, — сказал следователь.

— Я попробую, — ответила Клара.

— Вы же не намерены наделать глупостей? — спросил вдруг следователь. — Скрыться, например.

— Конечно, нет.

Он ей не верил, она это видела.

«Эта старая прошмандовка хочет меня обмануть», — подумал следователь.

Они попрощались и улыбнулись друг другу.

«А жопа у нее ничего», — подумал следователь, глядя в закрытую дверь.

Двадцать шесть

До Праги летели почти два часа. Потом она описала место таксисту, он привез. Том ждал ее.

— Нам сюда, — он показал рукой.
Свернули в переулок. Поднялись на второй этаж. Том открыл дверь и вошел первым.
Клара занервничала. Том выглядел уверенно — наверное, надеялся ее трахнуть. Она хотела уговорить его встретиться со Светкиными знакомыми.
«Квартира как квартира», — подумала Клара. Они стояли посредине гостиной.
— Где деньги, Том? — спросила она.
— Какие?
— Те, что платили ваши клиенты.
— Уходили на взятки.
— Ты хочешь сказать, что вам ничего не оставалось? — Клара играла недоумение.
— Конечно, оставалось, но мы любили покер. Тут есть казино. Нам не везло.
— И ты решил убрать Эдварда?
— Эдвард любил могучее полное осознание, — усмехнулся Том. — Такое бывает в последние секунды жизни, когда организм готов к смерти. Он часто заставлял меня его душить. Он и в карты играл поэтому. Сходные ощущения при проигрыше.
— А ты? Ты же не такой? Ты же прагматичный.
— Эдвард был нужен для канала международных посредников. Бандиты, политики, бизнесмены.
— Вершители судеб, мировое правительство? — усмехнулась она.
— Пониже, — Том засмеялся.
— Зачем ты его убил?
— Случайность, — Том был невозмутим.
Клара хотела узнать подробности, но не решалась выяснять.
— Здесь есть выпивка? — спросила она.
— Конечно.
Том достал виски, стаканы, лед. Выпили.
— Какие у тебя теперь планы? — спросила Клара.
— Начальство требует, чтобы я исчез. Посредники хотят продолжения банкета.

— Кстати, о посредниках, — сказала Клара. — Похоже, я один из них.

— Предлагаешь заменить Эдварда?

— Я лишь гонец с вопросом: есть люди, которые хотят с тобой встретиться. Будешь?

— Буду, если ты займешь место Эдварда, — Том говорил механически.

«Он вообще какой-то механический, — подумала Клара. — В этой пижонской рубашке, в этих брючках и лоферах с часами».

— И ты задушишь меня потом?

— Если попросишь, — сказал Том.

«Как все гладко будет, — думала она. — Дело закроют, бизнес продолжится, отряд не заметит потери бойца».

— Расскажи, как было в ту ночь, — попросила она.

— Он хотел тебя удивить. Сказал, что сам до предела дойти не сможет. Нужен я. Когда он спрятался, ты уже была под тем, что мы тебе подмешали.

— Суки, — прошептала Клара.

— Эдвард встал под этот крюк на двери, я завязал шарф. Он стал возбуждаться, я продолжал держать. У нас было стоп-слово, он его не сказал.

— Ты что, не видел, что он задохнулся?

— Потом увидел, — сказал Том. — И сразу ушел, чтобы ты на меня не наткнулась.

Двадцать семь

Помолчали. Выпили. Том сказал:

— Эдвард ненавидел иллюзию, воспринимал мир как хаос, стремился к осознанию. Это я пересказываю его слова. Эдвард был намного глубже, чем выглядел, и намного умнее. Ты не замечала?

— Нет. Он казался мне странным и бестолковым. Возможно, это синонимы, — она засмеялась. — Он стремился в иллюзию, я так думала и думаю, не-

смотря на твои слова, что он иллюзию ненавидел. Эдвард считал мир бесконечным?

— Да. Бесконечным и непознаваемым.

— Интересно. А тебе не кажется, что вся эта философская лабуда не вяжется со всем происходящим с нами?

— Ну почему? Абсурд — основа нашего бытия, если присмотреться. Вот, например, мы, два здоровых симпатичных человека, сидим и говорим неизвестно о чем, вместо того, чтобы трахаться в здешней уютной спальне или на кухонном столе, — Том смотрел на нее серьезным взглядом.

Клара молчала.

— Не сердись, это чтобы снизить градус высокого стиля.

Она встала:

— Показывай, где тут спальня.

Двадцать восемь

На следующий день с утра шел дождь.

Клара проснулась от ощущения, что она одна. Обошла квартиру — Тома не было. Приняла душ. Пришлось надеть вчерашнюю одежду.

«Омерзительно, — подумала Клара. — Я как использованный — нет, я хуже — я многоразовый гондон. Моют, сушат — и снова в дело. Как так вышло?»

Сварила кофе. От привычного запаха стало легче. Она любила запах кофе. Решила думать.

«И что мы имеем? Мы имеем сбежавшего Тома. Как он говорил ночью? Что я должна была сделать? Не хочу вспоминать». Клара заварила еще эспresso. Проглотила одним глотком.

Позвонила Светлане.

— Как наши дела? — спросила та.

Клара помнила, что раньше Светлана часто и глубоко дышала в разговорах, а сейчас этого не было.

«Почему мне кажется всё симуляцией? Все говорят одинаково — и тембр, и обороты, и тексты. Просто смол-ток», — подумала Клара.

— Наши дела — прекрасно, — сказала она. — Конструкция, в которой я вместо Эдварда, устроит твоих товарищей?

— Я узнаю, — сказала Света после значительной паузы.

Двадцать девять

На следующий день Клара, уже в Риге, сидела на лавочке с Игорем. Он был воодушевлен. Показал ей фотографию мужчины. Но в руки не дал.

— Не знаю такого, — покачала головой Клара.

— Ты хочешь сказать, что документа с таким фото у тебя нет?

— Это я и говорю.

Игорь сгруппировался, выпятил челюсть.

«Чувствительный», — подумала Клара.

— Игорь, я тебе не враг, — сказала она.

— Это мы еще посмотрим, кто кому враг.

Он встал и быстро зашагал по дорожке.

Тридцать

Света очень суежилась, когда представляла Кларе двух мужчин.

— Милочка, — сказала Светлана, — эти господа хотели с тобой познакомиться.

Клара смотрела на них без видимого интереса, хотя один из них был с фотографии, которую показывал ей Игорь и которая была на паспорте из папки «Ярославль». Другой был низенький, крепкий, абсолютно безликий.

— Павел, — представился безликий. — А это Егор.

Клара чуть не сказала: «Да какой же это Егор?» Но промолчала, ведь мог же он быть на самом деле Егором. Вместо всего этого Клара кивнула.

— Мы, собственно, по поводу встречи с Томом. Светлана вам говорила?

— Да.

— Так как же мы это обтяпаем?

Клара засмеялась:

— Обтяпаем — чудное слово.

— Обычное, — сказал безликий Павел.

— Я не знаю, как устроить вам встречу с Томом. Могу в качестве замены предложить себя. Если вас устроит.

— Нас устроит, если вы сможете обеспечить наше вхождение в дело не как клиентов, а как партнеров.

— А зачем мне это? А уж тем более Тому? — удивилась Клара вполне искренне.

— Мы решаем вопросы с расследованием смерти Эдварда и увеличиваем поток клиентов.

Клара пожала плечами.

— Вы посоветуйтесь с Томом, — сказал Павел.

И они с Егором ушли.

— Что это было? — спросила Клара.

— Очень важные люди, — ответила Светлана. — И очень опасные.

— А ты-то почему на цырлах?

— Важные для мужа люди, — глаза хозяйки бегали.

Они молча допили бутылку. Больше Клара не стала, ей нужно было к следователю.

Тридцать один

В Москве тоже не сидели сложа руки.

— Что у вас? — спросило начальство.

— Мы находимся в полупозиции, — ответили подчиненные.

— Без метафор! — раздраженное начальство хотело перейти в бешенство, но пока сдерживалось.

— Жена убитого Эдварда знает больше, чем говорит. Возможно, раскрыла нашего агента путем смешения двух линий.

— Вы можете говорить понятней? — закипало начальство.

— Агент агента засветил ей агента, — сказали подчиненные.

— Кто-то работает с Ригой, ведущей свое расследование? — спросило начальство.

— Так точно, — сказали подчиненные. — Но там все не совсем прозрачно.

— Предложения? — спросило начальство.

— Нужно упрощение конфигурации, нужна ликвидация лишних и слабых звеньев, чтобы не допустить непредсказуемого развития событий, — доложили, перебивая друг друга, подчиненные.

— Конкретнее! — потребовало начальство.

— Клару сохранять, агента агента устранять, агента выводить, открытый вопрос — это Том.

— Работайте, открытые вопросы закрывайте, — распорядилось начальство.

«Мудаки», — сказала начальство, когда подчиненные вышли.

Тридцать два

Следователь был приветлив. Клара напряжена.

— Какие новости?

— Меня преследуют и вымогают что-то — то ли деньги, то ли услуги, которые должен был оказать Эдвард.

— А квартира?

— Вы меня слушаете?

— Да, вас преследуют. С этим разберемся. Я спросил: как квартира?

— Квартира в Праге. Вам по силам получить международный ордер на обыск?

— Адрес?

Она продиктовала.

— Том может там появиться?

— Уверена.

— Теперь о вымогателе расскажите.

— Зовут Игорь. Требуется десять миллионов или документы. Я так поняла, он посредник между Эдвардом и клиентом, — Клара выпалила все скороговоркой.

Следователь записывал.

— Никогда никого не сдавала, — сказала Клара.

— Привыкнете, — ответил следователь.

Тридцать три

Следователь просидел в приемной полчаса, ибо у начальства были люди. Это вообще такая стандартная начальственная отговорка — «у меня люди». Наконец люди ушли и его позвали в кабинет.

— Квартира установлена, она в Праге, поэтому нужен Интерпол как минимум, — сказал следователь. — Я подготовлю запрос?

— Пожалуй, — ответило начальство.

— Вымогатель преследует нашего свидетеля — вдову убитого, — сказал следователь.

— Заявление от нее есть?

— Устное.

— Берите письменное и получайте ордер на арест. А теперь идите и постоянно информируйте, — начальство тоже желало действовать, но свидетели ему были не нужны.

Следователь кивнул и вышел, а начальство стало звонить начальству начальства.

Тридцать четыре

— Ну а что? Может быть, это хороший вариант — всё повесить на этого вымогателя. Он вымогал у покойного, а теперь вымогает у вдовы.

Примерно так начальство начальства сформулировало свою мысль начальству после заслушивания версий и предложений.

— Всё понятно, будем действовать, — сказала начальство.

Тридцать пять

Клара, пребывая в меланхолии после Праги, позвала девочек к себе домой. Была пятница, девочки были настроены серьезно. Клара купила всё необходимое. Шампанское и шоколад в основном. Ещё клубнику и бутылку виски. «Макаллан», конечно. Эдвард любил.

Эдвард. Эдвард. Эдвард.

Компания сидела допоздна. Когда перешли к хоровому пению, Клара вышла на улицу и закурила.

— Ты же не куришь, — удивилась Вика, давая ей сигарету.

Вика была женой богатого москвича, сбежавшего от долгов. «Ну вы понимаете», — говорила она, закатывая глаза, когда спрашивали про мужа. Ну и все такие: «Конечно, понимаем». Хотя не понимали ничего.

Вика была почти трезвая и способная на вопросы.

— Да, я не курю, но сейчас курю. Ты же вот пьешь обычно, а сегодня — нет. И я не спрашиваю, почему, — ответила ей Клара.

— Будешь дом продавать? — спросила Вика.

— Если деньги понадобятся.

— Продавай нам, — сказала Вика.

— Вам он мал, — ответила Клара.

— Снесем и построим, — разъяснила Вика.

Они ещё затянулись и погасили сигареты.

Дома никто не заметил отсутствия хозяйки, гремела музыка, собирались звонить стриптизерам. Разошлись поздно, осталась Света, с ней они и прикончили виски. Ну а для чего оно ещё нужно — афтепати.

Света хотела говорить, в основном благодарила Клару за то, что она есть и какая она есть. В их отношениях произошла перемена — как если бы вдруг Клару повысили, а Свету понизили. Клару это беспокоило.

Наконец удалось Свету выпроводить. Стало жутко. Представился задушенный Эдвард. Она зажмурилась, открыла глаза — Эдварда не было, возбуждение было. «Это ж надо, какая ерунда со мной творится, — подумала Клара. — И что мне теперь делать? Надо позвонить Тому».

Она нашла телефон, набрала номер. Никто не ответил. Она набирала еще и еще. Возможно, плакала.

Тридцать шесть

Утром первым делом порадовалась, что Том не ответил. Она проверила телефон. Да, не ответил на 25 звонков. Молодец какой!

Клара еще валялась в постели, когда начал названивать Игорь. Она думала, глядя на звонки, что ей делать. А потом решила отдать ему паспорт того, который назвался Егором. Почему? Может, она и знала, почему так решила, но говорить себе не хотела.

— Утро чудесное! Может, позавтракаем? В башне, — весело затараторил Игорь, когда она все-таки ответила.

— Жди, — буркнула она и отключилась.

Встала. Приняла душ. Восстановила привычный для всех вид лица. Пошла за гараж. Достала папку «Ярославль» и нашла в ней паспорт.

Тридцать семь

Завтрак был сносный.

— Я нашла кое-что, — сказала она Игорю, показывая паспорт. — Порылась в Праге и нашла. Хочу за это сто тысяч.

— С чего? — спросил Игорь.

— А с того, что я могла и не найти. Или не отдать тебе. А к предыдущим вашим договоренностям я не имею отношения.

— Тогда чего так мало? — улыбался он.

— Справедливая сумма. В услугу, наверное, входил не просто паспорт, но я об этом и знать не хочу, — сухо пояснила Клара.

— Я передам твои условия. Позвоню сегодня же.

Она смотрела ему вслед, на его широкие плечи и упругую задницу. Если бы он не свернул за угол, её бы укачало.

Тридцать восемь

На следующий день позвонила Света, долго рассказывала, что она еле оклемалась от посиделок, а потом попросила встретиться с Егором.

— Их было двое, вот Егор — один из них, — объяснила она.

— Хорошо, я встречусь, — сказала Клара.

— У меня через час, — произнесла Света и молниеносно повесила трубку.

«Вот сволочь, — подумала Клара. — На ходу подметки рвет».

— Нам срочно нужен Том, — сказал тот, который из паспорта, мужчина, называвший себя Егором, когда Клара добралась до гостиной Светы.

— У меня нет с Томом постоянной связи, — ответила Клара.

— Это не просьба, это требование. Убит некий Игорь, посредник Тома и вашего мужа. У нас есть основания полагать, что это сделал Том.

— Я поняла. Я знала Игоря, — глаза Клары наполнились слезами. — Какой ужас, все непрерывно гибнут.

Тот, который Егор, продолжал:

— Всем будет плохо, если мы с Томом не разрулим ситуацию. Важные договоренности пойдут прахом, а вы, Клара, сядете в тюрьму.

— Я про это уже слышала, — сказала Клара. — Я стараюсь, чтобы Том вышел с вами на связь.

— Вот и прекрасно, — успокоился тот, кто называл себя Егором. — Желательно встретиться здесь завтра в это же время.

Тридцать девять

Начальство начальства следователя в разговоре с мужем Светланы, с которым состояло в дружеских старосоветских отношениях, упомянуло, что следствие по нашумевшему в узких кругах делу находится на распутье, ибо улики все косвенные, а потенциальных подозреваемых три: Клара, Том Вудс и кто-то еще неустановленный.

Муж Светланы в ответ высказал мысль, что, возможно, найденный недавно убитым некий посредник, связанный с Эдвардом и Томом, может быть тем искомым третьим, который и есть настоящий убийца. Начальство начальства с интересом смотрело на собеседника, а потом созналось, что ему ещё не доложили о смерти Игоря.

— Это было бы прекрасно, — сказала начальство начальства. — Просто прекрасно. Мы бы тогда достойно вышли, а всё остальное — не наше дело.

— Именно, — сказал муж Светланы. И повторил: — Именно!

Сорок

Когда Клара подошла к дому, она увидела следователя. Он стоял такой неприметный в своем сером костюме с бесцветными волосами. Портфель был самой яркой деталью в этом пятне неузнаваемости.

— Вы без ордера?

— Юмор, — похвалил он.

— Сарказм, — ответила она.

— Том найдется? Или он уехал совсем? — спросил следователь, когда они зашли в дом.

— Прага не дала результата? — уточнила Клара.

— Косвенные, но не в Праге дело, а в том, что объявить Вудса в розыск оказалось непросто, — ответил следователь.

— Хотите, — вдруг сказала Клара, — я сейчас при вас ему позвоню?

— Звоните, — невозмутимо сказал он.

«Амёба, — подумала она. — Ни от чего не заводит-ся». И набрала номер Тома.

— Это Клара, — сказала она.

— Слушаю тебя, Клара.

— Я сейчас говорила со следователем, он хочет с вами пообщаться. Это возможно?

— Вряд ли.

— Можно я включу громкую связь?

— Пожалуйста.

— Я официально приглашаю вас на допрос и уведомляю, что в случае неявки вы будете объявлены в розыск, — сказал следователь.

— Я понял. Это всё? — спросил телефон.

— Ещё вопрос: вы убили Эдварда Красноперцева?

— Нет, — сказала трубка.

— Кто мог это сделать?

— Это уже второй вопрос, — сказала трубка.

На этом разговор закончился.

— Довольны? — спросила Клара следователя.

— Вполне, — ответил следователь. — Начальство толкает меня в этом же направлении, но всё как-то больно гладко.

— Мало трупов? — Клара посмотрела на него. — Вы хотите найти правду? Она что — бывает? Или безмятежность бытия вас задолбала?

— А кофе у вас есть? — следователь посмотрел на нее.

— Равновесие — великая вещь, — сказала Клара и стала варить кофе.

Он хотел ей что-то сказать, она хотела его куда-то послать. Но они допили кофе, он встал и откланялся. Она не уговаривала его посидеть ещё. Цивилизованные люди. Что хорошего?

Сорок один

Начальство и подчиненные. Опять Москва.

— И? — спросило начальство.

— Всё по сценарию, — ответили подчиненные. — Подсунули под версию годного человека.

— А то, что это был человек смежников и они теперь вне себя от ярости, это как?

— Мы не знали, — опустили головы подчиненные.

— Напахали вы знатно. Для нас-то всё неплохо, конечно, выходит, — сказала начальство. — Не будет больше сюрпризов?

— Не должно, — неуверенно сказали подчиненные. — Живой процесс, трудно контролировать. Острая нехватка людей на месте. Да и те, что есть, так себе. Засиделись. Дисквалифицировались.

— Отговорки! — начальство раздраженно стучало ладонями по столу. — Я докладывал наверх о наличии надежного канала переправки людей.

— Делаем всё возможное, — сказали подчиненные. — Есть нюанс один. Том Вудс пока не в контакте с нашими людьми.

— Выйдите на контакт, через три дня доложите, что всё хорошо и работает, — приказало начальство.

— Есть! — сказали подчиненные.

Они ушли, начальство осталось.

Сорок два

Клара сидела и курила. Она давно бросила, но привычка вернулась. Она сидела и повторяла про себя: «Эдвард, Эдвард, Эдвард».

Она совершенно не хотела общаться со всеми этими Томами, Егорами. Всё удачно складывалось, но желания не было. А без желания как? Она привыкла к желаниям и их исполнению. Пусть мелкие, пусть простые, но из них и состоит жизнь. Безликое нажористое существование не прельщало.

В дверь постучали. Она пошла открывать, подавив желание изображать пустой дом.

На пороге стоял мужчина средних лет — то есть молодой по нынешним меркам.

— Эдвард дома? — спросил он.

— Нет, — сказала Клара.

— Досадно, — поморщился мужчина. — Тогда вы не могли бы передать ему это?

И он протянул Кларе конверт.

Клара закрыла дверь, открыла конверт. Там лежал листок бумаги, на котором от руки был написан адрес электронной почты.

«И чего мне с этим теперь делать? Кошмар какой!» — подумала Клара и сварила кофе. Клара любила кофе. Эспрессо. Без сахара. Выпила одним глотком, без размусоливания.

Посидела, включила компьютер. Набрала адрес из конверта. В ответ получила запрос на код. Пошла в гараж, достала заветную папку и стала перебирать листки. На одном было написано «Клара» и 27 цифр, букв и прочих знаков. Вернулась в дом. Отправила код из папки, потом нажимала и нажимала на всплывающие ссылки. Нажав на очередную ссылку, попала в директорию, где знакомый голос сказал:

— Привет!

— Ни хрена себе! — заорала Клара.

В ответ раздался знакомый, очень знакомый смех.

Содержание

Губы.....	10
Коровник.....	15
Барьер.....	25
Альцгеймер не дурак.....	33
Мудаки	40
Хор	47
Саксофон.....	56
Отложенная жизнь.....	61
Ставка.....	69
Корпоратив	79
Князь Милославский	86
Пакистанец	93
Двойники	100
Капитан.....	111
Исходный код	119
Формальность	127
Камилла	134
Убить родителей	143
Смешной случай	150
Картье.....	157
Товарищи по борьбе	165
Свобода	173
Лера	193
Прятки.....	200

Семён Грила
ПРЯТКИ
РАССКАЗЫ
18+

Редактор: Сергей Балуев
Иллюстрации: Виктор Богорад
Дизайн и верстка: Фёдор Шумилов
Корректор: Светлана Мазур

ISBN 978-5-4391-1044-5

Сдано в набор: *** 2026
Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс»
199155, Санкт-Петербург, Уральская ул., 17, корп. 3, офис 4
art-xpress.ru | +7 (812) 331-33-22 | Заказ *****

Тираж 200 экземпляров

